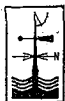

А. СТЕРЛИКОВ

В ДЕЛЬТЕ СЫРДАРЬИ

*Записки
участника
изысканий*

ЛЕНИНГРАД
ГИДРОМЕТЕОИЗДАТ
1980

26.222
С 79

Научный редактор
д-р техн. наук Ю. Б. ВИНОГРАДОВ

С 79 Стерликов А. Е.

В дельте Сырдарьи. Под ред., предисл. д-ра техн. наук Ю. Б. Виноградова. Л., Гидрометеониздат, 1980 г. 128 стр., с илл.

Книга повествует о работе гидрологов в Северных Кызылкумах, в руслах древней Сырдарьи.

Автор, участник экспедиции, показывает трудовые будни небольшой изыскательской группы, рассказывает о встречах с местными жителями. Вместе с тем он старается не оставить читателя равнодушным к неповторимой природе дельты, развертывает широкую панораму ее ландшафтов, живописует суровый лик пустыни,

20806-060
С 069(02)-80 64-80 1903030000

26.222

От редактора

Книга А. Е. Стерликова — живой и взволнованный рассказ о междуречье Сырдарьи и Амударьи. Этот район древней культуры и древнего орошения ныне полупогребен в песках Северных Кызылкумов. Тем не менее древние русла, протоки и каналы продолжают здесь жить своей специфической жизнью, но уже приспособленной к местным условиям. Время от времени, далеко не каждый год, по ним прокатываются паводковые волны. И если здесь пройдет трасса большого канала, то все особенности этой местности должны быть тщательно учтены. Реальному проектированию подобных мероприятий должны предшествовать разработки общей схемы, а последним — полевые изыскания, научные решения, проведения экспериментов. В связи с этим Государственный гидрологический институт проводил в 1976 году подробные полевые рекогносцировочные обследования этого района.

Случилось так, что молодой ленинградский журналист Анатолий Стерликов принял участие в этой экспедиции. Его экспедиционным впечатлениям и посвящена эта книга. Популяризация проблемы переброски части стока и связанных с последней гидрографических и гидрологических исследований проводится автором исподволь, ненавязчиво. Проблема присутствует в книге почти незримо, как бы лишь маячит на пустынных горизонтах. А вот сама пустыня, река, протоки, тугайные леса находятся в центре внимания. И, конечно же, люди — как члены экспедиции, так и персонажи „внешнего мира“. Читатель найдет здесь портреты полевиков-гидрологов, прочувствует колорит маршрутного и бивачного быта, ощутит романтику дальних дорог. Автор проведет его сквозь тьму веков к настоящему и ближайшему будущему пустыни. С большой теплотой и любовью написаны отдельные небольшие этюды, посвященные чему-то привлекающему к себе внимание автора, — будь то размышления о камыше или тамариске, или описание ночного блуждания по тугаям, пескам и протокам, или попытка отобразить психологию шофера-экспедиционника.

Прочитав эту книгу, гидрологи смогут как бы увидеть себя со стороны, смогут посмотреть на свой труд, на свои экспедиционные будни несколько иными глазами. Но не сомневаюсь и в том, что книга представит интерес и для самого широкого круга читателей.

Ю. Б. Виноградов

От автора

Однажды в отдел транспортной газеты, где я работал корреспондентом, пришло сообщение об изысканиях на трассе проектирующегося Обь-Каспийского канала.

Автор информации, в частности, писал: «Обь-Каспийский канал протяженностью более чем в три тысячи километров будет самым грандиозным сооружением подобного рода на Земле.

Водозабор проектировщики предполагают соорудить у Тобольска, при слиянии Тобола и Иртыша, трасса же канала проходит по дну Тургайской ложбины, пересекает Казахский мелкосопочник, а затем и Среднеазиатское Междуречье... Глубины трехтысячекилометровой рукотворной реки — до десяти метров — позволяют крейсировать судам типа „река — море“ там, где пока что не хватает воды для того, чтобы напоить огару овец... Изыскания на трассе канала уже начались».

Для того чтобы уточнить, проверить эти любопытные сведения, я отправился на Вторую линию Васильевского острова, в Государственный гидрологический институт.

В отделе, где занимаются обоснованием перераспределения стока северных и сибирских рек на юг страны, мне сказали, что писать о судоходстве в Тургайской степи пока еще рановато. Рановато говорить и о переброске стока. Но сообщения нашего нештатного корреспондента об изысканиях на трассе предполагаемого канала подтвердили. Более того, меня познакомили с Валерием Сергеевичем Ясаковым, старшим инженером-гидрологом, который как раз готовился поехать с экспедицией на Сырдарью для обследования южного участка трассы.

Мы разговорились и выяснили, что год назад оба странствовали по реке Чу. Ясаков тогда возглавлял гидрографическую партию, а я собирал материал по заданию журнала „Вокруг света“. Разминулись мы совершенно случайно.

Ясаков с удовольствием вспоминал прошлый сезон. Но с подлинным вдохновением, с увлечением он рассказывал о Сырдарье, о Кызылкумах.

Я люблю увлеченных и беспокойных людей. А кроме того, я люблю реки Средней Азии, люблю путешествовать по степям и пустыням. Стоит ли удивляться тому, что мы с Ясаковым нашли общий язык, подружились?

А спустя месяц или полтора Валерий Сергеевич позвонил в нашу редакцию. Он сказал, что ему нужен техник-гидролог,

и спросил, что я думаю по поводу возможной поездки на Сырдарью.

Я толком не знал, чем занимаются в экспедициях техники-гидрологи, но, недолго раздумывая, подал редактору заявление с просьбой уволить меня.

Если бы Ясаков предложил мне в своей экспедиции что-либо другое — скажем, выполнять работу речника или землекопа, — я бы все равно согласился.

Мне, как журналисту, очень хотелось побывать на трассе будущего канала, хотелось быть свидетелем изысканий. И я не мог упустить такую прекрасную возможность — лишний раз съездить в Среднюю Азию.

— Об этом своем решении — опрометчивом, с точки зрения редактора, — не жалею. В экспедиции я близко познакомился с гидрологами — людьми интересной, хотя в общем-то скромной профессии, увидел не только Сырдарью, но также и ее древнюю дельту, поразившую меня своей пространностью, многообразием ландшафтов.

Именно об этом я и рассказываю в своих „Записках“.

Пролог

Красное кирпичное здание на Второй линии Васильевского острова, фонари у входа в стиле прошлого века, переполненные курящим людом лестничные площадки. Одним словом, мы дома и снова в стенах ГГИ — Государственного гидрологического института.

Здесь, в отделе по обоснованию переброски стока, в который я был зачислен техником перед поездкой в Кызылкумы, мне временно выделили чей-то стол. Как раз рядом с Валерием Сергеевичем Ясаковым, старшим инженером-гидрологом, с которым мы пробыли в пустыне более двух месяцев.

Экспедиция Ясакова благополучно вернулась, и теперь ее участники, выражаясь языком гидрологов, „сидят на камералке“, то есть обрабатывают полевые материалы, готовят их для составления отчета. Камеральные работы — логическое и необходимое продолжение полевых изысканий.

Валерий Сергеевич как-то переменялся. Это уже не тот Ясаков, которого мы привыкли видеть в поле. Там он был руководителем-единоначальником. Мы не могли без его разрешения покидать пределы бивака, открывать флаги с водой во время перекочевок по пустыне, опаздывать на завтрак, обед и ужин, ну и так далее. А в институте он такой же исполнитель текущих дел, как и многие другие. На время „камералки“ все участники сырдарьинской экспедиции еще считаются под началом Ясакова.

Но это формальное подчинение. Ибо нам, в том числе и Ясакову, чаще поступают указания или от руководителей тем и групп, или от начальника отдела. Короче говоря, изменился не сам Ясаков, а его положение.

Валерий Сергеевич, конечно же, остался прежним. Вот и приметы, которые подтверждают справедливость этих слов: остро отточенные жала карандашей, красиво надписанные и аккуратно сложенные в стопки полевые журналы и дневники. Точно в таком же образцовом порядке Ясаков содержал свое „хозяйство“ и в поле.

Несмотря на соседство, с шефом мы разговариваем мало. Недосуг, каждый занят своим делом. Я расшифровываю карточки в толстой тетради для сбора сведений или в гидрографических дневниках, которые сам же и вел. А Ясаков или чертит схему Междуречья (район древней дельты Сырдарьи), или по четыре часа кряку корпит над графиками, отвлекаясь лишь затем, чтобы взять аккорд на клавишах электронно-счетной машинки...

— Готово, комиссар, любуйся, пользуйся!
Ясаков показывает мне свой только что законченный труд, и я впиваюсь глазами в раскрашенный лист ватмана.
— Но где же, Валера, Мамырбайузек?
— Да вот он. По его руслу как раз проложен новый канал Бутырбай.

Я рассматриваю отлично выполненную, подробнейшую схему Междуречья со всеми действующими и мертвыми руслами. Преобладают три цвета — синий, зеленый и желтый.

Синие линии — это Сырдарья, Кувандарья, каналы. Зеленым цветом Ясаков обозначил русла, в которые иногда попадает вода, а также их приречные, пойменные, террасы с чащобами пустынной или тугайной растительности. В южной части Междуречья, вплоть до побережья Амударьи, безраздельное господство желтого цвета — традиционного символа пустыни.

Жанадарья. Чирик-Рабат. Сырлытам. Майлыузек...

Странно звучат теперь эти названия узбоев* и урочищ. Они воскрешают в памяти зной, желтоватое безоблачное небо, серые песчаные холмы, фаянсовую белизну такыров, безмолвие саксауловых рощ. Здесь же — сутолока, а за окном — снег и ветер сбивают почернелые от мороза, скрежещущие листья толей.

Схема, над которой несколько дней корпел Ясаков, — одна из многих иллюстраций к завершающему отчету по Сырдарье. Она дает наглядное представление о современном левобережье этой реки.

Жанадарья... Отправляясь в Кызылкумы, гидрологи не много знали об этом крупнейшем юго-западном протоке древней дельты. Загадкой для изыскателей были прежде всего истоки Жанадарьи.

Мы колесили по руслам Жамбыса, Дарьялыка и Массабая, по этим древним сырдарьинским протокам, которые, сливаясь, некогда образовывали Жанадарью. Теперь же они превратились в более или менее глубокие ложбины, глинистые или песчаные, заросшие чингилем и тамариском.

Но как давно река Жанадарья, полноводная и могучая, превратилась в узбой? Отвечая на этот вопрос, пока я скажу несколько слов. Русский путешественник Егор Казимирович Мейендорф, пересекавший Междуречье в 1820 и 1821 годах, уже тогда обнаружил ее сухой.

Невозможно назвать Жанадарью рекой и ныне. Но вот что удивительно: в узбое, причем далеко от истоков, мы обнаружили в ямах пресную воду, пригодную для питья. Правда, пригодную лишь после кипячения. Более того, на плесах Жанадарьи мы купались и ловили рыбу.

Древняя дельта полна контрастов и противоречий.

* Узбой — сухие русла и речные долины, сохранившиеся в Средней Азии как реликтовые формы от более увлажненных эпох.

Или вот Кувандарья, другой крупный проток дельты... Впрочем, не будем забегать вперед.

Здесь же, видимо, необходимо кратко сказать, в чем состояла задача сырдарьинской экспедиции ГГИ, которую возглавлял Валерий Сергеевич Ясаков.

Боюсь, что в моем вольном пересказе окажутся неточно сформулированными научные цели и задачи нашей экспедиции. И поэтому я вынужден обратиться к полевому дневнику Ясакова:

„Нам необходимо определить величины максимальных расходов * воды узбоев в створах пересечения с трассой Обь-Каспийского канала; нас интересуют возможности поступления воды из Сырдарьи в русла древней дельты в многоводные годы при современной зарегулированности реки; необходимо также уточнить пути следования воды по этим водотокам в случае прорыва паводка на левобережье...“

Вот так в общем виде выглядит далеко не полный перечень того, чем занимались гидрологи во время своих скитаний по северу Кызылкумов.

И отчет, над которым мы теперь усердствуем, должен расширить представление о дельте, о землях древнего орошения, о возможностях узбоев и равнин самого кызылкумского Междуречья.

Работа наша является частью общего исследования по обоснованию переброски части стока северных рек. Но она имеет и самостоятельное значение. Впервые на всей территории древней дельты были проведены широкие гидрологические и гидрографические изыскания. Впервые будет дана оценка современному поверхностному стоку сырдарьинского левобережья, а также указаны возможные пути перераспределения этого стока.

Разумеется, наша немногочисленная экспедиция (вместе с водителями машин — одиннадцать человек) не могла ответить на все вопросы, которые возникают у специалистов, изучающих дельту, в особенности — ее историю. И уж, конечно, она не могла раскрыть всех ее многочисленных загадок.

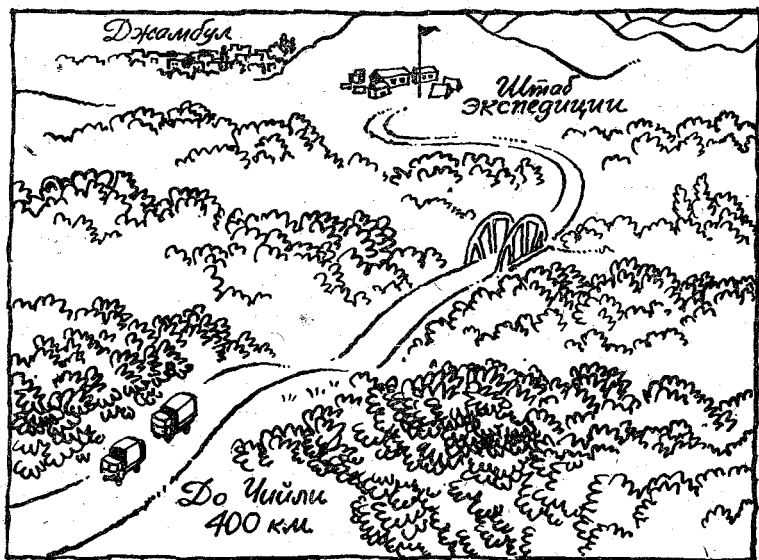
Автор „Записок“ намерен просто и ясно описать работу гидрологов в поле, рассказать, что их радовало и что огорчало. Одним словом, показать быт и будни полевиков.

Здесь же я решил порассуждать о том, „что есть пустыня“. Конечно, в подобных рассуждениях немало субъективного. Потому что это моя пустыня. В душе каждого участника экспедиции запечатлелась своя Дельта и своя Пустыня.

И еще несколько слов в заключение. Нельзя сказать, что сырдарьинская экспедиция была особенной, тем более — выдающейся. Она ничего не изменила, не поколебала ни одной концепции. Но этого и не предусматривалось с самого начала.

* Расход воды — объем воды, протекающий за какое-то определенное время (например, м³/с) через живое сечение реки.

Десятки и сотни таких гидрологов, как Ясаков или же как Петухов, Никифоров, Зубченко, Мальцева, работают в поле и без лишних слов, иногда в очень трудных условиях добывают сведения, необходимые для науки. Может быть, руками этих скромных людей как раз и закладывается фундамент современной гидрологии. Чтобы построить Храм науки, нужны Архитекторы, Инженеры, Мастера... Но также нужны и Рабочие.

1.

В штабе экспедиции

11-15 августа

Во дворе экспедиции тихо и сонно. Всякая активность подавляется сорокаградусной жарой. Вдали чернеют отроги Каратау, испеленные солнцем.

Все же возле гаража наблюдается некоторое оживление. Щенок неопределенной породы и масти по имени Чиж подошел к черному птенцу Борьке, разомлевшему от духоты, зевнул, сладко потянулся и задиристо тявкнул. А несколько секунд спустя он, жалобно повизгивая, пустился со всех ног со двора, и хвост его замелькал среди поросли полыни и жантака. Взмахнув огромными крыльями, Борька долбанул Чижа своим страшным черным клювом.

Борька — желторотик, ему еще и крылья не подрезали, но фамильярности он уже не терпит.

Родители этого недоросля — среднеазиатские грифы — видимо, погибли, а птенцу, спасенному от неминуемой смерти гидрологами, суждено стать затворником в зоопарке. Словно

понимая, что он находится под особой охраной людей, Борька беспощадно расправляется со всеми, кто нарушает его покой.

Птенец еще некоторое время сердито верещит, скачет туда-сюда с распростертыми крыльями, всем своим видом выражая негодование наглему, осмелившемуся нарушить его покой. Но в конце концов он успокаивается, и во дворе воцаряется полуденный сон.

Отложив инструмент, я иду к колонке, напиваюсь воды до тошноты, обливаюсь по пояс и возвращаюсь обратно под навес.

Если здесь, в оазисе, такой ад, что же делается в Кызылкумах?

С этой немудреной мыслью я продолжаю строгать доски. В Джамбуле у меня пока нет конкретных обязанностей, и Ясаков предложил мне склотить крышку для продуктового ящика и две скамейки.

Вот я и потею под навесом гаража, пытаюсь придать своим изделиям товарный вид.

...После обеда я опять было направился под навес, но во дворе прокричали, чтобы все, кто едет на Сырдарью, шли на собрание.

Еще раз подхожу к колонке, окатываю себя ледяной водой, натягиваю рубашку и бреду к административному корпусу. Хотел бы я знать, какому умнику пришло в голову собираться именно теперь, когда полуденная духота морит даже у верстака, на открытом воздухе.

...Собрание вели без протокола. Сначала выступил шеф:

— Нашего полку прибыло, сегодня ночью приехали кустанайцы. Я рад, что среди них ветераны Джамбулской экспедиции — Женя Никифоров, Люба Мальцева, Марина Зубченко. Однако предупреждаю — обязанности будут распределены на всех равномерно, без скидок на прошлые заслуги или дворянское происхождение, то есть на то, что кто-то что-то не умеет делать. Запомните, нет ленинградцев и нет кустанайцев, а есть единый сырдарьинский гидрографический отряд... А сейчас я должен ознакомить вас с целями и задачами отряда...

Итак, добрейшего Валеру теперь полагается величать по имени-отчеству. Отныне Валерий Сергеевич не только старший инженер отдела ГОПС института (ГОПС — гидрологическое обоснование переброски стока), он теперь еще и начальник сырдарьинской передвижной партии.

Вслед за Ясаковым слово взял Протасов, начальник Джамбулской постоянно действующей экспедиции, являющейся одним из периферийных подразделений ГГИ. Первым делом Протасов осведомился, почему на собрании нет старшего техника Евгения Никифорова.

— Во дворе что-то пока не видно, — уклончиво ответила Марина Зубченко, загорелая девушка с бронзовыми щечками и серыми глазами, полными восторга. (Не такими представ-

лял я себе ветеранов экспедиции.) Ответ не удовлетворяет Протасова. Пригладив выгоревший ежик волос, он говорит:

— Этот Никифор — настоящий анархист. Надо бы его примерно наказать...

Он объявляет всем нам, что до тех пор, пока мы находимся на территории базы, администрация экспедиции не потерпит развала трудовой дисциплины. Еще раз пригладив волосы и строго посмотрев на Марину, он призывает всех нас немедленно подтянуться. Впрочем, его слова адресуются главным образом Ясакову. И тот понимает это. Валерий Сергеевич трясет головой, словно хочет сказать: „Вот ведь каких кадров дают. И я должен с ними выполнить программу работ“...

После внушения начальник экспедиции принимается спокойно и обстоятельно говорить об известном. О том, что в пустыне следует остерегаться гадюк, солнечного удара, не оставлять в пути товарища. О том, что в пустыне... Впрочем, далее в таком же духе.

Восторга в больших серых глазах Марины заметно поубавилось. Она что-то рассматривает на потолке. Другие тоже скучают.

Выступление Протасова, очевидно, должно было свидетельствовать, что он не устраняется от подготовки отряда гидрологов, которые своим появлением осложнили жизнь базы. В самом деле: в кабинетах и помещениях было так тихо и спокойно, и вдруг — суэта, беготня, хлопанье дверей. На столах выросли горы бумаг, которые надо подписать, оприходовать, завизировать. И все это — срочно, срочно, срочно...

Собрание превратилось в настоящий инструктаж. Хотя, по правде говоря, без собрания тоже не обойтись. Должны же наконец познакомиться друг с другом те, кому предстояло работать в Кызылкумах.

Здесь, на этом собрании, я узнал... о своем повышении. Меня назначили комиссаром отряда. Разумеется, при этом не освободили от основных обязанностей, предусмотренных должностной инструкцией техника-гидролога.

Так как собравшиеся не знали меня совершенно, то они выразили всеобщее согласие. Но я-то понимал, как мало подхожу для такой, хотя и несколько странной для нашего отряда, но все же ответственной должности. Достаточно принять во внимание мою склонность к неожиданным поступкам.

В самом деле. Работал себе человек разъездным корреспондентом и, как говорится, горя не знал. Получал не меньше инженера, и работа была достаточно интересная. И вдруг — заявление на стол редактора: „Прошу уволить по собственному желанию“.

Нечего и говорить о том, как удивились в редакции, когда узнали, что я решил перейти в какой-то „Гэ-гэ-и“. Да еще согласился на должность техника, весьма низкооплачиваемую к тому же.

Чтобы хоть как-то объяснить свой поступок, я должен

был бы рассказать в редакции о своем детстве — о странствиях с отцом по пескам Муюнкум, о Чу-реке, этой младшей сестре Сырдарьи, на узках* которой я когда-то ловил язей и сазанов. Но боюсь, эти доводы оказались бы недостаточно убедительными.

Возможно, мне пришлось бы распространяться о переброске части стока северных и сибирских рек в Среднюю Азию, о проектах орошения Аравийской пустыни, о буксировке айсбергов, рассуждать о мерах по предотвращению загрязнения Балтийского, Черного, Азовского и других морей. Об этих и других грандиозных проектах и проблемах, которые вызывают дебаты во всем мире и к которым гидрологи имеют самое прямое отношение.

Может статься, люди со временем научатся использовать солнечную энергию, и тогда отпадет надобность в газе, нефти, угле. Но что заменит нам пресную воду, дефицит которой во всем мире все возрастает и возрастает? Гидрологи все настойчивее заявляют о себе. Не исключено, что уже в обозримом будущем гидрологи будут в таком же почете, как физики или геологи.

Но времени на объяснения не оставалось. Ясаков дал мне на раздумье ровно два дня.

Я принял решение быстро, и это устраивало Ясакова. Но именно то, что я так легко „переметнулся“, и должно было бы насторожить Валерия Сергеевича при назначении меня на должность комиссара.

В общем, я не был убежден, что из меня получится комиссар. Но отказываться от назначения не стал. Я опасался, что ребята подумают, будто я набиваю себе цену. Кроме того, мой самоотвод мог затянуть собрание, и мне бы потом не искупить греха. Вон Сережа Бирн, водитель кустанайского вездехода, уже сомлел.

На следующий день новоиспеченный комиссар продолжал прилежно сколачивать доски, размышляя о мудрости вышестоящего начальства. У верстака стояла продукция, готовая к погрузке на вездеход,— крышка продуктового ящика и лавка на десять сидеков.

Собираясь в Кызылкумы, меньше всего я предполагал, что мне придется столярничать. Ведь в Ленинграде Ясаков четко определил мои обязанности: сбор сведений о паводках и водном режиме среди местных жителей, ведение гидрографического дневника, обеспечение отчета фотоснимками. Ну еще какие-то там бивачные дела. Например, заготовка дров для костра, установка палатки. Насчет комиссара, разумеется, и речи не было. Какой из меня комиссар, если я только что уяснил, что

* Узек — по-казахски „река“. Так называются пойменные протоки Чу и Сырдарьи.

такое тальвег*, и не знаю людей! А уж по поводу лавок Ясаков и вообще не заикался.

За три дня маяты на Зеленом ковре — так красиво называется пригород Джамбула, где дислоцируются штаб и база протасовской экспедиции, — я, кажется, в достаточной степени овладел ремеслом столяра. Я уже уверенно орудую рубанком, лихо вбиваю трехдюймовые гвозди. Почти не сомневаясь в успехе, подзываю Ясакова, чтобы он оценил и принял мои изделия.

Валерий Сергеевич внимательно осмотрел лавку, потянул за науголину и без труда оторвал ее. Засунув палец в образовавшуюся щель, он подвел итог:

— Это же орудие пытки, а не мебель. Казнь седалищная, увечье. О том, что скамейка развалится от тряски, я уж не говорю...

Я разозлился и сказал все, что думал: и по поводу комиссара, и по поводу всех этих нагрузок, не оговоренных в Ленинграде, но навязанных здесь, в экспедиции.

Валерий Сергеевич кротко выслушал меня и сказал:

— В чем-то ты прав. Но кого ставить комиссаром? Александра Васильевича Петухова? Обсуждали мы с Протасовым его кандидатуру. Замечательный парень. Да ведь из него, сам знаешь, слова клещами тянуть надо. А у тебя язык неплохо подвешен. Комиссар же необходим. Едем, можно сказать, к черту в пекло. А в отряде вон сколько новичков. Мне одному не управиться... И лавки нужны. Сделай хоть одну. Не брать же нам канцелярские стулья.

Сказал и ушел. А я схватил с верстака подвернувшийся мне топор и в две минуты обухом разрушил произведение трудов своих. Несколько поуспокоившись, вновь принимаюсь сколачивать злополучную лавку.

Здесь, под навесом гаража, вдруг вспоминаю далекое — как мы с отцом готовились к поездке в Муюнкумские пески.

...Накануне, перед самым отъездом, гнали быка поить и купать к перекату, туда, где клокотала и пенилась вода и где порхали какие-то странные стрекозы с фиолетовыми крыльями, похожими на лепестки ириса.

Бык цедил воду, отец тер ему бока, а я сидел в тени, под космами нависшего камыша, рассматривая зеленые полотнища тины-нитчатки, которые колыхались, расчесываемые струями. Они напоминали мне волосы русалок. Потом я нырял за раковинами и камешками. Под водой трудно было различать предметы, их очертания расплывались. Но именно это искажение, а также струение воды порождало феерическую картину подводного мира. Изумрудно-зеленые, оранжевые, черные и серебристые полосы и пятна в глубине блистали, вибрировали,

* Тальвег — линия наиболее низких отметок дна долины или русла реки, а также само дно.

переливались. Лишь только музыка могла бы передать все волшебство подводного мира.

Голова гудела от бесконечных ныряний, на теле выступала „гусиная кожа“, но я нырял и нырял. Я знал, что в песках жарко, а воды там совсем нет. И я купался как бы впрок...

Увы, что было — то прошло...

Чем же мне придется заниматься в песках, если даже здесь, в штабе, где есть штатные рабочие (столяр в том числе), Ясаков ни на день не оставляет меня в покое и все время находит разные поручения? Вот, пожалуйста, легок на помине! Ясаков вернулся, волоча за собой под навес провод электросварки и лист железа.

— Завтра утречком, по холодку, — эти слова Валерий Сергеевич произносит самым доброжелательным тоном, — вырежь три конфорочки. Я тебе их сейчас мелом нарисую... Пони-маешь, без плиты ехать никак нельзя.

— А почему бы нам на складе не взять настоящую плиту, заводскую?

Ясаков простодушно изумляется:

— Каждый день таскать с машины на машину пуд чугуна?! Да и расколется ведь на бездорожье.

— Но я не умею „резать“ электросваркой!

— Да ведь нет ничего проще. Держи электрод на одном месте, пока лист не продырявишь, а потом гони по кругу. Вот и все.

В этом весь Ясаков. Полевая жизнь приучила его все делать самому. Он умеет печь оладьи, накладывать простейшие сварочные швы, водить по бездорожью грузовики... Я не завершу перечня всех навыков Ясакова и в том случае, если скажу, что он может паять, лудить, тачать. Легче, наверное, перечислить, чего Ясаков не может делать.

Одним словом, с плитой и лавками лучше всего мог бы управиться как раз Ясаков. Но, во-первых, начальник партии, видимо, хочет, чтобы и новичок приобретал навыки полевой жизни, а во-вторых, у него на это просто нет времени. Дел у Валерия Сергеевича по горло: он еще раз уточняет с Протасовым маршрут, рассылает по магазинам и базарам гонцов за продуктами и кухонным инвентарем, расточает комплименты сотрудницам штаба, особенно тем, кто имеет отношение к подготовке отряда. А кроме того, у Ясакова вызывает подозрение кустанайский вездеход. Он побывал в какой-то передряге, и теперь передний мост не включается. Так что грузовик этот можно считать вездеходом лишь с большой натяжкой.

Вчера я слышал такой диалог между Никифоровым и Ясаковым:

— Валера, какой же начальник партии отдаст тебе самое лучшее? А самому что делать? Лапу сосать? Тем более, ты знаешь нашего Николая. У него принцип: на тебе, убоже, что нам негоже.

— Это не принцип, это беспринципность!!

Насколько возбужден Ясаков, настолько спокоен Никифоров. По правде сказать, мне этот широкоплечий бородач нравится, в особенности своими манерами: двигается несуетливо, говорит и возражает неторопливо. Во всем его облике, в поведении чувствуются уверенность, независимость. Впрочем, это характерно для полевиков со стажем. На анархиста, каким его представил Протасов, Женя — так все зовут техника в экспедиции — никак не похож.

Итак, полным ходом идет подготовка к отъезду. Сегодня во дворе, несмотря на жару, довольно оживленно. Кустанайские нивелировщицы Марина Зубченко и Люба Мальцева, полкрестьянски надвинув косынки на самые глаза, топчутся на солнцепеке, на заросшем польницей пустыре — проверяют только что полученные приборы нового образца. С охапками имущества по двору вперевалку, не торопясь, расхаживает Никифоров. Иногда на некоторое время появляется и Ясаков. С пачками накладных он стремительно шагает из административного корпуса на склад и обратно.

Однако этот Зеленый ковер нам порядком надоел. Скорее бы сборы закончились да в поле!

...Из Джамбула выехали не в четыре утра, как планировал Ясаков, не в семь, как резонно предполагал Женя, а в начале девятого. Всякий раз, когда водители намеревались нажать на педаль стартера, Ясаков обнаруживал какое-то упущение. Вот уж зануда!

Наконец тронулись!

Наша колонна состоит из двух машин. Первая, которую ведет ленинградец Евгений Богачев, считается пассажирской. В кузове этой машины под брезентовым тентом, защищающим от лютых лучей солнца, на палатке, расстеленной поверх аккуратно уложенных матрасов и спальников, разместились основная часть отряда. Второй вездеход — его ведет кустанаец Сережа Бирн — грузовой. Там продукты, инструменты, полевое снаряжение.

Вначале под тентом, уже нагретым на солнце, было душновато. Но как только поехали, Никифоров поднял переднюю брезентовую стенку, и мы почувствовали блаженство: стало свежо, прохладно.

Хочешь — любишь горами, хочешь — читай книгу. Кстати, два слова о книгах. Рюкзаки у нас словно набиты кирпичами. Никифоров и Цветков, ходившие с Петуховым, старшим инженером партии, в город за продуктами, заодно „проинспектировали“ и книжные магазины. И к своему удивлению, они обнаружили здесь немало такого, что у нас в Ленинграде считается дефицитом.

Под колесами асфальт. Трасса Алма-Ата — Ташкент прекрасная, но двигатель воеет натужно: дорога все время идет на подъем. Где-то внизу, как на ладони, голубая равнина предгорного оазиса, а по сторонам крутые холмы-увалы с выпи-

рающими каменными „ребрами“ свинцового цвета, покрытые высохшими травами.

Прощай, Зеленый ковер! Прощай, Джамбул!

Но не успели мы еще как следует примять матрасы и спальные, как вдруг остановка.

Ясаков увидел черный жирный шлейф дыма, тянувшийся за машиной Бирна, заподозрил неладное и приказал остановиться. И вовремя: в дифференциале — шестеренчатый узел заднего моста — нет ни грамма масла. Все вытекло.

— Вот, — вздыхает Ясаков, — случись ночью — хана!.. Пришлось бы нам куковать на этом Куюке*.

Похоже, занудство Ясакова иногда и не лишено оснований. Впрочем, Валерию Сергеевичу я об этом не говорю. Все же его пристрастие к мелочам различного рода раздражает.

Подумаешь, науголина не так прибита! Или вот сегодняшней отъезд. Смех и грех! Когда уже все сидели на своих местах, Ясаков вдруг побежал за кетменем, который он накануне припрятал в штабеле досок.

Ну зачем, спрашивается, нам этот кетмень? Дехкане мы, что ли? Ведь у нас и без того два набора шанцевого инструмента — ломы, топоры, лопаты, пилы. Зачем вообще все эти печки-лавочки, над которыми я пролил семь потов? Ведь в поле едем. А там можно обойтись и без „мебели“. Повесил котелок над костерком — стряпай! Пообедать можно и на земле. Было бы что хлебать!

Мои товарищи разбрелись по склону увала в поисках „сувениров“, а я, воспользовавшись коротким одиночеством, открыл большую зеленую тетрадь и на второй странице поставил дату отъезда: 15 августа 1975 года. Первая страница была исписана два дня назад, в штабе. Тут значатся имена и фамилии всех участников экспедиций. Кроме гидрологов и водителей, которые уже названы, в нашем отряде есть еще две практикантки Ленинградского университета — Лена Пахалова и Оля Захарова. Они учатся на географическом факультете, мечтают о самостоятельных изысканиях. Но в Кызылкумах им предстоит пока освоить нивелировку.

Вслед за датой указываю высоту над уровнем моря и точное местонахождение. Узнать это совсем несложно. На бетонном столбике у обочины значится: „Перевал Куюк, 1024 м“.

Далее записываю: „Не успели преодолеть первый перевал Каратау, как уже начались приключения. Богачев и Бирн звякают ключами, перешучиваются. А Ясаков мрачный. Готовясь к отъезду, он проверил все, что только можно было проверить, вникал в каждую мелочь. Но вот все равно получилось не так, как планировал. Эта первая вынужденная остановка Ясакова расстроила. Чтобы только добраться до места работы, нам нужно отмахать едва ли не тысячу километров. Но мы не мо-

* Куюк — перевал в горах Каратау, северо-западных отрогах Тянь-Шаня,

жем сделать и пятидесяти. Что же ждет нашу экспедицию там, в барханах Кызылкумов?

Отряд гидрологов, возглавляемый Ясаковым, я иногда называю экспедицией. Но, строго говоря, это лишь передвижная партия. Экспедиция же в современном понимании — большое формирование, ведущее в поле; в естественных условиях, целый комплекс исследований или изысканий. Вот у Протасова — действительно экспедиция. Люди в его партиях наблюдают за паводками, подсчитывают снеготопы, измеряют испарения на водоемах, следят за деформацией русел, определяют сток воды в реках и каналах в самых разных районах Казахстана*.

Сижу на солнцепеке, и листы, отражающие солнечные лучи, слепят глаза. Приходится перебираться в тень грузовика. Прислоняюсь к шине и продолжаю писать:

„...То, что гидрологи называют древней дельтой Сырдарьи, представляет собой треугольник, на сотни километров протянувшийся с запада на восток. Стороны треугольника составляют: само русло Сырдарьи, южные узбы — Карадарья, Инкардарья и Жанадарья, а также побережье Арала. Этот гигантский треугольник занимает значительную часть Северных Кызылкумов.

Наша партия должна обследовать крупнейшие узбы — протоки дельты. Жанадарью длиною почти в пятьсот километров, Карадарью и Инкардарью — в сумме четырьмястами пятьдесят, Кувандарью — триста пятьдесят километров.

Возможно, через много лет древнюю дельту пересечет Обь-Каспийский канал, о проектах которого все чаще пишут в газетах. В наших исследованиях заинтересованы не только проектанты, но и специалисты других отделов ГИ, особенно те, кто изучает русловые процессы или проблемы ирригации и мелiorации.

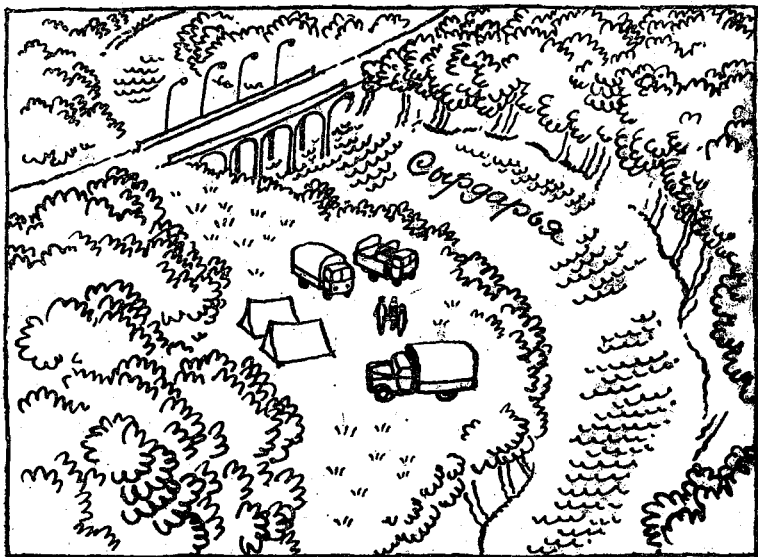
Ведь древняя дельта Сырдарьи, этот особый район Турана*, еще недостаточно изучена. Даже в справочниках даются сведения лишь о той устьевой части Сырдарьи, где расположен поселок Казалинск.

Понятно, кроме сведений о дельте, необходимо вносить в дневник также некоторые подробности бивачной жизни гидрологов.

Вообще говоря, гидрологам в сравнении, скажем, с геологами, географами или даже метеорологами на страницах научно-популярных изданий почему-то отводят ничтожно мало места. О профессии гидролога у нас очень смутное представление“.

— По коням! — слышу я бодрый голос Ясакова. Значит, неисправность устранена, и мы едем дальше.

* Туранская равнина — территория, включающая в себя почти все пустыни Средней Азии. В литературе бытует краткое название — Туран.

2.

У сырдарьинского моста

16-17 августа

Ни шороха. Хрустнет ветка в джидовой роще, донесется писк — и снова тишина. Ночь.

Песчаный бархан на том берегу, откуда я только что приплыл, похож на доисторическую тварь, сгорбившуюся, опустившую голову, чтобы напиться из реки.

Вода теплая, как парное молоко. Из тугая веет свежестью.

Совершенно не хочется верить, что пустыня, где нам предстоит работать около двух месяцев, — рядом, в полусотне километров, что скоро нам придется экономить едва ли не каждый литр воды.

У меня такое впечатление, что это все мне знакомо. Хотя на Сырдарье я впервые. Может, потому, что Сырдарья так похожа на Чу-реку моего детства.

На берегах Чу я учился ходить. В ее водах я несколько раз тонул, пока старшие не догадались научить меня плавать. На

чуйской рыбе окрепли мои мышцы и кости. Воды Сырдарьи и Чу начинают свое стремительное движение из одного географического района. У них общий бассейн: горные ручьи и реки, формирующие Сырдарью и Чу, берут начало на одних и тех же вершинах Внутреннего Тянь-Шаня. А потом эти реки одинаково иссякают среди безбрежных знойных степей и ненасытных барханов. Иссякают, напоив травы, деревья, животных, людей.

...Вдруг тишину располосовали выстрелы. Стреляли где-то в отдалении, за излучиной. Услышав выстрелы, Никифоров тоже принялся палить. Спустя некоторое время послышался нарастающий вой моторки. Это Ясаков и Воробьев возвращались после рекогносцировки естественных береговых валов Сырдарьи.

Они опасались, что с воды не заметят бивачного костра и проскочат стоянку. Потому-то и просигналили двумя выстрелами. Им ответил Никифоров, сообразивший, что в глухую летнюю полночь охотников на сырдарьинских песах не должно быть.

Однако читатель вправе спросить, откуда вдруг появилась моторка и кто такой Воробьев.

Юрий Леонидович Воробьев — инженер-гидролог, как и Ясаков, начальник партии. Только Юрий Леонидович живет в Кургане и работает в институте Южуралгипрострой. С партией Воробьева мы соединились у моста через Сырдарью. Встреча была запланирована еще в Ленинграде и произошла в точно назначенном месте.

Программа курганцев, как и наша, предусматривает и нивелировку, и гидрографическую съемку, и опрос местных жителей. Результаты же изысканий обеих партий будут направлены в одно и то же место — в Москву, в институт Союзводпроект, который является нашим общим заказчиком.

Работа партий отнюдь не дублируется. Если мы должны обследовать каждый проток дельты в отдельности, то курганцы намерены расцезь дельту тремя длинными поперечниками, которым они уже дали наименования, соответствующие названиям географических пунктов — тартугайский, айдарлинский, аккырский. Три поперечника — три этапа. Курганцев интересуют те участки, где воды во время сильных паводков переливаются из Сырдарьи и устремляются в пустыню не по узбоям, а по ложбинам и межбарханым понижениям в меридиональном направлении. Теперь, когда Сырдарья считается зарегулированной, это случается редко, но все же случается.

Поэтому курганцы прежде всего „инспектируют“ естественные прирусловые валы Сырдарьи и крупных водотоков дельты, а также определяют уклоны в сторону Кызылкумов.

Две названные трассы нивелирования пройдут через восточный, самый острый угол дельты-треугольника, а третья пересечет крупнейшие древние протоки в их среднем „течении“ и протянется примерно на семьдесят километров. Этот

поперечник довольно длинный, и поэтому на проведение работ в средней части дельты Воробьев выделил львиную долю полевого времени.

Наши коллеги уже закончили нивелировку тартугайского, самого короткого поперечника и завтра, возможно, отправятся в окрестности поселка Айдарлы, где предположительно находится так называемая завязка (другими словами — место формирования, исток) двух южных узбоев — Инкардарьи и Карадарьи.

Мы же, в отличие от курганцев, не будем проходить дельту сплошными непрерывными поперечниками. Ведь наша задача — скорее выяснить не общий профиль дельты, а дать характеристику крупным ее водотокам. Курганцев же прежде всего интересуют уклоны от берегов Сырдарьи в сторону Кызылкумов. Им не придется много странствовать по Кызылкумам, отыскивать русла, наполовину занесенные песками, наполовину замураванные в лесс. Но именно поэтому их работа лично мне кажется более монотонной. Они не смогут увидеть дельту во всем ее многообразии: земли древнего орошения, старинные сторожевые башни, саксауловые леса, наконец, кызылкумские барханы.

Некоторые различия в работе партий определяют и снаряжение. У нас два легких вездехода, способных преодолевать пески, у курганцев — тяжелый трехосный ЗИЛ-157. В кузове Бирна пока без надобности пылится резиновая лодка, у курганцев — моторка почти всегда в деле. Мы одеты кто во что, курганцы же носят авиантенные робы.

По правде говоря, спецодежда и нам бы не помешала. Особенно во время нивелировок присырдарьинских узбоев и заброшенных каналов, заросших чингилем и джидой. Здесь по тальвегу водотоков нам приходится пробираться тропами, пробитыми овцами и другим домашним скотом. Иначе мы изорвали бы одежду в первые же дни. Будь у нас такие же брюки и куртки, как у наших коллег, мы бы маршировали вчера по заросшему руслу Масабая более уверенно. Но наших гидрологов почему-то не снабдили спецодеждой. Ясакову удалось выклянчить у Протасова только один комплект.

Однако вернемся к событиям сегодняшнего дня. После встречи у моста наша объединенная колонна, состоящая теперь из трех грузовиков, свернула с грейдера и потянулась вдоль Сырдарьи по тугайной дороге. Начальники партий сразу же сошлись на том, что прежде всего необходимо выбрать стоянку, удобную для дневки.

Вообще-то в поле выходные не полагаются. Но на этот раз начальники партий сделали исключение. Люди неделю мотались по прибрежным разбитым дорогам, глотали пыль, продирались с нивелирами и рейками сквозь колючие заросли. Отдых нужен хотя бы для того, чтобы заштопать и постирать одежду. Нечего и говорить о том, как повеселели ребята, когда узнали, что после обеда нивелировки не будет.

Остановились в приречной джидовой роще. Один за другим прыгаем на землю, выбиваем из одежды пыль и тут же, без понуканий со стороны начальства, приступаем к делу. То есть прежде всего корчем топорами и кетменем — вот где он пригодился! — чингилевую поросль, собираем валежник для костра, выбираем место для ночлега. Работаем все вместе, без чинов и различий. Впрочем, неизбежно выделяются лидеры — Леонид, курганский шофер, и Никифоров. Организаторы и знатоки бивачных дел.

— Жень, куда складывать дрова?

— Вон, где яму для печки копают...

— А можно палатку поставить под этой ивой?

— Можно. Но имей в виду, что это джида. Поэтому собери сначала под своей ивой все опавшие колючки... Да не распроби ногу.

Лидеры распорядятся неторопливо, не сомневаясь, что их указания будут выполнены.

И вот уже на пятачке, тщательно очищенном от поросли, техник Саша Цветков вбивает стальные прутья, а на торцы укладывает крышку продуктового ящика.

Когда же Цветков небрежно поставил рядом с сооруженным столом две лавки, курганцы просто ахнули от удивления. Коллеги, конечно же, не могли не оценить практичность нашей „мебели“. Разве можно сравнить лавки с брезентовыми раскладушками, на которых курганцам приходится сидеть, согнувшись в три погибели? А стол?..

На столе, застеленном клеенкой, появляются карты и папки с различными бумагами, карандаши, ручки. Итак, КП — командный пункт объединенного отряда оборудован. „Штаб“ может приступать к работе в необычно комфортабельных для походной жизни условиях.

Поскольку дело происходит после полудня, Ясаков и Воробьев торопятся. Ведь им предстоит согласовать дальнейшие действия, договориться о помощи, поделиться разными соображениями. Помощь скорее всего понадобится не здесь, в районе изысканий, а после возвращения в Ленинград и Курган. Ведь начальник партии должен думать о конечном этапе работы — об отчете — уже в поле.

— Отчет... Какая проза! — скажут любители странствий и приключений. Согласен, проза. Но тут ничего не поделаешь. Как бы хорошо ни была организована экспедиция, все усилия руководителей окажутся напрасными, если отчет выйдет скудным по содержанию.

Так что и Ясаков, и Воробьев не могут не думать о том заключительном этапе, который станет концентрированным выражением работы партии, покажет, насколько эффективно работали гидрологи в поле. Конец — делу венец. Вот почему начальники партий обстоятельно договариваются относительно обмена информацией. Что касается текущего момента, то и он обсуждается сейчас и тоже с подобающей тщательностью.

— Этот репер *, — Ясаков тычет в карту, — не ищите. Его и в помине нет. Сгинул во время паводка, когда обрушился подмытый берег. Тридцать шестой тоже вряд ли найдете. Мы одежду в клочья изодрали, когда его искали — Массабай на этом участке сплошь чингилом зарос.

Воробьев внимательно слушает своего коллегу. И не только потому, что русла Мамырбайузeka и Массабая накануне мы прошли нивелировкой, а курганцы их не проходили. Ясаков бывал в этих краях и раньше. Года два назад он производил общую рекогносцировку дельты с борта „кукурузника“.

Воробьеву тоже есть что сообщить.

— Наш опрос местных жителей подтверждает предположение, что реликтовые русла Массабая и других узбоев на данном участке являются завязкой, местом формирования всей древней дельты. — Воробьев легким нажимом карандаша обводит на карте урочище Торшакуль, из которого, как змеи из норы, в разные стороны расползаются крупнейшие древние водотоки Междуречья. — Мы запланировали здесь три коротких поперечника, но выполнили только один. Будем вам очень обязаны, если вы перешлете нам материалы по Массабая и другим узбоям...

Говорят они дружески, доверительно, хотя являются в некотором роде конкурентами. Ведь там, в Москве, наш общий заказчик Союзводпроект, видимо, будет сравнивать, сопоставлять качество и уровень исследований. Это ни для кого не секрет. Но в настоящее время для обоих начальников партий важно лишь то, что они могут быть друг другу чем-то полезны. Обмен мнениями, добытой информацией, взаимная консультация — вот что сейчас важнее всего для Ясакова и Воробьева. Тут нельзя пренебречь и малой толикой знаний и опыта своего коллеги. Ведь на некоторых участках дельты схема гидротехнических сооружений столь сложна, а порой и запутана самостоятельностью местных хозяйственников, что даже искушенные в своем деле сотрудники Кызылординского УОС (управления оросительных систем) затрудняются в объяснениях. Что касается бродячих русел Сырдарьи, то есть древних протоков дельты, то тут ирригаторы только руками разводят. Они сами хотели бы знать что к чему. При мне один кзылординский гидротехник жаловался Ясакову:

— Пустили воду в узбой — не идет. Узбой глубокий, а ничего не получается. Оказывается, воду пустили по обратной дуге меандра **, против уклона...

Одним словом, нашим командирам было о чем толковать. Почти на склоне дня они убрали свои папки, сложили карты и на моторке отправились осматривать естественные береговые валы.

* Репер — геодезический знак, обозначающий на местности точку, высота которой уже определена.

** Меандры — излучины.

Береговые, или, как их еще называют, прирусловые, валы у нас в стране являются особенностью исключительно рек Средней Азии. Образуются они из наносов. Наносы Сырдарьи — результат разрушения Тянь-Шаня, где находится область формирования реки, или, как говорят специалисты, ее бассейн. Ветер и солнце откалывают глыбы скал, а потоки воды, срывающиеся с вершин, долбят их и „распиливают“. Вода же волочит эти обломки к подножью гор, превращая таким образом камень в гальку, песок, ил. Ни на мгновение не прекращается разрушительная работа!

И весь горный „мусор“, измельченный жерновами природы, выносится затем во взвешенном состоянии на равнину. Надо сказать, твердый сток Сырдарьи, то есть совокупность всех взвешенных частиц, перемещаемых водным потоком, велик. В одном кубическом метре сырдарьинской воды содержится что-то около двух килограммов взвесей. И, как подсчитано, к устью своему река ежегодно транспортирует не меньше двадцати миллионов тонн ила, песка и лесса. Откладываясь по берегам, наносы образуют плоские, удобные для земледелия террасы, а также мощные береговые валы.

Изучение береговых валов и террас как элементов русла и речной долины входит в программу гидрографических изысканий. Поэтому я и счел необходимым рассказать об их происхождении.

...Решением объединенного „командования“ меня временно — пока не предполагается никаких работ — назначили старшим. Предстояло трудное дело: организовать досуг шестнадцати гидрологов.

К счастью, незавидную роль массовика-затейника мне не пришлось выполнять. Все образовалось само собой. Женя и Леонид поскребли по сусекам и раскопали обрывки снастей. Ничего удивительного в этом нет: почти в каждом гидрологе сидит рыбак.

Никифоров, зная, откуда я родом, призвал меня на помощь. Без лишних слов мы принялись за дело и совместными усилиями стачали какое-то подобие бредня.

На рыбалку отправились втроем — я, Леонид и Женя. Это событие осталось незамеченным. Каждый был занят какими-то своими делами. Одни стирали, чинили одежду, другие купались, загорали на песке.

Мы потихоньку распустили бредешок по обмелевшему сырдарьинскому плесу, затем осторожно подвели его крылья к косе. В мотне раздалось хлопанье, и на солнце яркой бронзой засверкала чешуя. Бывак тут же пришел в движение. К нам бежали на подмогу: кто с сачком, кто с ведром, кто просто так. И наша артель в момент увеличилась раза в три. Женя, вожак рыбацкой артели, просто не знал, что делать со всеми, кто желал участвовать в промысле. Добровольные помощники толкались, кричали.

— Вон еще один сазан! Ну прямо акула.

— Не сазан, а жерех!

— Речнее, речнее заходи, заводи крыло на ст-р-р-режень!!

— И-эх! Упустили...

Я считал за благо уступить свое место. Отдав кляч * кому-то из курганцев, я пошел к другому плесу, более спокойному. Разумеется, моего отсутствия никто не заметил. После первого, удачного завода, когда мы вытащили четырех сазанов и огромного жереха, неводок стал приходиться почти пустой. Однако промысловики не теряли надежды: азартно кричали, шлепали по воде, распугивая не только осторожных сазанов, но и бестолковых чебаков.

Надо сказать, рыбалку я вообще не люблю с самого детства. Не понимаю, как можно рыбачить только из удовольствия. По моему глубокому убеждению, рыбачить ради забавы, ради развлечения так же невозможно, как пахать или косить.

Такое представление у меня с детства. Я ведь сын профессионала-промысловика, который зимой охотился на кабанов в песках Муонкум, а летом на Чу ловил рыбу. Наша семья постоянно кочевала с места на место. Весной мы покидали муонкумское охотничье зимовье, перебирались на берег какого-нибудь чуйского узeka — пойменной протоки. А осенью вновь возвращались в свою хату — мазанку с плоской крышей.

На рыбалке всем приходилось много и тяжело работать. Взрослые всегда находили какое-нибудь дело и мне.

Посылали, например, в степь за кизяком или заставляли солить рыбу. Засолка для пятилетнего мальчишки — вполне подходящий труд. Тебе бросают распластанных по хребтине сазанов или язей, а ты знай посыпай их изнутри солью. Это проще и легче, чем искать в степи высушенные коровьи „лепехи“, за которыми нужно было так далеко ходить. А тут сиди в тенечке под навесом да набивай в жабры соль. Но, признаюсь, я очень не любил солить рыбу. По мне — нет ничего хуже, лучше уж ходить за кизяком. Бывало, за спиной хлопает мешок с „лепехами“, плечо трет лук, на боку болтается колчанчик, набитый стрелами. А над головой солнце. Но я готов был бродить по степи хоть целый день, только бы не возвращаться к ненавистной рыбе. И хотя в степи некуда скрыться от солнца, но здесь так нежно пахнет цветущий кермек, здесь иногда случается вслугнуть зайца, а то и белокрылого стрепета.

И если я не любил солить рыбу, то что же говорить о том, когда тебя поднимают ни свет, ни заря, и ты, навьюченный сетями, как отец и старшие братья, преследуемый злыми „утрешниками“ комарами, идешь к лодке, из которой сначала надо вычерпать застоявшуюся, дурно пахнущую воду.

Одним словом, я привык считать, что рыбалка — дело не-

* Клячи — короткие шесты поперек крыльев бредня, за которые его тянут.

легкое. Мне трудно понять своих товарищей, которые уверяют, что замечательно отдыхают, а между тем они просто барахтаются в воде с посиневшими от холода губами.

Впрочем, хорошо, что люди нашли себе развлечение. В экспедиции обязательно нужно находить занятия, которые развлекают людей, объединяют их как-то в часы досуга. Особенно если свободного времени много, как, например, у нас. Ведь после семи вечера, то есть после захода солнца, мы не можем заниматься ни гидрографией, ни тем более нивелировкой. Спать же укладываемся по городской привычке никак не раньше одиннадцати. А на бивачные дела вечером уходит не больше часа. Что прикажете делать в оставшееся время?

В поле ничего нет хуже безделья. Проблема досуга в экспедициях вообще одна из труднейших. Известны случаи, когда экспедиции разваливались, несмотря на то, что участники их способны были самоотверженно работать, стойко переносить тяготы и лишения полевой жизни. Потому что люди не могли вынести нескольких дней неожиданно — по каким-либо причинам — свалившегося на них безделья. Вот потому-то, хоть и не люблю рыбалку, но я выполнил свой комиссарский долг: первым откликнулся на предложение Никифорова, изо всех сил тянул береговой кляч, во весь голос вопил, выхватывая сазанов из бредня. А потом, когда рыбалкой занялись чуть ли не все поголовно, я перешел на песчаный мысок, где подновляли свой загар Зубченко и будущие географы.

Солнце висело низко над тугаем, жара спала, но песок был еще горячим.

Оля и Лена, накрывшись широкополыми войлочными шляпами, дремали, а Марина читала Сент-Экзюпери. Книга была раскрыта на странице с рисунком, где стоял грустящий Маленький принц.

Я прилег на песок, и Марина, не поднимая глаз от книги, сообщила:

— А курганцы сегодня собираются звезды смотреть.

Вот как! Значит, курганцы тоже приспособили нивелиры для „астрономических“ наблюдений. Любопытно, какие светила они чаще всего ловят в окуляр нивелира? Мы-то довольствуемся Луной да Юпитером. Разумеется, наблюдения за светилами в программу изысканий не входят. Как и рыбалка, звезды — наше невинное развлечение.

...Чтобы не томиться в ожидании позднего ужина — пока наловили рыбу, пока почистили и разделали, пока рядили, как и что готовить, пока развели огонь, — „астрономы“ решили приступить к наблюдениям сразу же, как только на небосклоне появятся Волосожары — звездное скопление, которое называют еще и Стожарами, и Плеядами.

Место для нашей крохотной обсерватории выбрали в тени обрыва. Тут нам не мешают сполохи костра и отсветы фар проходящих по мосту машин и тракторов.

Командовал наблюдениями Петр Гавриляк, молодой кур-

ганский инженер. По его указанию мы расставляли треноги с нивелирами.

Конечно, прежде всего в объективе оказался Юпитер со спутниками. Другой прибор направлен на Марс. Мы по очереди прикладываемся к окулярам, а курганец, поправляя приборы, рассказывает что-нибудь примечательное. Голос у Гавриляка негромкий, приятный, с мягкими южноукраинскими интонациями. Рассказывает он живо, увлеченно. С нашей точки зрения, он обнаружил удивительную эрудицию в области, такой далекой от гидрологии и гидрографии.

Я бы никогда не поверил, что астрономия, наводившая на меня в школе скуку, может быть предметом длительной беседы, тем более — развлечения.

По моей просьбе один из нивелиров направляется на Волосожары, светящееся пятно которого чуть-чуть пульсировало над темно-лаковой излучиной реки. Прильнув к окуляру, я увидел на черном бархате небосвода горсть мерцающих бриллиантов.

Вот они какие, Волосожары, верный спутник странников прошлого — скотоводов, блуждавших по степям и пескам в поисках травяного рая и сладкой воды, моих пращуров-чумаков.

Это созвездие отыскивал, бывало, и отец, когда мы с ним возили чуйских сазанов на приемный пункт леспромхоза, заготавливающего саксаул в песках Муюнкум. Большею частью мы ехали ночью: отец щадил быка, тащившего груженую подводу через барханы. В полдень, когда песок раскалялся и ящерицы благоразумно забирались на самые верхушки саксаула, мы останавливались у какого-нибудь чабанского колодца или у чуротины*. А потом, чтобы наверстать упущенное время, прихватывали в пути и часть ночи.

Отец показывал мне Волосожары, а заодно и Медведей. И, наверное, чтобы не уснуть, рассказывал о них какие-то полухристианские-полуязыческие байки. Я их забыл. Зато помню, как было замечательно в пути! Ласковое дыхание остывающих песков, скрип колес, запах дегтя и сена, светящиеся небесные „грады“ над головой...

Марина возле приборов не задержалась. Взглянув на Венеру, она ушла к костру. Пространная лекция Гавриляка ее не заинтересовала. Еще раньше ушли Цветков и Леонид. Курганский инженер понимал толк в звездах, но он не был снисходителен к своим слушателям и чересчур щедро сыпал латынью. А латынь, как известно, из моды вышла еще во времена Пушкина.

Впрочем, Петр и не заметил, кажется, убыли аудитории.

* Чуроты — межбарханные озера. Характерны для песков Муюнкум. Они образуются в результате заполнения межбарханных понижений водой, которая просачивается по трещинам и разломам в предгорьях Тянь-Шаня и затем выклинивается в Муюнкумах.

Он продолжал с энтузиазмом рассказывать о созвездиях с пышными названиями, о цефеидах — этих своего рода маяках Вселенной. Мне кажется, он бы с таким же точно энтузиазмом рассказывал все это и одному человеку.

Перечитывая строчки своего путевого дневника теперь, в ленинградской квартире, я словно вижу небо той сырдарьинской ночи. Вижу беспорядочно рассыпанные бриллианты Волосожаров, вижу блестящую спираль Андромеды.

Неизвестно, сколько бы еще мы толклись у нивелиров, если бы не услышали певучий голос Марины:

— Господа звездочеты, ужин стынет!..

Управившись с жареными сазанами, гидрологи и не подумали лечь спать. В ожидании своего начальства они рассказывают друг другу разные приключения. Над тихим сырдарьинским плесом плывут названия других рек — Урал, Сосьва, Тургай, Алдан...

Перед тем как забраться в спальник, я отправился к реке. Бросил на куст полотенце и, разбежавшись, шумно плюхнулся в воду и поплыл на правый берег.

„Ни шороха. Только хрустнет ветка в джидовой рощице...“

Вот так же было и в детстве: неслышное течение равнинной реки, темные горбы барханов, светящиеся звезды над головой, осторожное потрескивание в чаще.

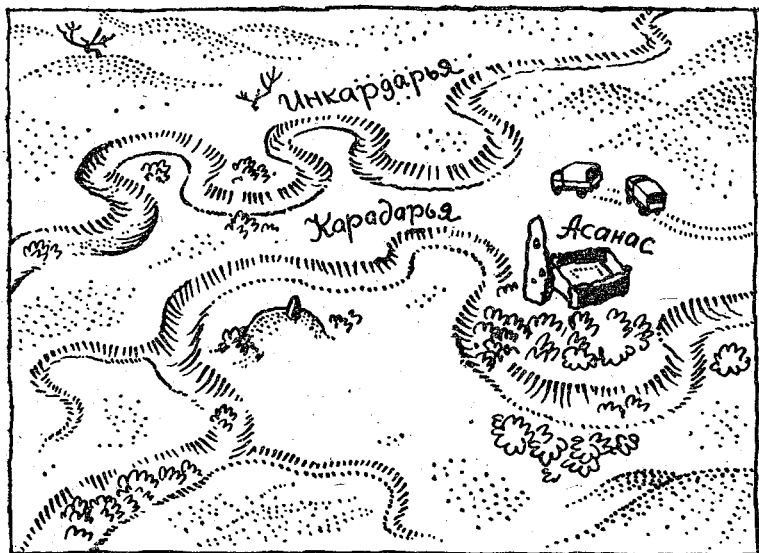
И не ради ли всего этого я здесь? А канал, может, лишь предлог? И даже если бы не было никакого канала, наверное, все равно бы поехал. Уважительную причину придумать нетрудно. Было бы желание...

Когда Ясаков позвонил мне в редакцию и предложил должность техника-гидролога, я не знал, что это такое. Но зато не сомневался, что буду слушать тугайные шорохи, купаться вечером в теплой воде, бродить по барханам, заросшим терескеном и саксаулом. Знал все это и был заранее счастлив...

Ну а ради чего мотаются по степям и пустыням, рвут одежду в тугае Никифоров, Гавриляк, Зубченко? Они-то что здесь потеряли?.. Призвание? Охота к перемене мест? Желание познать окружающий нас мир? Но не слишком ли прямолинейно я ставлю вопросы? Ведь в жизни все гораздо сложнее. Люди не всегда и сами могут объяснить свои поступки и побуждения. Но ясно одно: человек обычно делает лишь то, что находит возможным и нужным...

Я сижу на правом, кзылординском берегу Сырдарьи, слушаю тишину, отдыхаю перед возвращением на левый, кзылкумский берег.

В воду прыгаю лишь после того, как моторка завернула к биваку: темень такая, что рулевой может и не заметить пловца.

3.

Маяки дельты

23 августа

Наш отряд мобилен, как десантное подразделение. Еще вчера мы, чертыхаясь, продирались сквозь приречные заросли Сырдарьи, оставляя на шипах чингиля и джиды ключья одежды. Еще вчера ловили рыбу, купались, а сегодня — царство белого саксаула и жузгуна.

Нет ничего более непохожего, чем саксаул и жузгун. С белых, расходящихся от комля стволов саксаула свисают редкие белесовато-зеленые побеги, печально поникшие, словно смирившиеся с игом пустынной засухи. А кусты жузгуна, напротив, далеки от смирения: оцетинились своими темно-коричневыми побегами, упругими, как стальная проволока.

Кое-где от корявого корневища жузгуна, присыпанного песком, расходятся довольно толстые, туго натянутые шнуры-корни, обнаженные ветрами. Свои корни жузгун пускает не вглубь, как это делает саксаул или верблюжья колючка, а в стороны, буравя плотную поверхность бархана. Трудно пред-

ставить, что в этих, казалось бы, иссушенных верхних слоях песка находит себе жузгун. Но, видимо, что-то находит.

Вездеходы визжат и чадят, преодолевая очередную грядку барханов. А впереди новые, еще более высокие гряды. Даже не верится, что за столь короткий срок мы так глубоко внедрили в Кызылкумы.

Мы движемся в глубь пустыни, чтобы отыскать Карадарью, южный проток дельты. Нам известно только то, что Карадарья частью погребена в песках, частью замурована в лесс. А мы должны знать о ней все: ширину русла и долины, уклоны, количество и размеры естественных перемычек, а также искусственных, если таковые окажутся. Но прежде нужно отыскать саму Карадарью. А это не так просто: вокруг барханы и барханы, море песка.

Кое-какие сведения о дельте гидрологи старались получить еще у себя дома, в Ленинграде. Прежде чем отправиться в Джембул, Ясаков и Петухов не один день копались в каталогах библиотеки Академии наук. Но, увы, сведений о дельте немного. Несколько столетий назад протоки дельты начали пересыхать, население покинуло их берега, осиротевшие ирригационные сооружения разрушились. Сухие водотоки перестали интересовать людей, и дельта стала медленно и необратимо погружаться в Лету.

Почему же пересохли реки, почему они стали узбоями? Полемика по этому вопросу не утихает до настоящего времени. Иссушение дельты некоторые ученые соотносят с катастрофическим „усыханием Средней Азии“. Есть и другие точки зрения, иные теории и гипотезы. Сергей Павлович Толстов, известный советский археолог, исследователь Средней Азии, как-то заметил, что причина обсыхания дельты составляет одну из историко-географических загадок.

А вдруг материалы наших исследований приоткроют завесу прошлого? Но не будем гадать. Тем более, что у нас в общем-то другая цель.

Однако где же Карадарья?

Что-то долго петляем между барханами. Верно ли ведет отряд командир?

А путь все безнадежнее: колея полузасыпана, склоны барханов все круче...

Оля Захарова смотрит на барханы, вздыхает:

— Господи, какая же здесь река...

И Женя Никифоров, ветеран Джембулской экспедиции, тоже склонен думать, что Валерий Сергеевич сбился с пути. Хотя в отряде, кажется, нет человека, который бы чувствовал себя в мире ориентиров так свободно, как Ясаков. Ориентиров же в его распоряжении предостаточно: днем — солнце, гряды барханов, ночью — звезды, луна. И наконец, чабанские маяки...

Но что же, Валерий Сергеевич и впрямь сбился с пути? Похоже что так. Ведь мы уже второй раз возвращаемся к од-

ному и тому же колодцу — действующему, если верить карте, на самом же деле засыпанному. Но своих сомнений не спешим высказывать. Мнений может быть много, а двум решениям не бывать. Причем нередко случается так, что как раз ошибочный вывод аргументируется лучшим образом.

И чем дальше, тем выше барханы, тем круче их склоны. То и дело встречаются заросли белого саксаула. Впрочем, какие там заросли? С десятков деревьев, приютившихся где-нибудь на склоне песчаного холма. Кроме саксаула, тут и там виднеются небольшие рощицы песчаной акации. Слабый ветер ворошит блестящую зеленую листву, весело играет ею. Посмотришь на эти удивительно красивые, с никнувшими кронами крошечные деревца — и душе, уставшей от монотонности, станет уютнее. При виде акаций мне вспоминаются ленинградские плакучие ивы.

— Дальше дороги нет...

Хорошенькое дело!

Но, к моему удивлению, никто не проявляет ни малейшего беспокойства. Нет так нет. Напротив, многих даже обрадовала вынужденная остановка. Да и я вроде бы рад этой незапланированной передышке, возможности пройтись по земле, размяться — одним словом, прийти в себя от изматывающей тряски по бездорожью, по жестким кочкам камфарной пыли.

Ясаков с картами и компасом взбирается по крутому склону на один из барханов. Песок сыплется ему за голенища сапог, но он, не обращая на это внимания, упрямо, как жук-скарабей, стремится наверх. Я лезу следом.

Взобравшись на гребень, видим то же — барханы и барханы. От горизонта и до горизонта желтые горы перевающегося песка. Тут все элементы горной страны — и пики, и террасы, и хребты. Грузовики отсюда, с вершины песчаного хребта, кажутся игрушечными. А если смотреть вдаль — ни малейших признаков цивилизации, присутствия людей.

Ясаков приступает к „штурманским“ обязанностям. Он снимает азимуты, то есть определяет углы между магнитным меридианом и направлением на самые высокие точки окружающих барханов.

Много дел у начальника передвижной партии. И вот, кроме всего прочего, ему еще приходится заниматься ориентированием. Или, как он сам говорит, — навигацией. Как раз навигацией необходимо заниматься в первую очередь. На маршруте командир отряда, подобно добросовестному штурману, должен непрерывно выверять курс, а на биваках — уточнять свое местонахождение. Нельзя упускать и малейшей возможности, позволяющей покрепче привязаться к рельефу.

Эти азимуты, кажется, осточертели Ясакову. Вот он что-то бормочет, как будто чем-то недоволен. Понятно без слов: близнецы-барханы, окружающие нас, — не очень-то надежные ориентиры, к ним не так просто привязаться.

— Хотя бы какой-нибудь захудалый маячок,— вздыхает Ясаков, обшаривая биноклем дальние гряды. Но там, как и здесь, только песок и ничего более. Эти барханы гораздо крупнее тех, которые нам уже встречались, и они почти лишены растительности. Что и говорить, командир вовремя остановил отряд.

Внизу, в межбарханной чаше, где стоят машины, ни малейшего движения — кусты жугуна словно застыли. А здесь — всюду свирепствует поземка. Песок прямо на глазах засыпает саксаулину.

Неожиданно из-за гребня появляется Марина. Она садится в сторонке и тоже смотрит вдаль. Помолчав, говорит:

— Вон там Маленький принц ходил...

Мы с Ясаковым смотрим, куда показывает пальчиком Марина, и ничего не видим, кроме желтых узоров, выгравированных ветрами... С запозданием в два дня вспоминаю, что Маленький принц следов не оставлял.

Спустившись с бархана, шеф, даже не переведя дух, приносит суровую отповедь. Смысл его слов сводится к тому, что мы не гидрологи, а праздные туристы, то бишь растяпы. Капли воды, падающие с настила кузова на горячий песок, убедительно подтверждают справедливость слов Ясакова. На песке образовалось маленькое руслице.

Все объясняется очень просто. Одна из фляг упала на бок, а резиновой прокладки под крышкой не оказалось: Саша Цветков, закрывая флягу, забыл ее положить. Мы потеряли треть запаса воды.

Час от часу не легче. Но меня удивляет реакция моих товарищей. Все по-прежнему спокойны (за исключением Ясакова, разумеется) и даже беспечны. С водой неприятности, где находимся — неизвестно, а гидрологи, выслушав командира, как ни в чем не бывало продолжают заниматься своими делами. Петухов портит пленку, пытаясь запечатлеть нас на фоне тощих кустиков. Никифоров рассматривает следы на песке. Ему, видите ли, надо установить, кто именно здесь проскакал: сайгак или джейран... А ведь Никифоров — не новичок. Он-то знает, что такое вода, когда ее нет. В Бетпак-Дале ему однажды пришлось тащить на себе товарища, который от жажды начал терять рассудок. А может, одни просто привыкли к тому, что в дороге всегда что-нибудь случается, притерпелись к сюрпризам подобного рода и не считают их происшествиями, достойными внимания. А другие, в силу своей неопытности, еще не понимают смысла происходящего.

Отряд снова в пути. Теперь мы уже ищем не Карадарью, а какой-нибудь колодец. Часа через два Марина Зубченко, наш передсмотрящий, закричала:

— Вон палка торчит!

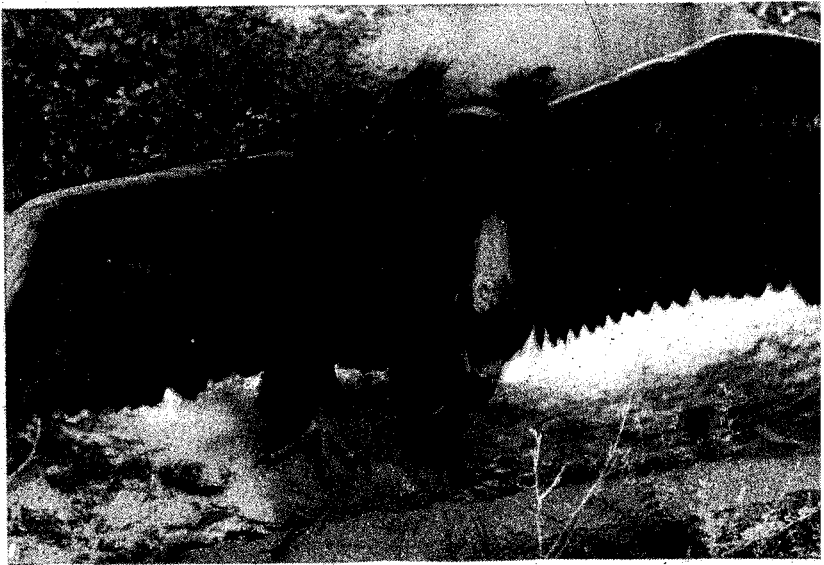
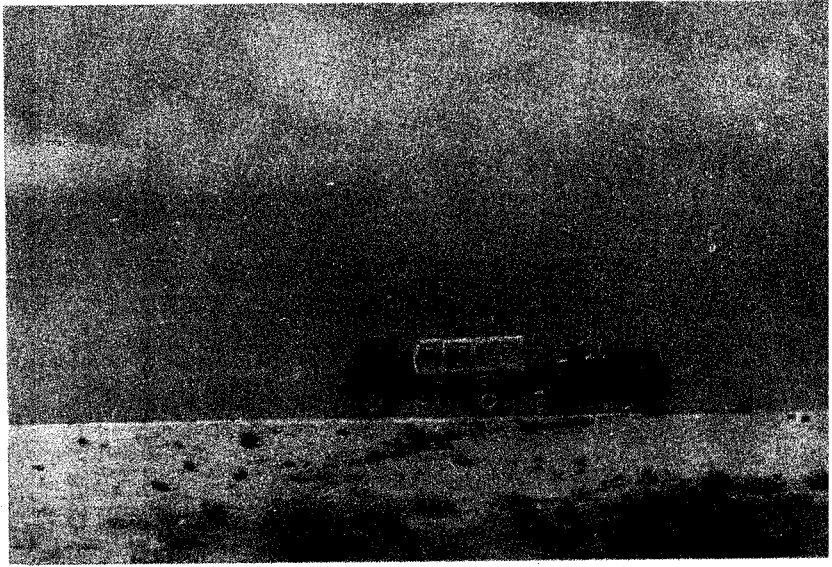
Приблизившись, обнаруживаем, что на гребне бархана не палка, а бревно, увеченное пучком выгоревшего на солнце камыша. Тут же, наполовину засыпанная песком, лежит полу-

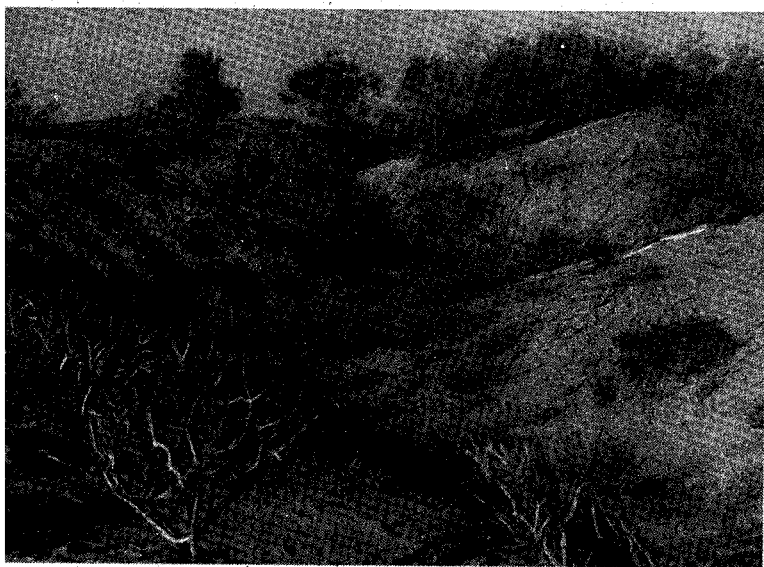
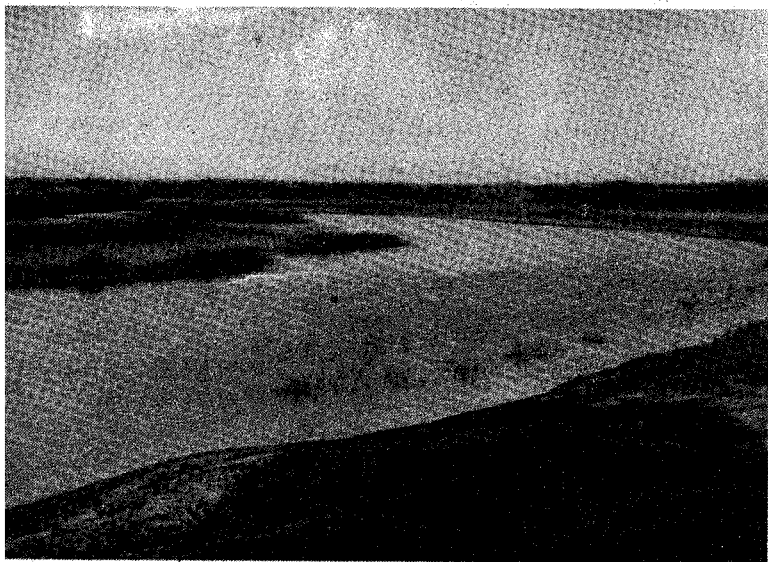
Знакомьтесь — Никифоров.
Точность в его работе — прежде всего.

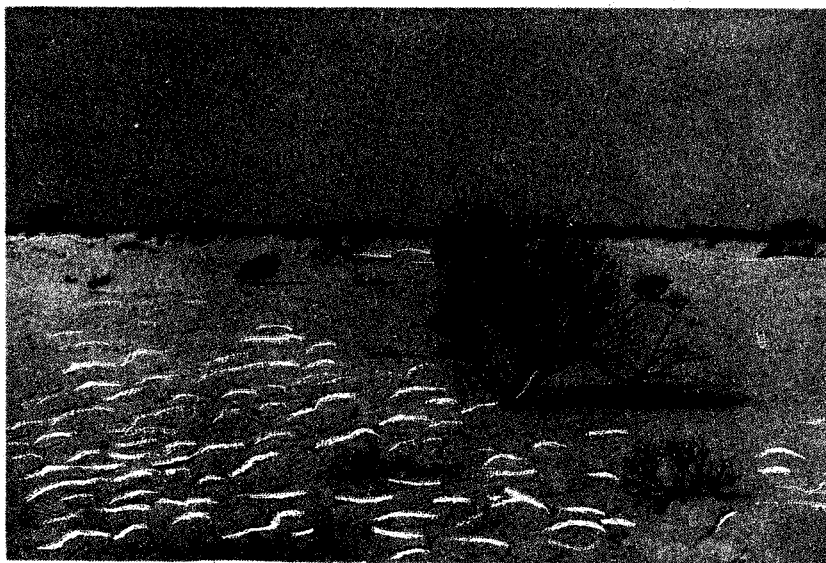
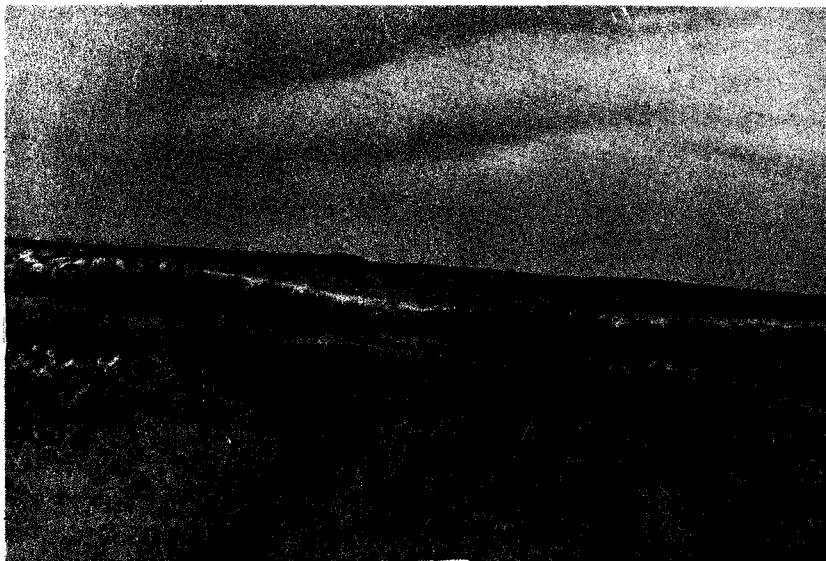
Будни нашего шефа.

Равнины дельты, суглинки.
Птенец Борька.

Излучина Кувандарьи.
Песчаные гряды.

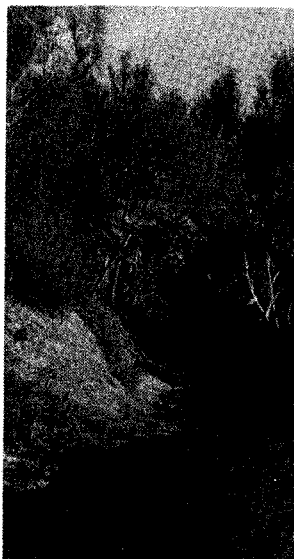
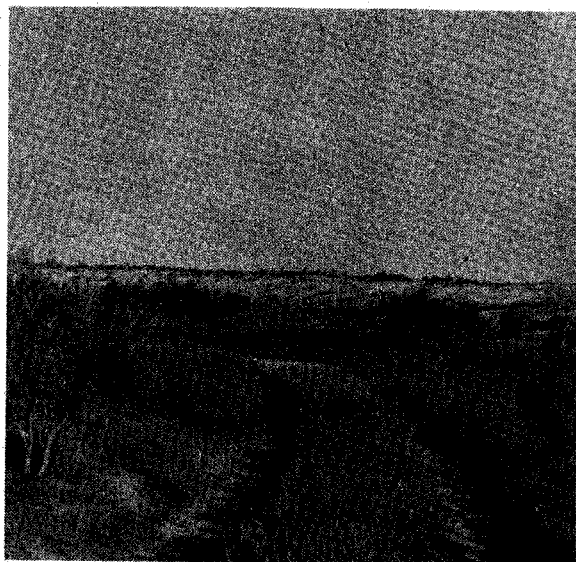
Сырдарьинский тугай.
Растрескавшийся такырник.

Посадки саксаула.

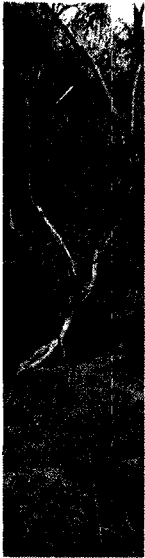
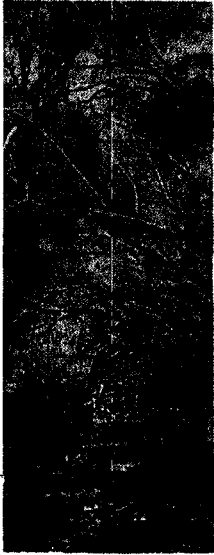

Могучие, сочные стебли ферулы.
Среди песчаных холмов.

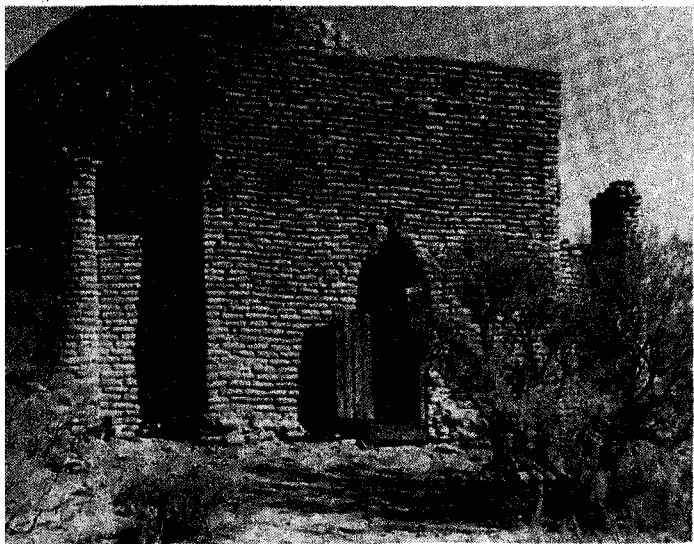

Шабаш, идем обедать.
Дорога проложена прямо
по дну Карадарьи.

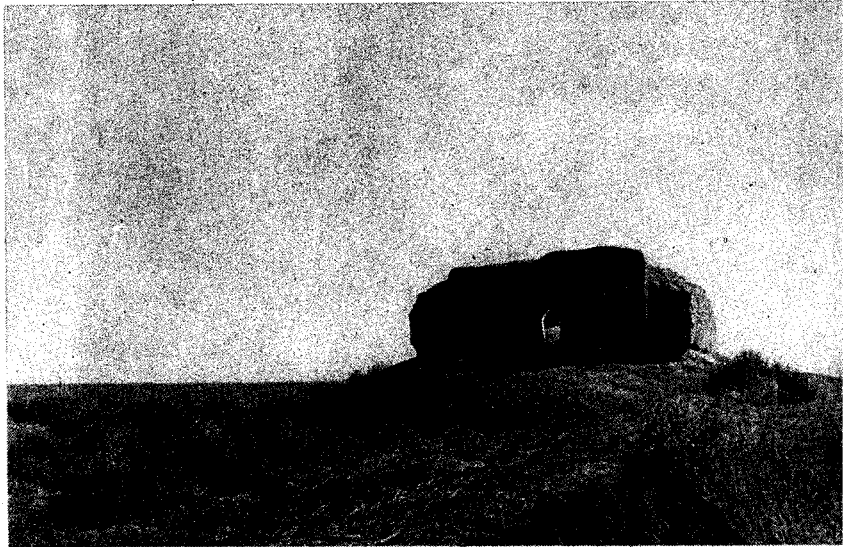
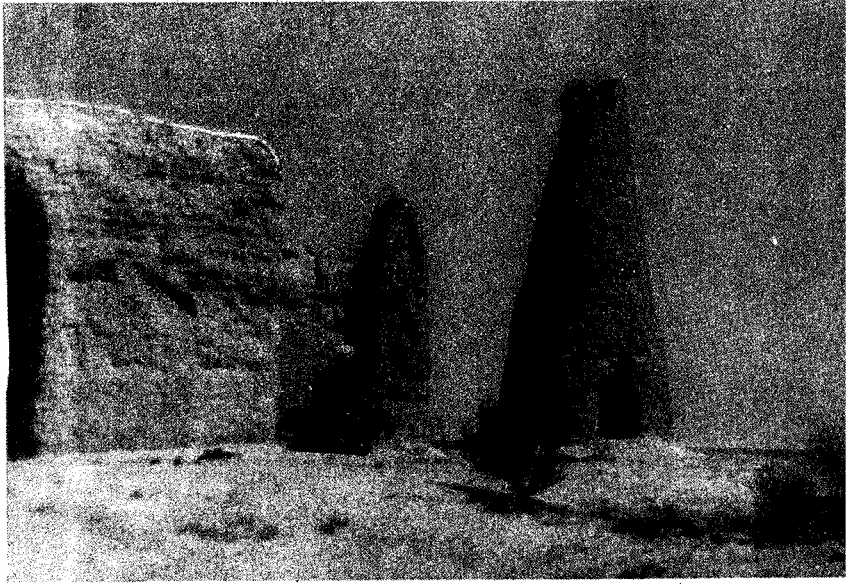
В дырявой тени саксаула.
Реликтовое русло Карадарьи.

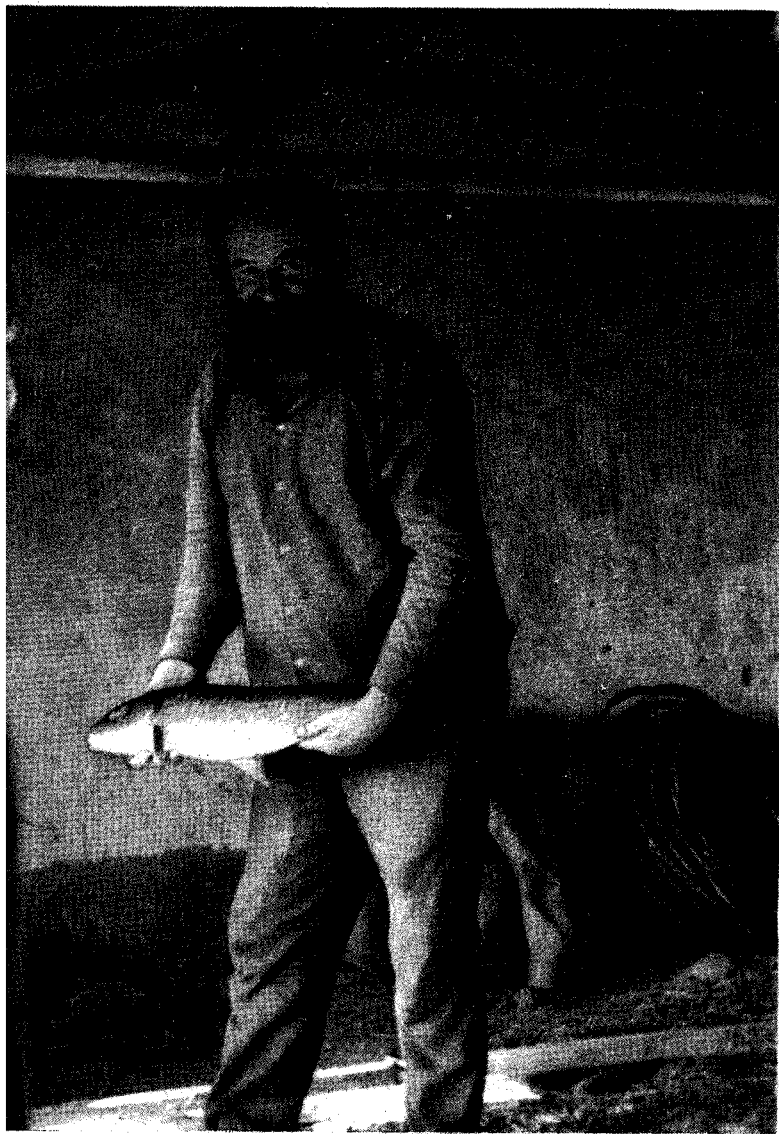
Я — речник.
Украшение барханов — песчаная акация.

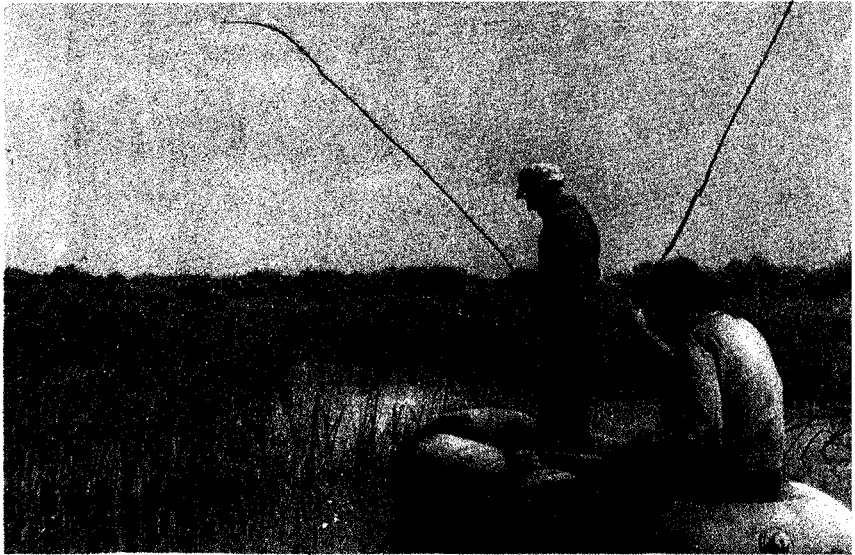
Саксаул — типичное дерево пустыни.
Древний мазар.

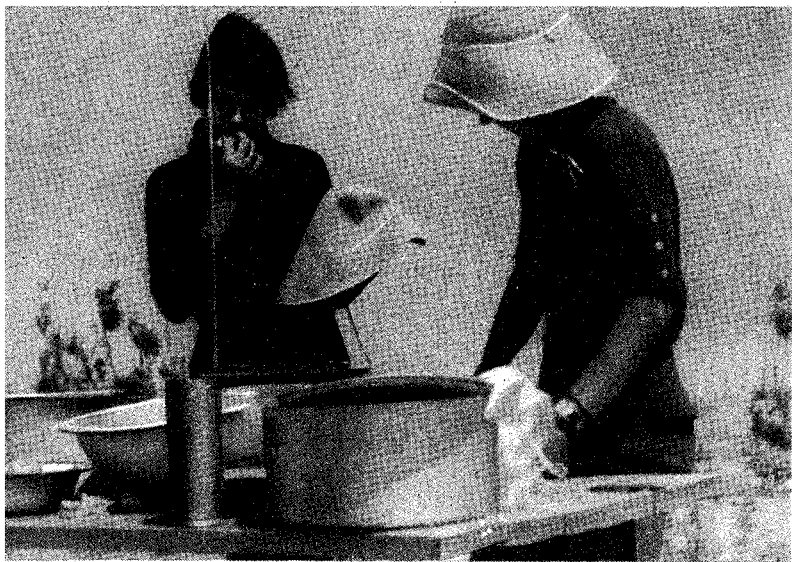
Маяки дельты.
Руины Кумкалы — в прошлом
богатейшего пригорода Чирик-Рабата.

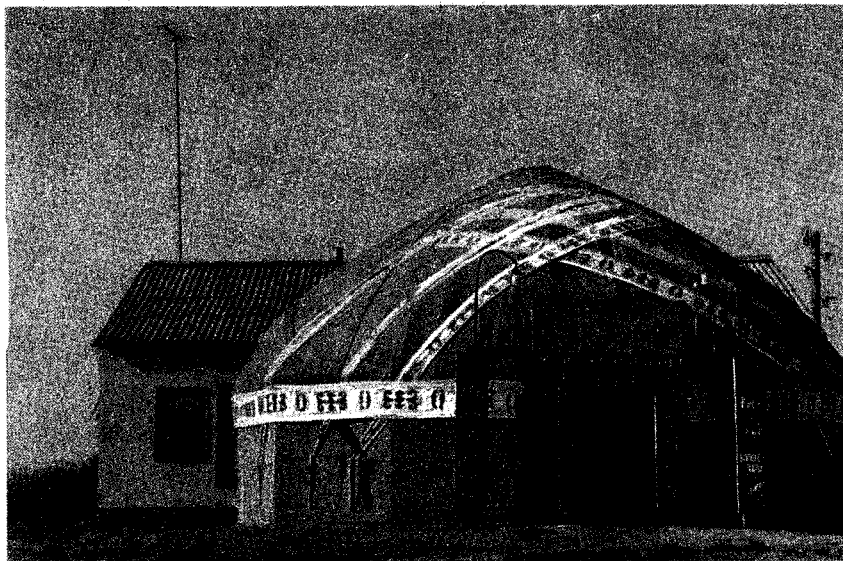
„А у вас в Неве такая водится?“

Главсредства экспедиции
используются явно не по назначению.
Щедрый подарок Жанадарьи.

Прибыли на новое место.
Будущие географы полны решимости
освоить кулинарное дело.

Придорожное кафе.
Местные жители.

Будем гидрологами!

ось грузовика, неведомо как здесь оказавшаяся. Очевидно, столб и ось и есть чабанский маячок, который так нам нужен.

У подошвы бархана, помеченного маячком, — озерцо, заросшее густым камышом. Правильнее бы сказать — тростником, ибо то, что я вижу, — и есть самый настоящий коммунистический тростник, то есть тростник. Но я предпочитаю слово „камыш“, бытующее в словаре всех казахстанцев. Оно теплее. Оно поэтичнее. Впрочем, может, мне одному так кажется: „камыш“ — одно из тех первых слов, которое я учился выговаривать.

Блеклое, словно выгоревшее от зноя небо не идет ни в какое сравнение с ярко-звучной синевой воды. А сочная камышовая зелень резко выделяется на фоне грязно-серого песка.

Шелестит камыш, о чем-то горячо шепчет. А легкий ветерок разносит над пустыней этот шепот. Иногда камышу вторит шуршанием жестких листьев терескен — угрюмый ксерофит*, угнездившийся почему-то у самой воды.

В пустыне миражи не редкость. Но то, что мы видим, — не мираж. Хотя среди этих барханов и кажется миражем. Миражи беззвучны, а тут слышится меланхоличный шум камыша и бульканье воды. Кто-то обнаруживает в зарослях ржавую трубу, исторгающую воду. Итак, озерцо — реальность. Оно образовано фонтанирующей артезианской скважиной. Здесь, в межбарханной чаше, расположилось чабанское кочевье. Сейчас, конечно, никого нет, чабаны со скотом откочевали на север.

Первым делом — напиться холодной воды...

Цветков, жадно хвативший глоток-другой, отплевывается. Вода, изливающаяся из трубы, отдает затхлостью. К тому же она солоноватая.

Вслед за Цветковым дегустировать воду принимается Никифоров. Почмокав губами и поправив очки, он важно заключает:

— Солоноватая — не соленая... Приспичит, будем пить-похваливать.

Ясаков, тоже взявший пробу, решительно поддерживает кустанайского коллегу. Фляга наполняется доверху, плотность прокладки теперь проверяет сам командир.

...Озерко того и гляди выплеснется из берегов. Еще бы, оно ведь не рассчитано на такую ораву. Вода на вкус не очень приятная, но сидеть в озерке — одно удовольствие. Прохлада бодрит, и все события дня кажутся пустычными, не стоящими внимания. Поистине, где вода, там — жизнь. Искупались. Но в кузов никто не спешит забираться — вроде бы надо обсох-

* Ксерофиты — растения засушливых местообитаний (степей, пустынь, полупустынь), способные переносить длительную засуху. „Ксеро“ — сухой, „фитон“ — растение (греч.).

нуть, чтобы пыль не прилипала. На самом же деле ребятам просто хочется позагорать.

Прислонившись к растрескавшемуся бревнышку, я прислушиваюсь к шелесту и шороху растений, всматриваюсь в дали. Но там только песчаные бугры, а над ними струение марева, под прессом памяти сгущающееся в материальный многоцветный туман прошлого...

Наша повозка тащилась кое-как по таким вот барханам. Отец стоял в телеге в полный рост и смотрел куда-то вдаль. А я плакал: мы уже второй день блуждали по пескам без воды.

— Маяк! Маяк! — вдруг радостно закричал отец и направил быка к какому-то бархану, на котором возвышалась черная пирамидка, сложенная из саксауловых поленьев. Над пирамидкой торчала кривая слега, увенчанная войлочной „куклой“. Воды на бархане не было, и, понятно, отцовского оптимизма я не разделял. Страдая от жажды, я продолжал канючить и плакать.

Но через некоторое время отец распрягал быка у какой-то чуротины. А я, напившись воды и тут же забыв свои страдания, шлепал по песчаной отмели с палкой в руках, изображая охоту на куликов, диких голубей и других обитателей озера.

По свидетельству моих старших братьев, отец знал наперечет все маячки не только в песках Муюнкум, но и в Бетпак-Дале. Он умел находить дорогу и по звездам, но все же предпочитал маячки. Звезды, конечно, вернее любого маяка. Это ориентиры вечные. Но они ведь не стоят на месте и не всегда их можно видеть. Они тоже, как луна и солнце, восходят и заходят.

Маячки проще, нагляднее. Где маячки — там и вода. Они напоминают о присутствии людей, что для путника всегда отраднo.

...Снова в пути. Знакомый пейзаж — барханы, глинистые „плащи“. Об озерке остаются одни воспоминания. Если бы не маячок, привлечший внимание Зубченко, мы бы наверняка проскочили скважину.

Чабанские маяки разбросаны по всей территории Туранской равнины. Несколько таких ориентиров мы с Ясаковым в прошлом году обнаружили в долине реки Чу.

Особенное впечатление на меня произвел маяк в чуйском урочище Бас-Карабас. За много километров мы увидели в степи холм, а над ним — черную каплю, которая, четко выделяясь на фоне розового предвечернего неба, казалось, висела в воздухе. Когда же приблизились, то увидели неказистое сооружение — несколько грубо сколоченных горбылей. На самом верху его была пригнана автомобильная шина. В окрестностях маяка не было ни колодца, ни скважины. Ориентир указывал лишь направление до ближайшего водопоя. Чабаны хорошо знают свою степную лоцию. Опознав маячок, чабан быстро сообразит, куда ему гнать отару. Что касается нас, то из разговоров с местными жителями — а это чаще всего как

раз бывают чабаны — мы стараемся узнать названия маячков, их внешний вид, местонахождение. Выявленные ориентиры мы тут же привязываем к известным населенным пунктам, к трассам дельты — дорогам и узбоям. А кроме того, мы знаем, что маячки обычно ставят на скотопрогонных маршрутах. Это зримые, осязаемые материально пунктиры на пустынных пространствах дельты.

Строят маячки из чего придется. Один сложен из саксаула, другой из глины и камыша, третий — бывают и такие — из костей животных. А сегодня в дело идут и запчасти. Что и говорить, маяки Турана не отличаются изысканностью архитектуры. Они лишь по своей сути маяки. Но, так же как и морские маяки, они помогают людям, указывая безопасные „фарватеры“. Ведь в песках, как и на море, тоже одни волны до самого горизонта, с той лишь разницей, что песчаные волны — застывшие. Среди такого однообразия очень просто заблудиться.

Маячки недаром называются чабанскими. Пастухам они позволяют выбрать оптимальный маршрут. Если на перегоне полынь да жантак — чабан может быть спокойным: к месту назначения отара придет с привесом. Если же сбился с пути — овцам придется глотать веточки угнетенного тамариска, а то еще и в заросли ядовитого итсегета угодишь.

Итсегет, или анабазис, высоко ценится в народной медицине как лечебная трава. Но, к сожалению, домашние животные иногда отравляются ею.

И глядя на эти маяки, невольно думаешь: действительно ли навигация, если это слово понимать широко, была привилегией лишь мореплавателей? Не скотоводы ли, обреченные на долгие и трудные одиссеи, начали первыми задумываться о методах ориентирования? В трудной борьбе за свое существование человек осваивал пустыню. Приспосабливаясь к ней, постигая ее суровые законы, он придумал маяки.

Вокруг черные кочки обглоданной полыни да небольшие саксаулины. Впрочем, рядом с прутиками жузгуна эти саксаулины кажутся гигантами.

Да, но где Карадарья?

Неужели маяк „Ржавая ось“ — так мы его окрестили для себя — не помог Ясакову разобраться в обстановке? Правда, чтобы ориентироваться по таким вехам, необходимы кое-какие навыки.

Студентом Гидрометеорологического института Ясаков знакомился с методами ориентирования, но... на море. Уже будучи инженером, он усваивал штурманские премудрости на экспедиционных судах. О существовании чабанской „навигации“, конечно же, и понятия не имел. По крайней мере, до того как перешел на Вторую линию Васильевского острова в Гидрологический институт, где на полевые работы ему теперь придется отправляться не в океан, а на равнины Турана.

Про эти чабанские маяки Ясаков узнал от аксакалов. От-

ставным овцеводам нравился молодой ленинградский гидролог, который ищет в песках воду или признаки ее и обо всем расспрашивает.

Разумеется, начальника партии нельзя было бы упрекнуть, если бы он, как и многие его коллеги, не обращал внимания на какие-то сомнительные кучи саксаула. Но, по-моему, даже самые расторопные топографы не могут так мобильно и так своевременно отражать все те изменения, которые иногда происходят в том или ином географическом районе, как это делают чабаны с помощью своих маячков. Поэтому степными маячками не стоит пренебрегать.

Скрип тормозов, резкий толчок. Евгений Богачев — он ведет нашу первую, „пассажирскую“ машину — всегда так тормосит. Будто дорогу перебегают пешеход. Что поделаешь, городская привычка, Евгений ведь ленинградец. Но на сей раз перед бампером действительно пешеход. Молодая женщина в шортах, в яркой цветастой шляпке с большими полями, защищающими лицо от солнца, стоит и ждет, когда у нас пройдет шок. Первым, как и подобает настоящему командиру, обретает голос Ясаков. Завязывается непринужденная беседа на тему: „Кто вы такие, откуда взялись?“ Я же, внимательно посмотрев на женщину, вдруг вклиниваюсь с вопросом:

— Наталья Геннадиевна Кочубей?

Пришла очередь удивляться очаровательному пешеходу. Еще бы... Блуждая год назад в низовьях Чу, я встретил Наталью Геннадиевну в районе слепого устья этой реки. Кочубей — сотрудница Кызылординской противочумной экспедиции. Группа специалистов под ее руководством наблюдает за жизнью грызунов в их колониях. Полевой сезон у кзылординцев не то что у нас — почти полгода. Благодарная у зоологов работа, но, думаю, им не каждый позавидует...

А теперь неожиданная встреча в Кызылкумах. Трудно поверить, что возможны вот такие, действительно случайные встречи. Другое дело, если бы они происходили где-нибудь на Невском проспекте. Безмерно же простирающийся Туран для неожиданных встреч так же мало приспособлен, как, скажем, Тихий океан.

В прошлом году Наталья Геннадиевна объяснила мне путь к озеру Акжайкын, слепому устью Чу, и рассказала, как выбраться из солончаков, если я не смогу попасть на Акжайкын. Но на этот раз она только разводит руками. Ей неизвестно, где Карадарья. Она знает все артезианские скважины, все протоки и колодцы с водой. Мертвые же реки ее не интересуют.

Мы говорим на прощанье Наталье Геннадиевне комплименты, а Ясаков почему-то озирается по сторонам. А потом вдруг восклицает:

— Да вон Карадарья! — и указывает на широкую ложбину, вдоль которой тянутся песчаные возвышения.

— Работенка у вас... — улыбается Наталья Геннадиевна. — Ну у нас-то все очень просто. Песчанки и суслики под каждой

саксаулиной проживают. Ничего искать не надо. Кроме воды, конечно...

Все же ее шляпка, ее ухоженные, покрытые лаком ногти не соответствуют сложившемуся представлению о покорителях пустыни.

Наталья Геннадиевна легко взбегает на барханчик и, помахав нам на прощанье, направляется в сторону бивака, чернеющего вдалеке, почти на горизонте.

...Нивелировка, гидрография, бурение грунта. Однообразие полевой жизни. С утра зной, а воду Ясаков выделяет крохотными порциями, лишь для питья, притом — умеренного. Солнце палит нещадно, и вокруг ни кустика. Если не считать несколько древоподобных жузгунов, привлекающих внимание особенной, необыкновенно уродливой формой крон и стволов. Но тень под жузгунами дырявая.

Получив указания командира, все разбредаются по руслу. Возле машин остаются только водители да мы с Никифоровым. Богачев и Бирн орудуют ключами, что-то подкручивают, а мы с Женей приступаем к бурению тальвега. Вообще-то, как условились еще в Ленинграде, я должен заниматься сбором сведений у местных жителей или гидрографическим описанием русел. Я бы охотно побеседовал, например, с зоологом. Но Кочубей сама только узнала о том, что есть на свете какая-то Карадарья. А других местных жителей в обозреваемых пределах не наблюдается. К тому же, гидрографией на этом участке, несложном, хорошо просматриваемом, Ясаков решил заняться сам. Причем без помощников. Мне оставалось только помогать Жене. Не сидеть же просто так на солнцепеке.

Кто же мы все-таки — гидрологи? гидрографы?

Конечно же, гидрологи. Но нам неизбежно приходится заниматься и гидрографией — то есть изучать и описывать конкретные водные объекты, давать характеристику их положения, указывать размеры и прочее.

...Бурим прямо возле колес. Видимо, чтобы не ходить далеко. Никифоров силы недожизниной, он вынослив, как верблюд. Я в этом убедился. Видел, как он продирался с нивелиром сквозь тугай на Сырдарье. Но иногда Женя ленится сделать и два шага. Впрочем, чтобы обеспечить себя каторжной работой, ходить далеко не надо. Эти плотные суглинки везде одинаково трудно бурить вручную. Зеленая рубашка бурильщика покрывается темными пятнами, а коронка бура лишь чуть-чуть входит в грунт, хотя Женя налегает вовсю. Предлагаю ему фляжку с охлажденным чаем — отказывается.

— Еще больше изойду водой. Закончу бурить и напьюсь.

Богачев, лежащий под мостом машины, замечает:

— У тебя, тезка, вместо сердца — дизель повышенной мощности...

Что верно, то верно. Поэтому именно ему и поручают самую трудную работу. Если бурить — чтобы коронка не шла. Если нивелировка — то сразу километров десять, да еще по тугаю.

Сегодняшний день, конечно же, не является самым серьезным испытанием в кочевой, насыщенной приключениями жизни Никифорова. Кстати, о приключениях. Не могу удержаться, чтобы не рассказать эпизод из жизни этого замечательного гидролога.

Часть времени работники гидрологической экспедиции проводят, как и полагается, на постах, удаленных от населенных пунктов. Недели, а то и месяцы гидрологи не видят людей, отрезаны от внешнего мира. Однажды случилось так, что на посту, возглавляемом Никифоровым — тогда таким же неопытным гидрологом, как и его напарник, — сгорела палатка. А вместе с палаткой — и весь месячный запас продуктов. Самолет же прилетал на пост только два раза: в начале паводка, когда доставлял научное оборудование института и самих гидрологов, и в конце.

Я был бы неправ, если бы сказал, что парни не растерялись. Растерялись, конечно. Обескураженные, смотрели на дымящееся тряпье, разметанное взорвавшимся порохом. Думали, как быть. Ведь даже на случайную помощь надеяться было нечего: пост — у черта на куличках.

Остатки уцелевшей при пожаре пищи — две банки консервов и несколько сухарей — Никифоров и его товарищ по несчастью поделили на крохотные порции. А потом перешли на подножный корм...

Дело происходило весной. Утки садились рядом. Непуганые, они совсем не боялись людей. Но что с того? Охотничье ружье валялось обгорелое, без приклада, дробь спаялась в комок, банки с порохом взорвались. Но голод не тетка, надо было что-то придумывать.

Генка, напарник Никифорова, принялся выкапывать ножом луковицы тюльпанов. А сам Никифоров с туго натянутым луком засел на берегу речки. Камышовые тростинки с наконецниками из консервных банок летели далеко, иногда даже перелетали на противоположный берег. Но, видимо, им не хватало скорости. Утки замечали летящий снаряд и успевали уклониться от него. Расходуя последние силы, Никифоров изменял конструкцию лука, оттачивал поострее наконецники. И хотя стрелы ложились все ближе к цели, дичь почему-то уходила. Поэтому фактически Никифоров жил на иждивении своего товарища, который ковырялся в земле с упорством чапековского садовода — с восхода и до захода.

— Тюльпанов истребили целый гектар, — вспоминает Никифоров, — тушкачки, наверное, с отчаяния в своих норах передохли. Они ж луковицами питаются...

Гидрологи ослабли настолько, что, сделав несколько шагов, валялись на землю. Но вот что самое удивительное. Каждый день они производили замеры и записи в журнале. Правда, в этом Никифоров не видит ничего особенного:

— Паводок же ведь! Его никак нельзя упускать...

Закончив бурение и нивелировку, садимся в машины и на-

правляемся „вверх по течению“, к истокам узбоя. О том, что мы приближаемся именно к истоку, свидетельствует общее понижение береговых валов (узбой дельты непременно имеют береговые валы) и некоторое сужение русла. Кое-где берега выположены и тальвег почти выравнен с террасами речной долины. Такое впечатление, будто русло заштукатурено рукой какого-то великана.

Ясаков останавливает колонну у глинистого холма, чтобы уточнить наше местонахождение.

— Плоскота. Скучища. Под нивелир,— определяет характер рельефа Никифоров.

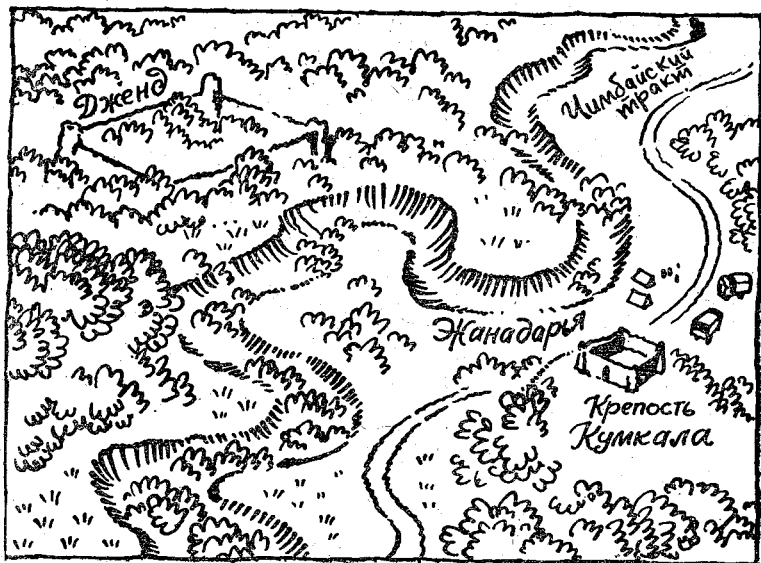
Но вот на этой „плоскоте“ Ясаков как раз и умудряется обнаружить какие-то реликтовые русла. Богатой, однако, нужно обладать фантазией, чтобы утверждать подобное. И все же нам приходится подчиниться командиру, который формулирует задачу предельно кратко:

— Нивелировка. Один поперечник и два продольника.

На следующий день мы поднялись с рассветом, чтобы по холодку сняться с бивака. А в путь тронулись, когда лучи солнца уже прыснули из-за барханов и белые лессовые полотнища стали кремовыми.

Далеко отсюда, за малиновыми грядами древнейших третичных обнажений — Инкардаря, а за ней и Жанадарья. Там начинается новый этап нашей работы.

Там нам укажут путь другие маяки.

4.

Приречные леса Жанадарья

30 августа

Дорога тянется вдоль Жанадарья, а иногда петляет и по самому руслу. А вокруг заросли саксаула, настоящий лес. Не тугай, а именно лес. Если исходить из того, что лес — тип растительности, господствующими ярусами которой являются более или менее сомкнутые древесные растения.

Четырехметровые деревья стоят не шелохнувшись. Ветви, отягченные сочными зелеными побегами и придорожной пылью, никнут почти до земли, образуя завесу, похожую на драпировку из пыльного плюша.

Солнце уже на закате, а мы все еще едем к Акшиганакскому мосту, месту нашей завтрашней работы.

Странно, что мы ищем мост через русло, в котором, по словам Богачева, лишь слезы одни. А, может, моста и нет, а есть лишь название места? Для Средней Азии характерны такие странные названия. Скажем, если вы ищете урочище Лакаколь

(в переводе с казахского — „Соминое озеро“), то это не значит, что в конце концов обнаружите водоем, кишящий рыбой. Возможно, такое многообещающее название имеет лог, заросший полынью и жантаком. И на сегодня название это — только отзвук далекого прошлого.

Кузов вездехода громыкает на ухабах накатанной, то есть очень разъезженной дороги. Колеи ее давно превратились в глубокие траншеи. Источенная лессовая пыль фонтанирует из-под колес, и за машиной поднимаются желтые клубы. При сегодняшнем безветрии они будут висеть очень долго.

Наша колонна, состоящая всего лишь из двух грузовиков, растянулась километра на четыре. Если бы Сережа Бирн, водитель замыкающей машины, не отстал, то он бы уподобился капитану, вздумавшему вести свое судно в сплошном тумане, не имея на борту локаторов.

Грузовики ползут по разбитой дороге по-черепашьи, и мы задыхаемся от обволакивающей нас пыли.

Таков Чимбайский тракт — дорога, которая в средние века, а возможно, и в античную эпоху, соединяла провинции Хорезма: Северную, дельтовую, и Южную, амударьинскую, — собственно Хорезм.

Район наших изысканий считается пустыней. И это действительно так и есть. Но в далеком прошлом древняя дельта была густо заселена.

Два дня назад, во время нивелировок в среднем „течении“ Жанадарья, мы видели холмы, поросшие саксаулом и солянками, — остатки Дженда, богатейшего в свое время города, и пригорода его Кумкалы. А где-то там, в глубине Кызылкумов, куда, шелестя травами и камышами, ползет желто-зеленая Жанадарья, несокрушимо стоял Чирик-Рабат, опоясанный рвами и стенами. Ясаков пообещал устроить бивак вблизи крепости, и мы с нетерпением ждем тот день, когда увидим руины этой некогда самой мощной древней цитадели Междуречья.

Следы былого величия дельты встречаются всюду, по всей площади огромного треугольника. Вон справа от дороги желтая сторожевая башня, а рядом мазар — магометанский мавзолей. Конус и купол. Архитектурные ансамбли подобного рода нас уже не удивляют. Мы забирались на верхние площадки башен, чтобы взять азимуты или отснять на пленку место нивелировки. Мы входили под прохладные своды мазаров — просто так, из любопытства. Мы пересекали древние каналы с оплывшими бортами.

Теперь я убедился (раньше мне об этом говорил Ясаков), что Кызылкумы — по крайней мере, их северо-западная часть — когда-то представляли собой обширнейший оазис.

Чимбай для хорезмийцев был примерно тем же, что Владимирский тракт для россиян. Но теперь, когда машины громыкают по разъезженной дороге, а к кабине, нагретой солнцем, не притронуться, — как-то не хочется думать об исторической

роли Чимбайского тракта. Мысль одна: скорее бы доехать до моста, пошвырять на землю бивачное имущество да заползти под какую-нибудь саксаулину, в тень, в прохладу.

...Наконец неподалеку от русла останавливаемся. Валерий Сергеевич лезет в кузов и смотрит вдаль, где над саксауловыми массивами струится марево, прохлада которого сколь желанна, столь и обманчива. Моста он не обнаруживает. После краткого совещания с Богачевым шеф машет в сторону Жанадарьи. И колонна, громяхая на арыках, по какой-то саксауловой просеке пылит к узбою.

Располагаемся прямо в лесу. Саксаул растет не только на приречных террасах, но также и на береговых откосах. Он скрепил своими мощными корнями суглинки и таким образом не позволяет руслу выполаживаться, сохраняет его. Местами саксаульник спускается почти к самому тальвегу, к плесам, перемешиваясь здесь с камышами.

Плесь Жанадарьи — это узкие, но иногда довольно глубокие, до трех-четырех метров, внутренние речушки. Ясаков называет их эрозионными канавками. Думаю, Валерий Сергеевич ввел этот специальный термин для того, чтобы отметить, по сравнению с самим руслом, происхождение „канавок“ — эрозию, а также способ их образования — размыв. Речушки образованы, как видно, водами, проникающими сюда из Сырдарьи. Когда речь идет о Жанадарье, то высказывают различные мнения. Одни считают, что сток в узбой прекращен из-за полной зарегулированности низовьев Сырдарьи. Другие же полагают, что естественный сток в Жанадарью все еще продолжается.

Это недоразумение наглядно иллюстрируют карты и схемы. Жанадарью изображают то голубым цветом, то коричневым — то есть в одном случае она значится рекой, в другом — узбоем.

Две недели назад, работая в нескольких километрах от Сырдарьи, мы убедились, что крупные естественные протоки, некогда питавшие дельтовые рукава, или же забиты наносами, или же рассечены глубокими желобами каналов. Они заросли чингилом и джидой. Таким образом, самая завязка дельты отрезана от кызылкумских русел. И все-таки мы видим: вода в Жанадарье есть, и даже производит здесь определенные дноуглубительные работы.

Вода поступает в узбой по так называемому Жанадарьинскому каналу. Эта искусственная магистраль, как установили Ясаков и Петухов, выполняет три функции — орошает угоды кызылкумских совхозов, подпитывает узбой и, наконец, отводит из Сырдарьи паводковые воды. Последнее обстоятельство имеет немаловажное значение для Тасбогетской плотины, что на Сырдарье, под Кызыл-Ордой. Если бы не упомянутый канал, то плотина или дамбы, протянувшиеся от нее по берегам, во время сильных паводков могли бы разрушиться.

Пока съездили к плесу за водой, пока разбросали между саксаулинами имущество, пока готовили ужин и обсуждали

предстоящие работы, жара сменилась прохладой, наступили сумерки.

После ужина я взял спальник и, к удивлению своих товарищей, направился в глубь леса. Солнце давно закатилось, в лесу темно. Поэтому я осторожно продираюсь сквозь саксауловые заросли, стараясь не напороться на сучья, острые и твердые, как железо. От бивака отошел недалеко, примерно шагов на двести, а уже не слышно ни голосов, ни ударов палок, которыми выбивают пыль из спальников и матрасов. Звук бивачной суеты, от которой я решил спастись бегством в лес, увязали в саксаульнике.

Согласно бивачному расписанию я обязан устанавливать палатку. Но этого я не делаю. Другие — тоже. Кому придет в голову спать под брезентом, в духоте, в то время как ночи такие прекрасные?

Место для ночлега выбрал под развесистой, могучей саксаулиной. Спальник уложил прямо на твердую землю, на трещавшие былинки эфемерных трав. Почему-то мощущь поближе к стволу, где крона погуще. Хотя какой смысл? Теперь, ночью, не припекает. Бояться дождя тоже нечего. Во всяком случае, на сегодня местные „синоптики“ — муравьи, например, — не предсказывали осадков.

Развожу костерок тут же, под саксаулиной. Я хочу заполнить в дневнике одну-две странички. В пути записывать надо непременно сразу же. То, что не успеешь записать, можно считать утерянным. Новые впечатления стирают старые. Правда, с другой стороны, днем ведь не только для записей, но порой и для размышлений не остается времени. С утра до вечера приходится или трястись на „запаске“, притороченной за кабиной, или заполнять дневник гидрографических наблюдений, или таскать скучный предмет — рейку.

Прежде чем открыть дневник, я заправляю брюки в носки, чтобы какой-нибудь бродяга не заполз в штанину.

Из того, что доводилось мне читать о пустыне, я знал, что в Кызылкумах обитают скорпионы, ядовитые змеи, каракурты — твари, которые могут доставить путнику немало хлопот. Об этом нас предупреждал и Протасов — начальник Джамбулской гидрологической экспедиции. Но представляют ли эти гады опасность в настоящее время — не знаю. Неизвестно мне также, бодрствуют ли они в это время, сентябрьской ночью. И вообще, подходящее ли для них место — саксауловый лес? Этого я тоже не знаю.

Лишь только теперь, когда мы исколесили какую-то часть территории древней дельты, я понял, что мои сведения о Кызылкумах, мягко говоря, не слишком точны. При слове „Кызылкумы“ раньше я представлял гряды сыпучих барханов, как бы разрисованных татуировкой. Такие ландшафты нам действительно встречались. Но в Кызылкумах мы обнаруживали и другие виды. Едешь, а кругом — затакыренное пространство с редкой рахитичной порослью да серые барханы, маячащие в

отдалении, и вдруг — наваждение: чингиль, астрагал, солодка, полынь... Целое море зелени!

Именно остатки древних русел нередко являются в пустыне пристанищем для многих степных растений. Дело в том, что русла узбоев — своего рода коллекторы, собирающие потоки, которые образуются во время снеготаяния и весенних дождей и стекают с уплотненных ветрами песчаных барханских склонов или с абсолютно непромокаемых такыров. Ясаков велит нам во время гидрографических наблюдений определять, отмечать виды растений, а также занимаемую ими площадь. Растения, обитающие в пустынях, в руслах узбоев, как известно, служат своеобразными индикаторами влагозапасов почвы. Ибо понятно, что хотя солодка и теплолюбивое растение, но она совершенно не выносит засухи. И если солодка в этом месте растет, значит, влаги здесь достаточно. С помощью растений-гидроиндикаторов и каких-то специальных таблиц Валерий Сергеевич пытается определить, на какой глубине залегают грунтовые воды и каковы они по химическому составу. А близость грунтовых вод позволяет Ясакову как-то судить о поверхностном стоке.

Впечатления записываю, преодолевая дрему. Устал. Сегодня почти целый день провели на колесах, целый день — изматывающая тряска. Мне кажется, один такой переезд по дорогам дельты по физическим затратам равен однодневному пешему переходу или нивелировке в тугае. А, надо сказать, переезды с места на место у нас занимают довольно много времени. С этой точки зрения — у курганцев все проще. Встал на трассу — и гони профиль до самого последнего километра. Нам же приходится прежде всего отыскивать самое русло, отыскав же русло, ищем его завязку, затем спускаемся вниз „по течению“ в поисках участков, подходящих для нивелировки.

...Прекращаю стучить в тетради и прислушиваюсь. Но тишина стоит такая, что даже в ушах звенит. Тишина была бы абсолютной, если бы не дискант одиночного комара. Как он очутился в саксауловом лесу, в таком совершенно сухом месте? Не с плеса ли притопал?

Отдаленные деревья по ту сторону опушки стоят не шелхнувшись. Темные, угловатые, они подобны скалам. Слышится порханье какой-то птицы, доносятся шорохи и даже слабый топот: кто-то пробирается между былинками высохших трав-эфемеров. Ветки саксаула, колеблемые потоками воздуха, по-змеиному шипят.

Посмотрев на часы, откладываю тетрадь и забираюсь в спальник. Побystрее бы уснуть. Надо выспаться, чтобы завтра днем не дремать на ходу.

Но уснул я не сразу. Сквозь крону виднелись светящиеся скопища звезд. Всплывали названия созвездий. И я мысленно вычерчивал их контуры. Вспоминал Петра Гавриляка, курганского инженера. Вот ведь как бывает: поговорили вечер, и за-

помнился человек. И разговор вроде был не столь уж важный. Звезды меня раньше не очень-то интересовали. А вот запомнился человек.

Где сейчас Гавриляк? Вышли воробьевцы снова к Сырдарье или все еще вышагивают со своими рейками и нивелирами между холмами и могильниками древнего Асанаса у предполагаемого истока Инкардарьи и Карадарьи?

Мы расстались с ними неделю назад на берегу Сырдарьи и с тех пор не встречались больше. Да и вряд ли уж встретимся. Наши маршруты пересекаются где-то в окрестностях Аккыра, но мы побываем там в разное время.

...Я лежал и думал, что, наверное, в этом лесу было точно так же и сто лет назад — саксаул, глушь, бессилие одиноких людей.

Я представил товарищей, беседующих у костра. О чем они теперь там говорят? Вспоминают приключения своей кочевой жизни? Или гадают, что подельывает Никифоров: бодрствует ли он в камышах, у кабаньего водопоя, или спит там же сном праведника?

Женя, как обычно, под шумок, когда мы разгружались, не дождавшись ужина, сбежал с казенным „чохпалом“ на плес. С неисправимым постоянством, несмотря на самые последние предупреждения Ясакова, Никифоров сбегает на плесы — чтобы добыть мяса для нашего стола, который, надо сказать, не отличается разнообразием и калорийностью. Каждый день одно и то же: консервы да макароны... Надоело. Никифоров уважает своего шефа, он бы не стал на путь явного неповиновения и мятежа, если бы не пользовался молчаливой поддержкой всего отряда.

Правда, скептики утверждают, что в своем охотничьем секрете наш добытчик бодрствует не больше часа. А проснувшись на рассвете от холода, палит в белый свет, как в копеечку, — чтобы все слышали — и бежит нам рассказывать, как он „чесанул“ секача, а тот ушел с пулей в холке.

Мне вдруг стало одиноко и тоскливо среди этой тишины, среди неясных шорохов. Захотелось вернуться к товарищам. На мгновение я почувствовал какой-то, наверное, врожденный страх перед могучими, давно исчезнувшими, а может, просто на долгое время оцепеневшими силами дельты... Но я не вернулся. Нелепо среди ночи тащиться обратно.

...Позавтракав, расходимся в разные стороны. Никифорову и Петухову поручено заняться продольниками — то есть, выявить уклоны на трехкилометровом заболоченном участке Жанадарьи, а бригада Зубченко (Марина и Люба еще в Джамбуле поставили условие, чтобы их не разлучали) займется поперечниками. Остальные же — практикантки и Цветков — пока остаются в резерве начальника партии.

Засовываю за пояс журнал для гидрографических записей и отправляюсь на обследование русла Жанадарьи — мне приказано выяснить характер естественных береговых валов и

приречных террас. Образованные аллювиальными наносами, террасы, как правило, представляют собой более или менее ровную (арыки и обваловка полей в данном случае не в счет) поверхность.

Однако это лишь общее положение. Каждое русло — индивидуально. Моя задача — обследовать конкретный участок русла, не заботясь о том, как наблюдения согласуются с общими положениями. (Кстати, на чем я стою? Уж не дамба ли это, не искусственный ли вал?..)

Надо сказать, наши гидрографические исследования в чем-то сродни маршрутной съемке. Мы зарисовываем и описываем излучины, дамбы, плотины, ответвляющиеся каналы, указываем характер растительности, господствующей на участке наблюдения.

...Кроме этой гидрографической задачи, я должен выполнить еще и сверхзадачу — осмотреть и оценить состояние Акшиганакского моста. Чтобы не искушать судьбу, Ясаков решил не искать переезда через заболоченные плесы, а воспользоваться мостом. Он стал очень осторожен. Особенно после того случая, когда мы застряли в „батпаке“, то есть в трясине. Часа два ковырялись в раскисшей глине. Грузовик не шпак, сядет по ось — намаешься.

Вчера вечером, пока я размышлял о жизни в пустыне, Ясаков каким-то образом определил, где должен находиться мост. А сегодня он, как всегда, поднялся с рассветом, сходил к глинобитной башне и с ее верхней площадки в бинокль высмотрел-таки мост.

...Какой вид открывается отсюда, с высокого берега Жанадарьи! Малиновый диск солнца катится по краю саксаульников, скользит по нежно-голубой эмали неба. Тянет свежий ветерок, камыши и травы на плесах перекатываются зелеными волнами, сверкают и дымятся от росы.

Не воды — зеленые волны растительности от края и до края заполнили Жанадарью.

Ширина Жанадарьи приличная — не меньше двухсот метров. Нева у мыса Святки, где Ивановские пороги, чуть шире. В полевом дневнике, который ведет Ясаков и который содержит строго определенную информацию, изложенную с помощью специальных терминов, вчера я вдруг обнаружил замечание: „Очень серьезная и внушительная река!“ Встретившись с Жанадарьей во второй раз — раньше он был здесь во время авиарекогносцировки, — Валерий Сергеевич не мог удержаться от эмоций. О чем и свидетельствует эта нестандартная запись в служебном документе.

Мост меня заинтересовал. Его быки сооружены из саксаула — материала, абсолютно непригодного для строительства. Достаточно взглянуть на искривленные деревья, на их изгибы, узлы и утолщения, чтобы убедиться, что это действительно так. Кроме того, саксаул хрупок. Но при всей своей хрупкости древесина саксаула в то же время твердая. Саксаул легко ко-

лется, но его невозможно рубить, тесать, пилить. Для работы с ним плотницкий инструмент непригоден. Саксаул можно „обрабатывать“ только колуном, да и то по большей части — обухом.

Правда, до засилия бетона в Кызылкумах саксаулом облицовывали колодцы. Ясаков говорит, что на Жанадарье мы встретим и остатки саксауловых плотин. Однако трудно найти материал, столь не подходящий для строительства такого инженерного сооружения, как мост.

Невозможно не удивляться опыту и смелости строителей, отважившихся строить мост из кривых и хрупких поленьев. Да и какое нужно мастерство, чтобы строить мост из такого безнадёжного материала, как саксаул?! Монтажника ли? Каменщика ли? Во всяком случае — не плотника.

Концы чурбаков торчат наружу, но они уложены так плотно, что выдернуть их оттуда было бы не под силу и Никифорову. Правда, в некоторых местах саксаул начал крошиться, выпадать. Быки мало-помалу разрушаются — очевидно, они не ремонтировались со дня сотворения моста. А разрушает быки ... вода. Конечно, ныне Жанадарья, можно сказать, сухая. На плесах в проточках действительно слезы одни. Но вот я вижу на опорах моста пучки соломы, длинные жгуты различной растительности, кусочки высохшей тины-нитчатки. Это и есть отметки УВВ (уровней высоких вод), оставленных паводками. По отметкам прикидываю: расходы составляют не меньше полутораста кубометров в секунду.

Разумеется, то, что попадает в Жанадарью, нельзя считать потерями. Именно благодаря систематическому обводнению ложе узбоя превратилось в широкую и довольно протяжённую долину, заросшую травами и мелким тростником, или, как я его называю, камышом. В совхозе „Инкардарьинский“, куда мы заезжали во время изысканий в верховьях Жанадарьи, нам сказали, что значительную часть укоса даёт именно русло узбоя. Заготавливают здесь корма и сопредельные хозяйства — совхозы „Аккырский“ и „Жанадарьинский“. Одним словом, Жанадарья и кормит, и поит. Вот тебе и узбой!

Что касается моста, то он вполне пригоден для переезда, о чем свидетельствует и накатанная дорога, ведущая к нему, и отпечатки протекторов, оставленных на пыльных горбылях настила трактором.

Я перешел через мост и направился на обследование правобережной террасы долины, которая заросла саксаулом, как и левобережная.

Кажется, не шевельнется и веточка, и лишь мои шаги нарушают тишину. Но примерно часа через полтора или два, когда малиновый диск солнца превратился в ослепительно белый шар, я услышал знакомое шипение веток, а потом и посвистывание. Ветер так же внезапно стих, как и начался. Первая проба голоса. Затем вновь воцаряется покой. Внезапное шевеле-

ние листков в блокноте, лежащем рядом, воспринимается как взрыв, и я вздрагиваю.

Но присмотревшись, прислушавшись, убеждаюсь, что покой обманчив. Саксауловый лес, как и всякий другой, полон жизни, движения, энергии.

Под кронами, соблюдая порядок, маршируют колонны муравьев. Движение двустороннее: одни идут в одном направлении, другие — в обратном. Сверкая лакированной броней, словно танки, напролом через рожицы былинки, через трещины куда-то ползут жуки. Эти, правда, без всякого порядка. Почему-то в полном молчании с ветки на ветку прыгает сорока. Доносится отдаленное воркование туртушек — пустынных рябчиков и щелканье какой-то птички. В небе кружит лунь. А дорога, по которой я иду, исполосована змеиными следами. Эти следы, впечатанные в белую пыль дороги, — словно миниатюрные модели узбоев дельты, а их извилины похожи на излучины — меандры высохших рек.

Любопытно, чем же вызвана массовая миграция рептилий? Видимо, скорее всего, временем года. Ночи стали холодными, уже сентябрь, вот змеи и переселяются на зимние квартиры.

А что, если бы я со своим спальником оказался на пути переселенцев? Есть ли гарантия в том, что ни один из легиона гадов не осмелится бы забраться в спальник? Хотя бы просто для того, чтобы погреться... Все же при выборе места для ночлега надо проявлять осмотрительность.

На дальней полянке между пепельно-серыми холмиками глины торчат столбики. Именно оттуда доносится звонкое и упругое: пи! пи! пи! — столбики перемещаются туда-сюда. Это песчанки, грызуны вроде сусликов. Суслики же залегли в спячку сразу, как только выгорели травы-эфемеры. А что делать, если нет ни сочных колосьев житняка, ни зерен кияка, вообще нет зелени.

Песчанок же отсутствие эфемеров не беспокоит. Они довольствуются веточками саксаула, которые хотя и солоноваты на вкус, но все-таки вполне съедобны.

Многие лесоводы считают песчанок браконьерами без стыда и совести, опасными вредителями. Некоторые основания у лесоводов для этого есть. Вот наглядный пример. Две саксаулины, стоящие вблизи колонии грызунов, начисто обглоданы. Кроны у деревьев отсутствуют, культями сучьев инвалиды словно взывают к милосердию или помощи. А зверьки без конца затаскивают в норы все новые и новые веточки. Вон еще одна песчанка, переваливаясь с боку на бок, буксирует ветку к норе. Не ветка, а прямо-таки целый хлыст. Невозможно не согласиться с лесоводами. Ущерб очевиден. Но ведь и польза — тоже очевидна. Неутомимые труженицы без конца строят жилища. То здесь, то там они разрыхляют, перемешивают, удобряют зачерпывшую землю, тщательно обрабатывают суглинки. Почвоведы, наверное, высоко оценили бы эту землеройную деятельность песчанок.

Вдруг все зверьки разом исчезли, а над опустевшими холмами пронесится тень. Над колониями, над саксауловыми зарослями на упругих крыльях скользят канюк, эмир птичий, которому Природа повелела регулировать численность грызунов, повелела предупреждать „демографические“ взрывы среди этого многочисленного племени.

Начинает дуть ветер. Теперь он до полудня будет дуть с обычной для пустынных ветров устойчивостью. Ветви саксаула уже не шипят, а по-разбойничьи посвистывают. Однако довольно жарко. Снимаю тельняшку, повязываю ее на голову на манер чалмы, прячусь в тень саксаулины и начинаю заполнять гидрографический журнал. От лучезарного утра не осталось и следа.

Я уже собрался продолжить обследование, как вдруг заметил следы, отпечатавшиеся на суглинке в виде заостренного сердечка. Засовываю журнал за ремень и осторожно иду вперед. Но вскоре останавливаюсь: в полусотне шагов от меня под развесистой саксаулиной обосновались две газели — самка с детенышем. Козленок лежит, а мама-газель, подергивая черным хвостиком, тянется к верхним побегам. Стою, затаив дыхание. Видеть джейранов так близко прежде мне не приходилось. Боюсь шевельнуться, но ветер предательски полощет концы моей полосатой чалмы. Стоявшая газель вдруг вскинула свою изящную головку и пристально смотрит на меня. По-козьи топнув ногой и словно удовлетворившись этим предостережением, снова потянулась к ветвям. Но через минуту опять уставилась на меня. Видимо, ее беспокоят концы тельняшки. А козленок лежит как ни в чем не бывало, шевелит губами былинки. Но идилия продолжалась недолго. Прыгнув два или три раза, как-то по-особенному, игриво и в то же время изящно, животные исчезли в зарослях. Козленок срывается в тот же миг, что и его мать. Каким образом передалась ему тревога матери?

...Где-то как раз в этом месте пересекал Жанадарью в 1820 году штабс-капитан Мейендорф. Вот строки из его дневника:

„Вода, сохранившаяся в углублениях древнего русла, имеет неприятный запах и очень вредна... От этой воды у наших солдат болели животы, и один из них даже умер“.

Но читатель, может быть, хотел бы узнать, кто такой Мейендорф, услышать какие-то подробности о нем.

Егор Казимирович Мейендорф — русский офицер, участник Отечественной войны 1812 года. За храбрость, проявленную в боях, был награжден орденами и золотой шпагой.

На берегах Сырдарьи и Жанадарьи (а заодно и Кувандарьи) он побывал в 1820 и 1821 годах, во время похода русской миссии (посольства) из Оренбурга в Бухару и обратно. О трудностях перехода через Кызылкумы и мытарствах русской миссии в Бухаре он написал книгу, которую назвал в духе того времени: „Путешествие из Оренбурга в Бухару“.

Книга была издана в Париже, на французском языке, и в России о ней мало кто знал.

Советский читатель узнал о Мейендорфе в 1975 году, когда в издательстве „Наука“ вышел перевод его книги на русский язык.*

Записки Е. К. Мейендорфа представляют большой интерес не только для тех, кто интересуется прошлым нашего отечества, но также и для специалистов — географов, гидрографов, гидрологов, наконец. Именно Мейендорф впервые рассказал европейским ученым о существовании в азиатской пустыне сухого русла Сырдарьи и о землях древнего орошения.

...Я бреду по приречному саксаульнику, иногда вижу густо-зеленые камыши. Закрадывается сомнение: а не преувеличивал ли трудности Мейендорф? Но тут же усмехаюсь самому себе. Теперь вольно сомневаться! А тогда ведь не было Жанадарьинского обводнительного канала. Не было и артезианских скважин, из которых мы берем воду для питья и варева.

Интересно, а на что рассчитывает Ясаков у Чирик-Рабата? Там ведь плесов нет. Неясно и насчет скважин. Видимо, придется везти к Чирик-Рабату эту солоноватую воду с плесов. А как быть дальше? Ведь нам предстоит спуститься ниже Чирик-Рабата не меньше чем на сто километров. На карте, правда, обозначены какие-то колодцы в пределах нашего маршрута. Но, как мы уже убеждались, верить тому, что обозначено на карте, следует не всегда. Разумеется, топографы в этом неповинны. Колодцы иссякают, а карты стареют.

Однако не пора ли мне возвращаться? Солнце клонится к закату, скоро закат... : .

* Е. К. Мейендорф. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., „Наука“, 1975 г.

5.

Поездка в Аккыр

3 сентября

Свою значимость или привлекательность те или иные предметы приобретают в зависимости от ситуации. Скажем, рессора грузовика, хорошо пригнанная к другим частям рамы, по мнению Сережи Бирна, — образец неопишуемой красоты. Та же рессора, но чуть-чуть изменившая свою форму вследствие поломки двух-трех пружинящих пластин, кажется ему верхом безобразия. Но именно поломанная рессора становится предметом всеобщего внимания... Впрочем, если я и дальше буду так длинно рассуждать, то рискую нарушить законы жанра. Ведь путевые записки тем и хороши, что рассуждения в них занимают скромное место.

...Вчера Ясаков, раздав всем указания, взял с собой „резервистов“ — Цветкова и практиканток — и отправился с ними на машине вниз по Жанадарье. Он решил непременно отыскать артезианскую скважину, поскольку воду е плесов могут пить только неприхотливые полевики вроде Никифорова.

Источник с пресной водой, на поиски которого отправился Ясаков, нам указал Кожабай Исаев, директор совхоза „Инкардарьинский“, — мы разговаривали с ним всего неделю назад. Поэтому неудивительно, что скважина была обнаружена без каких-либо приключений.

Ясаков потирал руки от удовольствия. Еще бы, день складывался удачно. Во-первых, отряд теперь обеспечен пресной питьевой водой. Во-вторых, „резервисты“ проявили инициативу и совершенно самостоятельно выполнили внеплановую нивелировку. (Месяц назад Оля и Лена не знали, с какой стороны подступиться к нивелирам.) А кроме того, Ясаков с тем же резервом надеялся потихоньку переместить бивак непосредственно к скважине, чтобы остальные после обеда могли спокойно продолжать свои нивелировки и гидрографические обследования.

Но радовался Валерий Сергеевич преждевременно.

На обратном пути на одном из бесчисленных арыков вездеход как-то странно подпрыгнул, раздался лязг. Сережа затормозил, вылез из кабины и направился к заднему мосту. Осмотрев рессору, он вдруг принялся с яростью пинать колеса, выкрикивая и причитая:

— Я ж ему говорил! Я ж его предупреждал! Вот тебе и ничего!!! Вот тебе и ничего!!!

Гнев его адресовался кому-то из руководителей кустанайской партии. Досталось и самому Протасову, которому наша партия непосредственно подчинена.

Валерий Сергеевич спокойно говорит:

— Сережа, это всего лишь скат, и он не заслуживает такого внимания.

Слова Ясакова — вернее, тон, которым они произносятся, — подействовали. Водитель успокаивается.

Бирн не лучше и не хуже других. Чем больше мы странствуем по этим узбоям, тем чаще то один, то другой проявляет раздражительность. Никифоров объясняет это по-своему: „Пустыня укачивает“. Но на этот раз вспышка Сережи объясняется и другими причинами. Неурядицы начались у него сразу же, как только миновали пост ГАИ на Зеленом ковре. Ясаков поначалу подозревал, что Бирн недостаточно печется о вверенной технике. Но теперь Валерий Сергеевич приходит к окончательному мнению, что машина все же не была как следует подготовлена к работе в Кызылкумах. Хорошо, что хоть ленинградский вездеход ни разу не подвел. Богачевская машина преодолела громадное расстояние — от берегов Невы до хребтов Каратау, а затем от Каратау до берегов Сырдарьи. А сколько мы уже колесим по Междуречью! И представьте, ни одной поломки. Если Богачев иногда и клацает ключами, то лишь для профилактики. У Бирна же на счету четыре поломки.

Поломка рессоры произвела на всех удручающее впечатление. Даже Саша Цветков, обычно равнодушный ко всему на

свете, и тот переменялся. Сегодня после ужина он, оставив в покое свой транзистор, от которого мы уже не знаем куда деваться, подсел к Бирну, апатично лежавшему под саксаулиной, и забросал его вопросами: „Ну что, старик, как дела? Что думаешь делать? Что Валерка говорит, может, завтра разделимся? Как ты думаешь, кого он отправит в Ленинград?“

Сереже этих вопросов лучше не задавать, но он сдержался, промывчав в ответ что-то неопределенное. Цветков отходит. А, признав, Саша правильно сообразил, что лучший выход из создавшейся ситуации — посадить часть людей в машину Богачева и отвезти их на аккырский аэродром. Поселок Аккыр расположен в пятидесяти или шестидесяти километрах к северу от Акшиганакского моста. Свет не ближний. Но по сравнению с другими значительными поселками он почти рядом, можно сказать, рукой подать.

Пожалуй, прав Цветков и в том, что домой его отправят в числе первых. В экспедицию Саша поехал, имея в душе охоту к разнообразию и перемене мест. Но ему пришлось разочароваться. Разнообразие не было. Каждый день одно и то же: или барханы, или глинистые ложбины, заросшие каким-то колючим кустарником, или такыры, — все лишённые растительности. Работа тоже однообразная. Продольник — поперечник, поперечник — продольник...

Но и Цветков нас удивлял в свою очередь — равнодушием. Если, скажем, после ужина собирались к ближайшему городищу или на рыбалку, Саша включал трескучий транзистор и оставался лежать под саксаулиной.

Я вспоминал, каким он был в институте: доброжелательным, словоохотливым, даже веселым. Памятуя о своем комиссарском долге, я пытался расшевелить его. Однако в своих стараниях не преуспел. Или я не находил нужных слов, или его действительно „укачала пустыня“. Попытки Ясакова также не имели успеха. Цветков оставался замкнутым и равнодушным ко всему.

Отношения между нами были гораздо сложнее, чем это может предположить читающий мои „Записки“. Я сознательно сглаживаю углы. Ведь „Записки“ — не плод фантазии, не литературный вымысел, а путевой очерк, в котором речь идет о реальных событиях и конкретных людях. Мне бы не хотелось бросить тень на своих товарищей.

Вообще говоря, Цветков скорее заслуживает снисхождение, чем неприязнь. Ему ведь было труднее, чем кому-либо. В самом деле: каждый из нас не только работал, но и находил в этих песках и саксаулах что-то для себя лично. Например, мне стал ближе Геродот и его сырдарьинские скифы-массагеты, о которых он рассказывает немало любопытного. Марине, может быть, ближе стал среди этих барханов и такырников Экзюпери. Ясаков неумоимо зарисовывал древние оросительные системы, а заодно и мазары. Цветков же действительно пребывал в пустыне.

Весь вечер после ужина Ясаков сидит у себя, то есть под той развесистой саксаулиной, где лежат его рюкзак и свернутый спальник. Над саксаулиной обязательно полощется зеленый флаг — свежевystиранная рубашка.

Валерий Сергеевич спокоен и невозмутим. Он, как обычно, проверяет наши нивелировочные и гидрографические журналы, зорко высматривает те места, где мы „напахали“ — что-то напутали. А потом он посылает Бирна на его неисправной машине за бригадой Мальцевой, работавшей после обеда у Акинганакского моста. Рессора его как будто не волнует.

Но вот Ясаков возвращает нам тетрадки (уже заполненные дневники он аккуратно надписывает, старательно упаковывает в полиэтилен, прячет их в особый рюкзак) и выкрикивает несколько имен.

Приглашенные собираются под сенью командирской саксаулины. Валерий Сергеевич объявляет задание: срочно, до наступления темноты, подготовить машину к отпавке в Аккыр, то есть освободить ее от груза.

В Аккыр с Бирном и Никифоровым должен ехать и я. Именно мне и надлежит установить с руководством совхоза „Аккырский“ деловой контакт и организовать ремонт вездехода.

„Деловой контакт“ — лишь удобная фраза. Нам ведь со своей стороны в обмен за услугу нечего предложить совхозу. Поэтому мы скорее всего должны надеяться лишь на любезность и сочувствие аккырцев. И хотя комиссар понимал, что устанавливать такой контакт — не лавки сколачивать, все же решение Ясакова он считал правильным. Другого выхода просто не было.

...Цветков в разгрузке машины не участвует. Он почти всегда умудряется под тем или иным предлогом отлынивать от подобных работ. Вот и теперь: перебирает свои пожитки в рюкзаке — уж в который раз! — проявляя при этом усердие, вообще-то ему несвойственное. Цветков надеется, что Ясаков еще передумает. Саша слышал мнение водителей. Вернее, их сомнения. Бирн и Богачев считают, что на Аккыр мало надежды. Лето, время горячее, вся техника на ходу; стало быть, и запчасти все или употреблены в дело, или предусмотрительно спрятаны в такие тайники, что их и с собаками не сыщешь. Совхозы об эту пору сами нуждаются в помощи. С такими варягами, как мы, никто и разговаривать не станет. И Цветков не теряет надежды, что скоро вернется в Питер.

Но Валерий Сергеевич не прислушивается к тому, о чем судачат многоопытные водители в трех шагах от него. Он составляет с Мальцевой меню на текущие два дня. А разгрузкой руководит Петухов, как всегда немногословный и сосредоточенный. В общем, обходится без дебатов.

...Итак, мы едем в совхоз „Аккырский“. Только там в мастерских центральной усадьбы и можно вернуть нашей злополучной рессоре утраченное изящество. По крайней мере, мы

хотим в это верить. Но не исключено, что мы очень далеки от истины,

Вчера Валерий Сергеевич сделал вид, что ничего особенного не случилось. Однако он прекрасно понимает серьезность положения: ведь наша работа просто немислима без транспорта. Мы должны быть мобильны, подвижны. Сегодня здесь, завтра там — вот один из принципов нашей работы. Как уже говорилось, трассы нивелировок у нас короткие, но их много. Все участки нивелировок Ясаков обвел на карте кружочками. На одной только Жанадарье девять кружочков. Расстояния между ними — от двадцати до пятидесяти километров. Но спидометры машин за день накручивают и до ста пятидесяти километров. Ведь по прямой мы можем передвигаться только в воображении. Меандры узбоя иногда описывают настоящие круги. Однако Жанадарья — лишь один из этапов обследования дельты. Нас еще ждут Майлыузек, Кувандарья, Эскидарьлык... Одним словом, чтобы хорошо работать, мы должны много и быстро перемещаться.

Богачевская машина на ходу, в исправности. Но без Бирна все равно худо: весь отряд на одном грузовике не разместится... А что прикажете делать с поломанной машиной? Гаража под боком нет. В таких условиях машина, вышедшая из строя, сразу же превращается в обузу. Просто разделить отряд, да нелегко избавиться от второго вездехода.

Сегодня нам пришлось встать чуть свет. Бирн и Никифоров, еще сонные, тащат к машине свои спальники и рюкзачок с продуктами, а Ясаков дает мне последние указания. Постуденчески шепчет: „Ни пуха, комиссар!“

Благополучно переехав через Акшиганакский мост, мы оказались в саксаульниках.

Бирн ведет машину очень осторожно и от каждого толчка морщится, как от зубной боли. Дорога — сплошные колдобины и траншеи. Стрелка спидометра болтается между цифрами 0 и 10. Никифоров ворчит:

— Я быстрее пешком дойду...

Но вот саксаульники, а вместе с ними и мягкие суглинки кончились, и мы выехали на классический такыр. Куда ни помотришь — идеально ровные белые глинистые пространства, и лишь кое-где маячат колченогие деревца-карлы.

Мягко урчит мотор, и Сережа, что называется, жмет на всю железку. Дорога теперь отличная. О лопнувшей рессоре Бирн, видимо, не беспокоится — кузов-то пуст.

Ровная работа двигателя и хорошая дорога располагают к беседам и размышлениям. Как только мы выехали на такырник, Сережа сразу же повеселел, закурил и... принялся ворчать, помяная недобрым словом своего шефа — начальника кустанайской партии.

— Разве так готовят технику?.. Взять нашего Василия. Его машина всегда в порядке, хотя по Кызылкумам он не моетается. Спрашивается, почему он у Николая в фаворе? Почему

ему всегда дефицит? Что у него за работа? Начальство возит на охоту...

— Но ведь ты Николая понять должен,— протирая очки и сощуривая глаза, неспешно, но уверенно гнет свое Никифоров.— Как местное начальство не уважишь? Рабочим квартиры нужны? Это раз. Номера приличные в гостинице для кандидатов командированных? Это два. Ну и прочее. Вот и приходи к Николаю вертеться. Ты — мне, я — тебе. Принцип...

— Беспринципность, сказал бы Валера,— встречаю я.

— Валерке можно рассуждать,— продолжает набирать разгон, нисколько не сомневаясь в победе, Женя.— Валера раз в год объявится в наших краях, покатается, и — адью... А Николай с местным начальством остается один на один. Как откажешь, если все знают, что в экспедиции есть транспорт? Попробуй не дай... Можно, конечно, и не дать. Можно, конечно, и принципиальность проявить. Да только тогда сиди в своем штабе и не обивай пороги. Не проси помощи. От местного начальства наши партии, ох, как зависят. До директора же ГГИ — как до министра... Не о себе печется Николай — заботится, чтобы народ из партии не разбежался.

Однако Сережа выдвигает новые аргументы, и начальник кустанайской партии уже представляется в невыгодном свете. Но Никифорова не просто уложить на лопатки, и Николай (догадывается ли он там, в Кустанае, как ему туго здесь приходится?!) вновь реабилитирован.

Я знаю, друзья могут спорить вечность, особенно если им ничто не мешает. Своими аргументами они, по-моему, нисколько не убеждают друг друга. Обычно после спора каждый остается при собственном мнении. Но не так ли обстоят дела и у нас с Ясаковым, когда мы после „отбоя“ затеваем порой спор о современной литературе, о библейских сказаниях?

Я не вмешиваюсь в бесконечный диалог друзей и думаю о своем. А думать есть о чем. Итак, я должен установить контакт с руководством совхоза... С кем именно? Понятно, вопросы ремонта — компетенция главного механика. Но контакт, видимо, необходимо устанавливать на более высоком уровне. Мы ведь действительно „варяги“... С кем? С директором? С парторгом? А если на месте нет ни того, ни другого? Если все на отгонных пастбищах или на каком-нибудь районном или областном совещании? И как установить контакт?

— Кажется, подвезжаем,— оповещает Женя. Он самый глазастый у нас, хотя и носит очки с толстыми стеклами.

Вдалеке действительно что-то похожее на барханы и саксаулы: над белыми такырами как бы висят в воздухе отделенные зеленой полоской желтоватые холмы. Провожая нас, Ясаков сказал, что вдоль русла Майлыузeka должны быть заросли саксаула и барханы.

И на самом деле, вскоре мы въезжаем в такой густой саксаульник, что уже в двух-трех шагах от дороги ничего не

видно. Спор прекращается сам собой — машину нужно вести с предельной осторожностью.

Но вот мы на гребне одного из приречных барханов. Перед нами излучина реки, блистающая лазурными плесами, шумящая зелеными камышами. В Майлыузек, оказывается, есть вода. Много воды!

Пустыни как не бывало. После однообразных, бесконечных такыров это так восхитительно, что Бирн даже на минуту притормозил, и мы вышли из кабины.

На берегу Майлыузек возле черневшего за излучиной моста стояла какая-то мазанка с плоской крышей. Очевидно, это и есть лесной кордон, обозначенный на карте. По ту сторону узбоя за барханчиками распростерлась суглинистая, сплошь распаханная колесами совхозного транспорта унылая равнина. Вдали четко выделялось густо-синее пятно оазиса, виднелись белые пятна строений. То был Аккыр.

Поселок привлекателен только издали. У него тот стандартный вид, который характерен для совхозных центров, появившихся в последнее время на севере Кызылкумов. Вытянутые однообразные дома, на две большие семьи каждый, рассредоточенные правильными порядками; внутренняя сеть арыков, вдоль которых выстроились шеренги лесопосадок; по периметру поселка — кольцевой обводнительный канал.

Канал — своеобразная граница между пустыней и оазисом. За пределами канала, как правило, строений нет. Нет здесь и деревьев, нет никакой зелени вообще. Часть поля, примыкающего к каналу, занимает аэродром. Правда, все хозяйство Аэрофлота состоит из полосатых тумб, установленных по краям пустыря, да небольшого зданьца, над которым болтается на шесте полосатая „кишка“ — флюгер.

И только юрты во дворах, да ишаки, блаженствующие в теплой пыли и не желающие вставать даже под угрозой наезда транспортом, скрашивают однообразие поселка, придавая ему нечто сугубо азиатское.

Остановились возле артезианской скважины. Прямо под турангой, о чем-то лопатавшей листвою в полном безветрии. Парни, сбросив рубахи, лезут под холодную струю. Я же отправляюсь в контору. Нужно, не теряя времени, „устанавливать контакты“.

Мне кажется, совхозные конторы все на один манер. Перед входом карагачевая или тополевая аллея, в коридорах пусто и пахнет известкой, кабинеты руководящих работников почему-то непременно справа от входа.

Аккырская контора не оказалась исключением, поэтому я сориентировался быстро.

В просторном кабинете с табличкой „Парторг“ на двери сидело человек пять. Они что-то обсуждали. Один из них, тот, что был в костюме с галстуком, кивнул мне:

— Садись, где свободно. Подожди минут десять.

Такое начало меня устраивало. Не нужно было сразу же

представляться, объяснять причину визита. Есть время, чтобы осмотреться, собраться с мыслями.

Пока сидевшие обсуждают заявление какого-то Каспарова, я не спеша вытащил из полиэтиленового мешочка свой „Зенит“, настроил его в соответствии с освещением. Улучив момент, принялся шелкать затвором.

Изумленные аккырцы прекратили разговор, и товарищ в костюме деловито осведомился, по какому я, собственно, вопросу.

Я представился по всей форме, сообщив, что я комиссар ленинградской гидрологической партии, выполняющей в Кызылкумах задание по программе изысканий на трассе Обь-Каспийского канала.

Тот, кому я представился, приветливо улыбнулся, встал, почтительно протянул обе руки для приветствия: „О! Канал — это хорошо...“

Слова „Ленинград“ и „канал“ прозвучали как пароль. Меня сразу же приняли и выслушали.

Когда я изложил суть дела, Коптилер Токсанович (так звали парторга) взял четвертушку тетрадного листа и набросал несколько слов. Затем он вызвал водителя легкового „газика“ и вручил ему записку. Время было обеденное, и мы с Бимаханом, водителем легковушки, поехали к исполняющему обязанности директора прямо на квартиру. А директор совхоза, как и предполагалось, был в отъезде, где-то у чабанов.

Во дворе нас встретили мальчишки. Один из них смело направился к нам и, протянув обе руки, отчетливо поздоровался по-русски. А потом, подтолкнув своего крохотного братца, приказал: „Скажи: здравствуй!“ И тот, вынув палец изо рта, охотно повторил:

— Скажи здластвуй...

Тем временем вышел хозяин — Мирман Мирзагулов, главный зоотехник, ныне и. о. директора. Как и следовало ожидать, нас пригласили к столу, который еще только накрывали.

Я оказался в щекотливом положении. С одной стороны, мне неловко перед товарищами, которые остались на солнцепеке. Но с другой — ведь я не в конторе, а в кругу семьи. Переступив порог квартиры, я становился гостем и поэтому не мог отказаться от угощения, не имел права навязывать Мирману деловой темп.

Записку Мирман читать не стал. Уточнив от кого она, положил ее в карман. Когда я уселся за дастрахан, Мирман осведомился, чем он может быть полезен. Выслушав меня, принялся не спеша разрывать на куски горячую пресную лепешку, испеченную на саксауловых углях. Словно забыв о моей просьбе, поил чаем и расспрашивал про Ленинград. Но как только Бимахан накрыл свою пиалу ладонью — знак насыщения, — Мирман тут же отправил его за рессорой. Заодно он поручил шоферу выпросить у заведующего метеостанцией щиток и пачку электродов какой-то дефицитной марки:

— Думаю, сварка тоже вам понадобится... У нашего Бимахана в пути всегда что-нибудь отваливается. Трудные у нас дороги. Где такыры, а где колея такая, что все тормоза спалишь или двигатель перегреешь, жока до зимовки доберешься... Только вот за сварщиком придется ехать на второе отделение.

Я поблагодарил Мирмана и сказал, что моим орлам (так и сказал — скорее ради комиссарского престижа) электро-сварка не в диковинку.

Пока Бимахан выполняет поручение, я на правах гостя рассказываю. По степной традиции гость непременно должен рассказывать. И поэтому я рассказываю о существующих и готовящихся проектах переброски части стока сибирских и северных рек, о трудностях и проблемах, стоящих на пути реализации этих проектов. Что более всего может интересовать человека, живущего в пустыне, как не вода? Так что тему для разговора придумывать не пришлось.

В мастерские Мирман поехал вместе со мной. Он сам хотел проследить за всем. „Мои орлы“ отнюдь не парились на солнце, как я полагал, терзаемый совестью за трапезой. Они сидели под сенью евфратского тополя — туранги и довольно оживленно беседовали с каким-то аксакалом. Узнав о результатах моих переговоров, Бирн засуетился:

— Ай да комиссар! Давай, Женя, беги в мастерскую, тяни провод! А мы с тобой, комиссар, будем пока рессору снимать...

Я махнул Сереже рукой, чтобы он поубавил пыл. Мне показалось, что по отношению к комиссару он допускает некоторую фамильярность. Да еще в присутствии аккырцев.

Впрочем, Мирман считал реакцию шофера естественной. Он остался очень доволен, что раздобытая где-то рессора нам подходит. Да и сварка, о которой он хлопотал, тоже оказалась нелишней. Прощаемся. Мирману надо куда-то срочно ехать. Зоотехник напоминает, чтобы я непременно заходил в гости, если мне случится бывать в Аккыре.

Засучив рукава, приступаем к делу. Женя приваривает науголины, усиливает крепеж кабины и рамы. А мы напару с Сережей орудуем ключами. Иногда посматриваем на солнце. За работой время летит незаметно, уже миновал полдень...

И вот, когда вновь собранная рессора поставлена на место, когда не только слабые, но и сомнительные места основательно проварены, когда в магазине закуплено 50 буханок — как раз мешок — свежего, местной выпечки хлеба, когда сделано все, чтобы перед Ясаковым предстать с чистой совестью, я даю команду трогаться в путь.

Благополучно переправились на левый берег Майлыузeka, петляем по саксаульнику.

Мутно-красное солнце, как-то странно сплюснутое по вертикали, отчего оно напоминает мне древнерусский щит, быстро опустилось за дальнюю гряду. По небу разошлось багрово-красное, необыкновенно зловещее зарево. „Дома“, на биваке,

я бы таким закатом просто любовался. А сейчас, в дороге по пустынной незнакомой местности, он вызывает какое-то неотчетливое беспокойство. Такое ощущение, будто что-то должно случиться. Угасающий день в пустыне почему-то нагоняет на меня тоску.

В кабине тихо, слышится только урчание мотора да свист передаточных шестерен. Каждый думает о своем. Сережа только с Женей, со своим закадычным дружкой, спорит, старается ему ни в чем не уступить. А в общем-то он немногословен. Но сейчас в кабине Никифорова нет. Утомленный непривычной работой — ему пришлось изрядно попотеть над этими наугольниками и кронштейнами, — он похрапывает на спальниках в кузове. Тряска немилосердная, а ему хоть бы что. Если Женя хочет спать — он будет спать. В кузове ли грузовика, в кабине ли гусеничного трактора, просто на земле — где угодно.

А вот Ясаков, превосходящий нас во многих отношениях, не обладает такими способностями. Иногда, из-за бивачных неудобств или каких-то неурядиц, он спит очень мало, отчего и утомляется больше других.

...Уже час, как мы петляем по излучине саксауловой дороги, а все еще никак не можем выбраться на такыры. Утром за такое же время мы отмахали едва ли не полпути. Это с поломанной рессорой. Я высказываю Бирну свои соображения, но он меня успокаивает:

— Выскочим на такыры, дам чаду — в момент очутимся на Жанадарье...

Через какое-то время, когда саксаульники все же кончились, Бирн действительно „дал чаду“. Стрелка спидометра словно прилипла к цифре „65“.

Хорошо мчаться на машине по такырам! За стеклами кабины непроницаемая тьма, а белую полосу тверди, высвеченную фарами, загибающийся конец которой всегда недостижим, можно представить в виде некоей фантастической дороги, возносящей нас ввысь, в глубины темного пространства, к звездам.

Хорошо мчаться по такырам и просто так, вообще ни о чем не думая. Все хлопоты остались позади, за Майлыузекком, и ровный шум сильного, надежного двигателя успокаивает, вселяет уверенность.

Кабину вдруг сотрясли удары. Ощущение было такое, будто сидишь в железной бочке, по которой гвоздят кувалдой. Это Никифоров с помощью кулаков сигналил нам о том, чтобы мы немедленно остановились.

Бирн тормозит и открывает дверцу. Никифоров, свесившись с борта, ошеломляет нас заявлением, что мы едем „не в ту степь“.

— Почему? — спрашивает Сережа.

— Почва не та!

Бирна словно выдуло из кабины. Спрыгнув на такыр, он

начинает горячо доказывать Никифорову, рассекая пространство тонкими длинными руками:

— Вон там солнце село, так? Вон там Аккыр, так? Значит, Жанадарья будет там, так?!

Но Женя бубнит свое: „Почва не та...“

Действительно мы возвращались другой дорогой, если вообще можно принимать за дорогу эти чуть заметные следы, протянувшиеся по такырам в самых разных направлениях. Ведь прежде чем выехать на такыры, мы битый час петляли по саксаульнику. Не мудрено, что теперь почва не та, что была днем. Что же касается направления — а это ведь главное, — то тут не может быть никаких сомнений. Выбравшись на такыры, мы сразу же повернули на юг. И с тех пор курса не меняем. Определялись же по двум светилам перед заходом солнца, как учил Ясаков. Тогда еще справа садилось солнце, а слева, на востоке, на светлом еще небосклоне тускло мерцала одинокая Венера.

Вынимаю компас, спешу на помощь Сереже. Но Никифоров даже не слез с машины, чтобы посмотреть на компас, и упрямо твердит свое:

— Может, ребята, насчет севера и юга вы правы, но почва не та...

— Тьфу, пр-р-р-профессор! — выплюнув эти слова, Бирн забирается в кабину. Он больше не может спорить.

Женька, не чувствуя больше сопротивления, успокаивается, даже как-то спускает. А я отхожу подальше от машины, кладу компас на такыр, устанавливаю стрелку как положено. Затем отыскиваю созвездия. И тут обнаруживается, что не только „почва не та“, но и направление не то.

Бог ведает, когда мы сбились с пути. Кажется, все время держались раз выбранного направления. Мне ничего не остается, как только признать правоту Никифорова.

Уточняю направление, которое мне подсказывает „большой летний треугольник“. Этот небесный ориентир образуют три яркие звезды: Денеб Лебеда, Альтаир Орла и Вега Лиры. В средних широтах острый конец „большого летнего треугольника“ всегда направлен на юг. Убедившись, что показания звезд и компаса не расходятся, двинулись в путь.

Сережа, наверное, не был уверен, что и я не ошибаюсь, но со мной он спорить не стал. Видимо, рессора и пачка остродефицитных электродов произвели на него впечатление.

Я чувствовал свой возросший авторитет, что в данной ситуации для меня было важно. Ведь не так-то просто из всех пересекающихся направлений выбрать одно-единственное, самое верное. Для этого надо чувствовать себя уверенным.

Время от времени я высовываюсь из кабины и осматриваюсь по сторонам. Сережа при этом не останавливает машину, а только уменьшает скорость. Прежде всего я посматриваю в сторону Жени, а уж потом на созвездия. Но наш „почвовед“

дрыхнет как ни в чем не бывало. Ему можно только позавидовать!

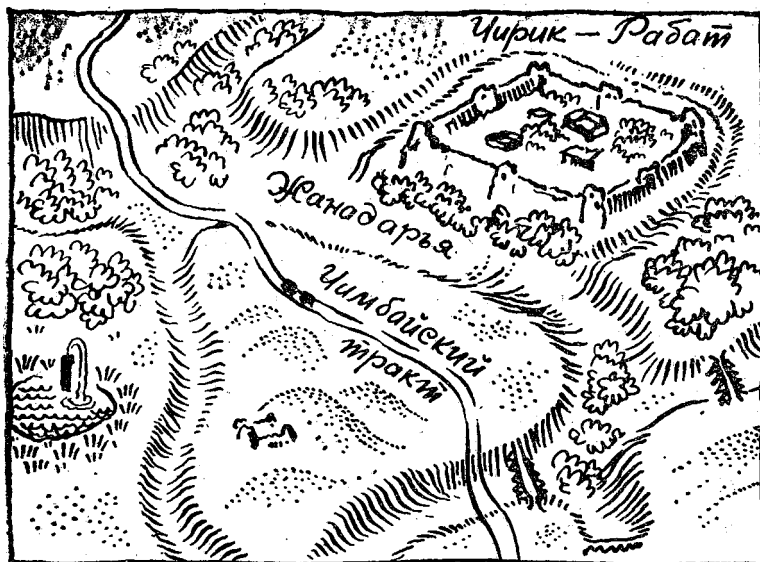
Понятно, теперь мы уже не можем надеяться на то, что приедем прямо к Акшиганакскому мосту. Наше желание гораздо скромнее — добраться до Жанадарьи. Хотя ясно, что если мы не выскочим прямо на мост — опять начнутся дебаты. Опять придется выяснять, куда „течет“ Жанадарья, устанавливать, где верховья, где низовья, решать, яростно дискутируя, в какую сторону поворачивать — направо или налево.

В приречные саксаульники мы въехали примерно за полночь. Как ни странно, промахнулись всего на каких-то пять—семь километров. Дебатов не было. Пошарив фарами по берегу и плесам, Сережа узнал то место, куда он ездил вчера за бригадой Зубченко. А Никифоров узнал плес, на котором он намерен „чесанул в холку“ своего очередного кабана. Кстати, только мы остановились, он тут же, прихватив фонарик, исчез в темноте — потопал искать следы или кабаньи копани.

Пока Никифоров проламывается сквозь камышовую чащобу, я забираюсь в кузов, чтобы убедиться во всем самому.

...На востоке все сильнее разгораются над горизонтом Волосожары, а в небе, осыпанный алмазами-звездами, сверкает гигантский клинок „большого летнего треугольника“. Но сегодня светила нам больше не нужны.

Я прислоняюсь к теплому бумажному мешку с хлебом и силуюсь вспомнить названия созвездий — все эти альфы и беты небесной кабалистики. Но лекция курганского гидролога уже прочно забыта.

6.

Под стенами Чирик-Рабата

8-10 сентября

Солнце испепелило полнеба, над барханами — марево. Жузгун, терескен и другие ксерофиты, потерявшие почти всю листву, кажутся черными. А Ясакова весь этот апокалипсис мало трогает. Он окатывает себя холодной водой и очень доволен. Из собственной рубашки и обломков плинфы — широченных тонких кирпичей — Валерий Сергеевич соорудил плотинку, перегородив путь воде, которая по бетонному желобу стекала на такыр, и устроил купальню. Холодная вода переливается через края желоба, журчит, а Ясаков, положив голову на кирпичи, как на подушку, закрыл глаза, дремлет, одним словом, наслаждается. Что тебе хан в собственном бассейне. Выбирая участки для нивелировки, Валерий Сергеевич отшагал сегодня по меньшей мере километров двадцать, а теперь плещется у скважины, сгоняет усталость. Я тоже поплескался под струей и лежу на горячем песке, смотрю в сторону крепости,

Стены Чирик-Рабата, в прошлом мощной хорезмской цитадели, воздвигнутые на большом матером холме, сложенном из третичных глин, возвышаются не только над руслом, но и над окружающими барханами.

Ясаков задает вопрос:

— Кто там, по библии, запрещал строить на песке? Соломон? А вот они, — Валерий Сергеевич энергично выбросил руку в сторону крепости, — на песке строили!

— Что имеешь в виду?

— А именно то — на песке. Прямо на барханах. Если же пятно застройки ложилось на суглинки — специально воздвигали искусственную насыпь. Разумеется, эту песчаную основу непременно закрепляли сырцом. И, таким образом, из глины и песка получался довольно эластичный цоколь.

— Все-таки, зачем песок?

— А как же! Ведь грунтовые воды и растворенные в них соли — злейшие враги всякого сооружения из глины. А песок препятствует подъему воды. Так что твои мудрые пророки, о которых ты вчера вечером так красноречиво говорил, кое в чем не правы...

После обеда мы отправляемся на работы. Одни разбредаются по барханам, другие исчезают в зарослях. Это вместо экскурсии в крепость, обещанной неделю назад. „Чирик-Рабат, Чирик-Рабат...“ — Ясаков нам все уши прочирикал. А теперь вот, пожалуйста, — нивелировка, гидрография...

Как уже отмечалось, среди других моих обязанностей есть главная — опрос местных жителей. Но „местное население“ крепости представлено, вероятно, зайцами да лисами, и поэтому я в который раз оказываюсь как бы не у дел. Вопросами о паводках допекать некого. Впрочем, у Ясакова без работы не останешься. Еще у скважины он предупредил меня:

— Есть джентльменское занятие. Пойдешь с бригадой Зубченко. Там у них участок сложный, и вообще — черт ногу сломит...

Как понимать последние слова, я не стал дознаваться. Смысл „джентльменского занятия“ разъяснения не требовал. При ближайшем рассмотрении „джентльменское занятие“ наверняка окажется ломовой работой.

...Гоним продольник. Тальвег здесь нас вполне устраивает. Дно ровное, сложенное из тяжелых суглинков. Почти такыр. Идешь и тебе абсолютно ничто не мешает.

Мальцева с рейкой всякий раз удаляется на предельное расстояние, а Зубченко, заглянув в окуляр, снимает отсчет и быстренько записывает. Время нивелировки на таких ровных, лишенных зарослей пространствах зависит в основном от того, с какой скоростью идут сами нивелировщицы. И поэтому работа тут спорится. Зубченко идет легко, будто на свидание спешит. Слово у нее на плече и нет треноги с нивелиром.

На продольнике нивелировщицам помощь не потребуется. Но с поперечником, видимо, хлопотно будет. Тугайные зарос-

ли, которые покрывают террасы и береговые валы, — а местами они сползают даже к тальвегу — на этот счет не оставляют никаких сомнений. Предполагая, какая мне предстоит работа, я, несмотря на жару, напялил на себя авизентовые доспехи и даже прихватил рукавицы.

Пока Люба и Марина занимаются продольником, я, топоча ногами по гулкому, затакыренному дну, направляюсь к точке связи, то есть к месту, где продольник пересечется с поперечником. Ищу репер — геодезический знак, к которому мы и должны привязать свои профили.

Иду мимо засыпанных колодцев в русле узбоя, мимо горбатых оплывших стен. Над руинами цитадели парит коршун-канюк, высматривает зазевавшихся ящериц. Сверкнув голубой молнией, пронесется какая-то необыкновенно красивая птица. Она исчезает где-то среди массивных контрфорсов, подпирающих стены.

В поисках репера выбираюсь на грядку, близко притиснувшуюся к берегу Жанадарья. Один из барханов венчается массивным глиняным „шлемом“. У подошвы этого песчано-глинистого холма я подбираю несколько черных осколков керамики. На красные же и не взглянул. Их в моей коллекции теперь больше чем достаточно. Похоже, что Валера прав. Массажеты (или огузы, или кто там еще?) и впрямь возводили свои постройки на песке. То, что я вижу, — очевидно, остатки храма или сторожевой башни.

Привязались к реперу, гоним поперечник. Древнеречные террасы, примыкающие к береговому валу, сплошь изрезаны: через каждые десять — двадцать метров или искусственный вал, или арык, или что-нибудь в таком роде. Конечно же, всюду — тамарисковые и саксауловые чащобы.

Вот уж действительно — черт ногу сломит! Не случайно Валерий Сергеевич прислал сюда именно Зубченко, а не, допустим, Никифорова. Того он отправил с Цветковым на десятикилометровый продольник — длинный, но простой, где нет никаких ребусов. Здесь же может победить только женское терпение. В сочетании, конечно, с мужской ломовой силой.

Вообще-то этот участок не является каким-то исключением. Ясаков для нивелировки выбирает такие места, что мы только руками разводим. Например, во время изысканий у горы Карой нам не удалось обнаружить левобережный вал. Оказалось, мы нивелировали то место, где Жанадарья в свое время размыла собственную русловую обваловку, а затем из наносов образовала абсолютно плоскую равнину, простирающуюся до самых отдаленных барханов. А так как мы должны непременно пересечь оба береговых вала (в противном случае поперечный профиль считался бы незаконченным), то нам пришлось тащиться до бортовых барханов, то есть через всю долину.

Пробил просеку — сломал по указанию Марины несколько саксаулинов, мешающих целиться на рейку. Усаживаюсь в тень

и раскрываю путевой дневник. Надеюсь, на этой просеке, которую я только что подготовил, нивелировщицы будут топтаться, по меньшей мере, полчаса: арыки тут на каждом шагу.

Твердая как камень земля возле меня взломана, и комья глины, если бы их увеличить во много раз, могли бы показаться нагромождениями бетонных глыб, истерзанных каким-то взрывом. А посреди этих „глыб“ — гриб. Да, самый обыкновенный белый гриб, из тех, что встречаются в саксауловых лесах. Я поддел растение носком сапога, и сморщенная шляпка его рассыпалась, изошла желтым прахом. А над развороченной землей остается торчать лишь трухлявый пенечек.

Закрываю тетрадь, надеваю рукавицы. Надо подготовить просеку. Но не успел я встать, как вдруг мимо меня шмыгнул дымчато-полосатый зверь, облищем похожий на громадную кошку.

Кто бы это мог быть? Тигров на Сырдарье давно нет. Гепардов тоже. Тщательно осматриваю место, где пробежал зверь, но на твердой растрескавшейся земле нет и признаков следа. А не дикий ли кот-манул, который просто показался мне огромным? А может, каракал — степная рысь?

Поднимаясь на плотину, перекрывающую русло реки, Зубченко вдруг закричала:

— Ой, заяц!

Заяц-толай сидит буквально в трех шагах от Марины. Умывшись, он сосредоточенно смотрит в глубину чапыжника, которым густо обросло все тело плотины. Поразумав, заяц принимается глотать твердые красные прутья тамариска. Все же удивительно приятно видеть непуганых животных. Но всегда ли здесь будет так?

В русле — все то же, что и на террасах: какие-то бугры, валы, котловины, причем все явно искусственного происхождения.

Плотина, перегородившая Южный проток, земляная, а не саксауловая. Видимо, она была построена в те времена, когда воды в реке было уже очень мало. Земляными плотинами, в отличие от саксауловых, водотоки перегораживались наглухо в маловодье. Саксауловые же плотины строились только для создания определенного подпора. Через них свободно переливался избыток воды. Жанадарьинцы как бы создавали каскад искусственных порогов. Благодаря этим саксауловым порогам водопользователи брали лишь определенное количество воды, а то, что переливалось через них, доставалось земледельцам понизовья. Можно смело утверждать, что земляные плотины строились в худые для Жанадарьи, а значит, и для жанадарьинцев, времена.

Плотина, которую мы пересекли, необыкновенно длинная. Она полностью перекрывает Южный проток по всей ширине и тянется не меньше чем на четыреста метров. Сразу же за крепостью Жанадарья разделяется на три мощных рукава. Мы придумали им названия — Северный, Южный и Восточный.

В сущности, Валерий Сергеевич дал нам небольшой объем работы. Продольник уже позади, остался только поперечник. Мы надеемся до срока управиться с заданием и на обратном пути заглянуть в крепость. И все потому, что бригаду возглавляет Зубченко, а не Никифоров. Тот бы останавливался возле каждого отпечатка на земле, возле каждой кучки помета. А скажи я ему насчет „рыси“, так он бы все вокруг облазил в поисках следов. Да и вообще Никифоров не из тех, кто топчется. Я ни разу не видел, чтобы он когда-нибудь спешил.

Другое дело Зубченко. Она по сторонам не озирается. Быстренко записывает отсчет и устремляется с треногой дальше, словно хочет догнать Любу. Ей и заросли нипочем. Она могла бы задать нам с Любой еще более высокий темп, если бы не плотина да не арыки. А пропустить нельзя и самую малую канавку. Нивелировка должна отражать все складки рельефа. Впрочем, Никифоров на ее месте наверняка пропустил бы „нечаянно“ два-три арыка. Кто будет считать да проверять? У Ясакова и без того хлопот полон рот.

Наконец вышли на бархан, разделяющий Южный и Северный протоки. Решаем сделать перекур.

Люба дымит папиросой, Марина жует соломинку дикой ржи, смотрит вдаль и чему-то улыбается. А я смотрю на Марину.

Вдруг она встает и начинает настраивать нивелир. Все ясно: перекур окончен. Мы с Любой повинемся этому безмолвному приказу. Ничего не поделаешь, солнце уже клонится к закату, приближается вечер: вон как вытянулись тени терескена.

И как я ни старался, сокрушая на трассе тамариск и саксаул, как ни поспешал наш бригадир, было ясно — опаздываем. Нам бы только-только „форсировать“ протоку и до сумерек закрепиться на правом берегу. В крепость, увы, мы так и не попадем сегодня. А утром, сразу же после чая, Ясаков прикажет сворачивать лагерь.

Северный проток оказался узким, но довольно глубоким. Береговые бровки возвышались над тальвегом до восьми — десяти метров, а кое-где доходили и до четырнадцати. И что удивительно — тут мы увидели лужи воды с болотной (болотной!) растительностью. Откуда все это взялось, хотел бы я знать? Такыр, где фонтанирует скважина, вроде бы далеко вато.

По береговым уступам сгибают зайцы.

— У них только что кончилось вечернее заседание, расходятся по домам, — делает вывод Люба.

А Марина уже и не обращает внимания на толаев — надоели.

Что и говорить, немало интересного можно встретить на берегах Нижней Жанадарья, казалось бы, таких безжизненных. И не одними зайцами обильна Жанадарья. На продольнике, в русле узбоя, мы то и дело поднимали туртушек. В поисках зерен злаков-эфемеров эти пустынные рябки

старательно царапали твердый суглинок и на нас как будто не обращали внимания. Если же мы приближались слишком близко, то птицы шумно снимались с места, но опускались не далее чем в тридцати шагах от нас. Так что каракалу или любой другой „рыси“ здесь есть чем поживиться. Еще два слова о туртушках. На Верхней Жанадарье, где люди вновь расселились за последние годы, они очень осторожны и на глаза лишний раз не показываются.

Пока еще светло, но небосвод покрылся багрово-зловещими полосами. Такие закаты человеку очень впечатлительному могли бы показаться знамением грядущих возмездий Природы за разные человеческие заблуждения, за высокомерное отношение к „братьям нашим меньшим“. Но я, кажется, не суеверен. Я думаю о том, что багровые полосы заката всего-навсего предвещают непогоду.

Надо во что бы то ни стало сегодня же, пока еще на рейке видны цифры и деления, до сумерек пересечь Северный проток и выйти на правый берег. Иначе завтра придется чуть свет возвращаться сюда и продолжать работу. Нет ничего хуже незаконченного профиля. Да и Ясаков начнет разговоры говорить. Ведь завтра утром мы должны оставить стены Чирик-Рабата.

Ветер. Пыль. Тучи пыли. Крепость в желтом тумане. Небо заволокло грязно-серой пеленой, а солнце — словно фонарь с матовым, давно не чищенным стеклом. И это после такого прекрасного утра!

Я могу быть довольным. Все-таки побывал в крепости. Причем до начала пыльной бури. Ясаков отложил отъезд. Саша Цветков пожаловался на плохое самочувствие, и график движения нарушен. Отъезд отсрочен на несколько часов.

Вода чирикратской скважины оставляет желать лучшего. В этом убедился не только Цветков. Даже Никифорову, с его желудком, способным переваривать гвозди (так утверждает Бирн), нездоровилось.

Узнав вечером о недуге товарищей, я решил предложить свои медицинские услуги. Но прежде чем приступить к практике, предстояло заручиться согласием пациентов. Разумеется, моя инициатива была встречена без энтузиазма. Ребята только подивились моей самонадеянностью. Ясаков, знавший, что в беседах с аксакалами я проявляю интерес не только к „большой воде“, спросил:

— Чем ты хочешь нас пичкать? Уж не адраспаном ли? Он же такой вонючий...

— Да нет, — поспешил заверить я. — Жантаком. Вполне приличная травка, ты же знаешь. Верблюды едят — причмокивают. На нее только садиться не рекомендуется.

— Отвар жантака я пил, — говорит Ясаков. — Вера Михай-

ловна, наша бухгалтерша в Джамбуле, вместо чая в жару пьет. Вреда не будет...

Намек шефа понял — он не ждет особой пользы от жантака.

И все же я решил попробовать. Взял нож и фонарик (с нивелировки мы вернулись довольно поздно) и пошел к болотине, окружающей скважину. Здесь я и нарезал веток жантака.

Самым покладистым оказался Никифоров — он выпил две кружки подряд. Подумал и заключил: „Что трава...“

А Цветков отказался от моего зелья. Он продолжает пичкать себя марганцовкой. Но, очевидно, марганцовка мало ему помогает, и Ясакову приходится отложить отъезд.

Решение начальника партии устраивало не только Цветкова. Все тут же занялись делами. Одни затеяли стирку, другие принялись штопать одежду, изодранную в тамарисках и саксаульниках. А я отправился в крепость.

...Уцелевшие стены и склоны холмов изрезаны весенними потоками, иссечены ветрами. Эти борозды как старческие морщины на челе дряхлого Чирик-Рабата.

В руинах крепости, испещренных оспинами нор, обитает огромное количество самых разнообразных животных: ползающих, бегающих, скачущих, летающих... Вот эти аккуратные, идеально круглые норки высверлили изумрудно-голубые щуры. А пещера в основании стены — наверное, логово лисы или барсука. А может, и волка.

Больше всего меня удивляют саксауловые рощицы, тут и там разбросанные по холмам-руинам. На террасах Нижней Жанадарьи саксаул, сражаясь с засухой, пожертвовал почти половиной всех вегетативных побегов. А здесь, на городище, он хоть куда — роскошно-зеленый, густо увешанный крылатыми соплодиями. Эти гроздья прозрачных соплодий, пронизанные утренними лучами солнца, сверкают словно хрустальные подвески.

Внимательно осматриваю склоны холма, усеянные обломками плинфы, широких тонких кирпичей, и черепками разбитых сосудов, — вдруг попадетсЯ наконецчик стрелы или монетка? Но, кажется, я с таким же успехом мог бы искать и клад. Холмы вдоль и поперек рассечены полубоульвившимися траншеями раскопов, превратившимися в овраги. Видно, не один год археологи ковыряли и перелопачивали эти холмы.

Трудно представить, какими были глиняные дворцы и храмы, трудно представить, каков был античный и даже средневековый облик Чирик-Рабата. Но можно предположить, что это было впечатляющее зрелище.

...Высоко стоял Чирик-Рабат! Над самыми высокими барханами Кызылкумов поднимались его стены и башни. Угрюмо взирал он на всех приближающихся. И, наверное, не было равных ему во всем Междуречье.

Понятно, большинство жанадарьинцев жило по берегам самой реки. Скотоводам и дехканам не место в крепости.

Цитадель располагалась на излучине, и стены ее, встававшие, казалось, из воды, тянулись на добрых две тысячи метров. Внутри крепости, может, вон там, где я вижу ряд холмиков, были покои правителей и военачальников. А вокруг, где сейчас белые и желтые короба из глины, наверное, стояли дома и мастерские ремесленников, лавки торговцев, лачуги рабов.

В такой крепости можно было чувствовать себя в безопасности. Ров, окружающий ее стены, широкий и глубокий, как проток. Сами стены толстые и высокие. А кроме того, вокруг города-крепости — естественные преграды. Водовороты полноводной Жанадарьи не оставляли надежд на то, что крепость можно успешно штурмовать с запада или юга. Другие стороны тоже надежно прикрыты — здесь веер всегда наполненных водой каналов, „головы“ которых защищены отдельными башнями. Башни сообщаются с цитаделью подземными ходами...

Таким я вижу Чирик-Рабат прошлого. Отчего бы и не пофантазировать? Время есть, есть и пища, и простор для фантазии. Что касается археологов, то они в своих высказываниях осторожны. Их сообщения об этом городище скупы. Установлено, что Чирик-Рабат был местом ранних массагетских поселений. А затем, в античные времена или даже еще раньше, он стал столицей среднеазиатской Скифии. Справедливости ради надо сказать, другие города Турана — Отрар, Дженд, Кят, Ургенч, если судить по различным историческим очеркам, тоже претендуют на право называться столицей. Но как бы то ни было, Чирик-Рабат был оживленным, многолюдным городом Междуречья, его оплотом. Не удивительно, что в пределах крепости мы обнаружили так много плотин, дамб, каналов, коллекторов. Под защитой такой твердыни можно было заниматься ирригацией с размахом, не опасаясь, что затраты окажутся напрасными. Не исключено, что Чирик-Рабат играл не последнюю роль не только в античные времена, но и в средние века, в эпоху расцвета Хорезма.

Собственно говоря, в истории мирового градостроительства и фортификационных сооружений Чирик-Рабат не является исключением.

Дворцы и храмы, крепостные стены и башни, жилища простолудников возводились из глины в самых различных частях света. Таковы, например, Тимбукту, которую когда-то называли жемчужиной Африки, Чан-Чан, древняя перуанская столица, Вавилон, наконец. Можно было бы назвать и другие примеры.

Холмы. Кучи глины. Саксаул... Грандиозный погост древнейших культур Междуречья. Невольно приходят на память чеканные строки Омара Хайяма, великого поэта Востока:

В степи безлюдной каждый куст бурьяна
Кудрями был красавицы Турана.
В зубах твердыни был любой кирпич
Рукой вазира, головой султана,

Мне приходилось видеть развалины других древних среднеазиатских крепостей и городов. Холмы, саксаул, забвение... Не уцелели даже стены, которые обычно делали невообразимо толстыми. В Чирик-Рабате они сохранились лишь на отдельных участках.

Куда же все исчезло? Ведь глина — довольно пластичный материал. Перепады температур, обычные для пустынь, ей не страшны. В этом отношении она превосходит и камень, и кирпич, и гранит. Пожары, свирепствовавшие в городах Междуречья во время нашествий Чингисхана и Тимура, тоже не должны были причинять особого вреда стенам: огонь глине не очень страшен. Глиняные сооружения никто не станет разрушать, как то бывает с каменными и кирпичными постройками, ради самого материала: глину не принято повторно использовать в строительстве — этот материал в пустыне всюду и в достаточном количестве. Разрушить глиняные города и крепости могла только вода. Но ведь Чирик-Рабат, насколько мне известно, от всемирного потопа в отличие от древнего Вавилона не страдал. И тем не менее строения не сохранились.

Трудно поверить, но, оказывается, в свое время земледельцы дельты использовали стены в качестве... удобрения. Дело в том, что древние сырцовые сооружения содержат в себе большое количество селитры, которая, как известно, повышает плодородие почв. Поэтому-то дехкане на протяжении столетий так старательно разрушали опустевшие по тем или иным причинам дворцы и лагуги, храмы и увеселительные дома — кетмень все равнял! Таким образом, археологам оставалось очень мало вещественных доказательств...

Для нашей экспедиции Чирик-Рабат интересен в гидрологическом отношении. Крепость является своеобразной границей обводнения: паводковые воды, хотя и редко, все же добегают еще до стен бывшей цитадели и, разливаясь по широкому протокам и многочисленным эрозионным канавкам, иссякают.

Под Чирик-Рабатом уже невозможно представить такие камышовые заросли, какие мы видели в районе Акинганакского моста. В каких-то десяти километрах к югу от развалин вообще все меняется. Густые тамарисковые заросли вдруг пропадают, а саксауловое частолесье становится редколесьем. Граница обводнения очень зрима.

Сегодня мы спускаемся вниз по Жанадарье еще примерно на пятьдесят километров, направляясь к урочищу Сырлытам, в южный угол исследуемого нами участка, туда, где Жанадарья теряется, образуя сильно разветвленную внутреннюю дельту. Что касается самой дельты — собственно древнего устья Жанадарьи, то до него от Сырлытама примерно сотни полторы километров. Этот участок русла прежде всего интересен тем, что здесь в Жанадарью с левого берега входит несколько рукавов Инкардарьи, ее старшей сестры. В этом месте устье Инкардарьи когда-то сопрягалось с руслом Жанадарьи.

По мнению Ясакова, представление о нраве и характере ре-

ки или узбой можно получить лишь тогда, когда побываешь у истоков, а потом спустишься к самому устью. Кроме того, любопытно все-таки знать, как далеко в глубь Кызылкумов простираются земли древнего орошения. Куда ни помотришь, всюду пересекающиеся почти под прямым углом арыки и земляные перегородки, образующие правильные квадраты. Геометрия крестьянского труда. Все это мы впервые увидели у заброшенного канала Бутырбай, в пяти — семи километрах от Сырдарьи. И хотя вниз по Жанадарье мы спустились не меньше чем на двести пятьдесят километров, но и тут виднеются следы интенсивного земледелия. На приречных террасах нет ни одного уголка, свободного от арыков и земляных валов.

Что и говорить, когда-то Жанадарья была полноводной. Но почему она превратилась в узбой, почему она высохла? Этот вопрос в свое время занимал Е. К. Мейендорфа. Вот что он пишет в своем „Путешествии из Оренбурга в Бухару“:

„Некоторые видят причину высыхания в том, что... была сооружена деревянная плотина поперек Джаныдарьи в том месте, где она (Кувандарья. — А. С.) отделяется от этой реки (Жанадарья. — А. С.).

Другие утверждают, что Джаныдарья была засыпана песками Кызылкумов, и это более правдоподобно... Какова бы ни была причина, факт потрясающий — Джаныдарья исчезла“.

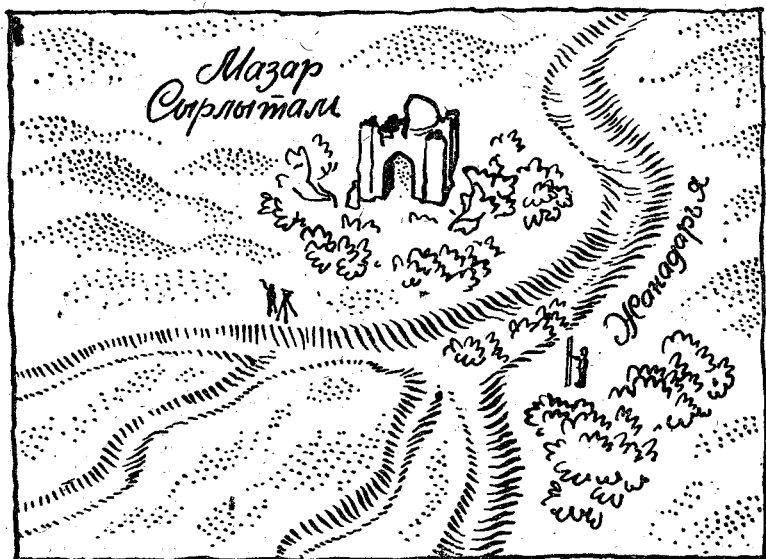
Ясаков считает, что древняя Кышбугутская плотина (на ее месте теперь железобетонное сооружение), на которую в своих путевых записках ссылается Мейендорф, все-таки сыграла определенную роль, заставив воду устремиться по извилистому узкому руслу Кувандарьи.

Но все-таки судьбу почти пятисоткилометровой реки (Жанадарью никак не хочется называть протоком или рукавом) определила ее праматерь — Сырдарья.

Ясаков обещает рассказать об этом как-нибудь на досуге. Что ж, подождем.

...Пыльная буря усиливается с каждым часом. Но как только Цветков сообщил, что ему стало легче, Ясаков немедленно призвал нас поспешить с отъездом. И мы готовимся к очередному броску.

Собственно, к отъезду мы уже готовы. Все имущество и оборудование ребята наловчились укладывать буквально за полчаса. Остался только стол — крышка продуктового ящика, покоящаяся на стержнях, вбитых в такыр. Перед очередной тряской по „траншеям“ Чимбайской дороги Ясаков милостиво выделяет полчаса на чаепитие. Но скамейки приказывает убрать, чтобы не рассидивались. Пьем стоя.

7.

Там, где теряется
Жанадарья

13 сентября

День ненастный. Ветер. По небу ползут слоистые облака, а холодные их тени кочуют по земле, отчего такыры и барханы попеременно становятся то лимонными, то фиолетовыми.

Три дня назад мы покинули Чирик-Рабат, а до Сырлытама, где Ясаков запланировал несколько последних на Жанадарье профилей, так и не добрались. В пути останавливались возле какой-то развалившейся саксауловой плотинки, перегораживающей узбой. Это была вынужденная остановка. У Бирна опять забарахлила ходовая часть. И чтобы не томиться на жаре от безделья, мы занялись нивелировкой участка, не предусмотренного программой.

Нам еще вчера надо было добраться до назначенного места. Но мы запутались в паутине следов и дорог, которых теперь в пустыне великое множество, сбились с направления и

потеряли русло. И ночь нас застигла на каком-то обширном такырнике.

Мы не только не знали, где находятся ближайшая скважина или колодец, мы даже не знали, где мы сами находимся, и потому командир еще вчера вечером установил строжайший контроль над расходом воды. Каждому было выделено ровно столько воды, сколько ее надо, чтобы размочить и размазать по лицу густой слой дорожной пыли. Бригада Зубченко энергично протестовала. Цветков бубнил что-то насчет произвола и подавления личности. Но Ясаков оставался неумолимым: норма — и basta!

Водители поддержали Цветкова и Зубченко: начальник партии перестраховывается — подумаешь, на кардане болты срезало! Да и что такое те полсотни километров, которые отделяют нас от Чирик-Рабата? „Звери-кони“ отмахивают это расстояние самое большее за два часа. Два часа — и мы снова у скважины.

Все так. Ну а если обе машины выйдут из строя? Этого пока не случилось, но почему бы такое не предположить? Тогда путь к чирикрабатской скважине стал бы для всех нас тяжким испытанием. Нехватка воды чревата печальными последствиями. По мнению М. П. Петрова, известного ленинградского исследователя Каракумов и Кызылкумов, человек при ходьбе в пустыне в течение дня теряет с потом более полутора литров воды. Чтобы компенсировать эти потери, необходимо выпивать по шесть — восемь литров воды в сутки. При сильном обезвоживании организма у людей начинается головокружение, вслед за тем наступают потеря зрения и рассудка. Арабы, утверждающие, что „мүки жажды — значительная часть ада“, видимо, правы.

Конечно, теперь пустыня не так страшна, как во времена Мейендорфа. Но она по-прежнему требует к себе уважения, обязывает людей быть предельно осмотрительными. И за легкомыслие, ошибки и просчеты жестоко карает. Вот почему я решительно поддержал начальника партии. Установленные нормы неукоснительно соблюдаются.

Пока отряд завтракает, мы с Ясаковым пытаемся уточнить свое местонахождение. Я за рулем, Ясаков — на „капитанском мостике“, то есть в кузове.

Баранку вездехода мне доверил Сережа Бирн, правда, после настойчивых просьб. Страсть к управлению машинами, тракторами и всякого рода агрегатами у меня с детства. В годы освоения целины в Фурмановке, в которой наша семья в то время жила оседло, среди мальчишек было повальное увлечение техникой. Мы учились водить, старательно мусолили пособия для начинающих механизаторов, пытались разобраться в схемах узлов, пронизанных стрелками указателей... Впрочем, я, кажется, отвлекся.

Идем по большому кругу — по краю такыров. Время от времени Валерий Сергеевич стучит по кабине — приказ оста-

новиться. Нажимаю на тормоза, и командир принимается за свое: снимает азимуты, наносит их на карту.

Присмотревшись к такырам, замечаю кое-где темные полоски, утыканные стебельками травы и крошечными кустиками солянок. Полоски тянутся параллельно друг другу или пересекаются под прямыми углами, образуя по всей площади квадраты. Эти линии — схема древнего оросительного массива, ныне полностью занесенного лессом. Утром, когда каждая грудка земли, каждый стебелек отбрасывают тень, чертеж массива различается очень хорошо. Косые лучи солнца как бы выполняют роль проецирующего.

Возможно, несколько веков назад здесь колосился ячмень или накатом лежали в своих пестрых халатах арбузы и дыни. Теперь древние нивы и багчи покрылись слоем лесса — особой породой золотого происхождения. И земля стала тучной. Лесс ведь всегда очень плодороден. Некоторые авторы, хотя и не совсем удачно, но совершенно справедливо называют лесс „желтым золотом пустыни“.

Отметки в виде полосок растительности как бы подсказывают нам: орошать надо так-то, тут основной арык, там — его ответвления. Но Ясакову сейчас не до того. После очередной манипуляции с картой и компасом шеф приказывает:

— Дуй по большому арыку!

Через полчаса останавливаемся. Путь преграждают хорошо сохранившиеся, заросшие саксаулом арыки. Но нам и не нужно ехать дальше. Вздрыбленные ветром кроны деревьев — убедительное доказательство того, что мы опять в долине Жанадарьи. Руины мазара вдаль, а также азимуты, которыми Ясаков расчертил уголок карты, подсказывают, что мы как раз в окрестностях Сырлытама.

Валерий Сергеевич спрыгивает с кузова и присаживается в тень саксаулины, явно довольный рекогносцировкой и тем, что начало работе положено.

— Вся эта тщательная планировка, — говорит он, — относится к средним векам. Думаю, этим арыкам не меньше трехсот лет.

— Как ты умудрился определить? — спрашиваю я Валерия Сергеевича, ожидая услышать нечто необыкновенное.

— Довольно просто. Мейендорф побывал на Жанадарье в 1820 году, так? И что же он тут обнаружил? Следы былой ирригации. Скотоводы, которых он встретил где-то между Кумкалой и Чирик-Рабатом, о каракалпаках-земледельцах рассказывали ему предания глубокой старины. Вот и прикинь-ка...

Около полудня у стен Сырлытама стояла уже вся колонна. Шеф предоставил нам полчаса, и мы спешим запечатлеть друг друга на фоне величественных руин.

Сырлытам был мазаром, то есть особо почитаемой верующими магометанами священной гробницей. Имя святого, чей прах покоится под грудой глины и кирпича, теперь вряд ли кто назовет. Известность же Сырлытам приобрел благодаря науч-

но-популярным очеркам С. П. Толстова. Развалины этого в прошлом стройного, красивого здания могут рассказать о таланте мастеров-строителей. Но нам, гидрологам, руины лишний раз подсказывают, какую исключительную роль играла когда-то Жанадарья — до того, как она превратилась в узбой.

Археологи утверждают, что мазары строились на важных магистральных путях, особенно же часто на их перекрестках. И никогда — в глуши, в стороне от торных дорог. И, как уже установлено, вдоль Жанадарьи (примерно там, где пролегает нынешняя Чимбайская дорога) змеились караванные тропы, а по реке на судах, обтянутых кожей и под кожаными парусами, плавали купцы. Если бы не было Жанадарьи, полноводной судоходной реки, видимо, не было бы в Кызылкумах и Сырлытама.

Таким образом, мазар — не только памятник замечательным безымянным мастерам, но и памятник бывшей реке.

Развалины мазара хотя и величественны, но не соответствуют моему представлению о Сырлытаме. Иным я представлял этот шедевр архитектуры. Купол обрушен, и теперь невозможно судить о храме, о его убранстве. Из стен торчит арчовое бревно. А на самом верху, на стене — целый воз сучьев и ветвей. Если бревно — элемент несущей конструкции мазара, то сучья и ветви — гнездо орла или беркута.

Объективы фотоаппаратов направлены на портал, который еще сохранился. Хотя и здесь бирюзовая плитка тоже интенсивно выкрашивается. В общем, бывшее великолепие утрачено навсегда.

Мои товарищи не особенно грустят по этому поводу. Очерков С. П. Толстова они не читали и не знают, что еще сравнительно недавно мазар не был в таком плачевном состоянии.

...Получив задание, отправляюсь „вниз по течению“. Ландшафт Нижней Жанадарьи после Чирик-Рабата — настоящая пустыня. Воды нет, растительность однообразна. Этот изреженный черносаксаульник лесом не назовешь. На Нижней Жанадарье невозможно представить то, что мы видели у Акшиганакского моста: тут не увидишь камышей и деревьев, оплетенных ломоносом. Сюда вода не приходит уже несколько столетий. Следы старинных стоянок скотоводов прямо в русле узбоя.

Но тогда с чего бы вдруг по тальвегу так буйно разросся жантак? А это что? Акбаш-карелиния? Разве ей место здесь? Судя по всему, беспечно разветвившиеся кусты жантака, достигающие почти метра в высоту, получают достаточное количество влаги, коль они обходятся без ксероморфоза. Жантак и акбаш-карелиния, как утверждает Ясаков, являются растениями-индикаторами. По их внешнему виду иногда можно даже судить о залегании грунтовых вод.

Несколько слов о ксероморфозе. Это такое состояние растения, когда количественное соотношение между колючками и листьями складывается у него в пользу первых, то есть в поль-

зу колючек. В момент усиленного ксероморфоза центральная жилка листа еще в начальной своей стадии твердеет и затем трансформируется в колючку. Что касается листьев, то они становятся узкими, длинными. Листовая пластинка сокращает свою площадь. Ксероморфоз вызывается засухой, недостатком влаги. Меньше воды — больше колючек, уже листва. И — наоборот. Вот сущность ксероморфоза.

Я ожидал, что ветер после полудня утихнет, а он, напротив, усилился. Над барханами, разбитыми скотом во время весенней пастбы, поднимаются тучи пыли и оранжевыми протуберанцами устремляются ввысь. На солнце теперь можно смотреть незащищенными глазами.

Я прошел уже километра четыре. Хочется пить, а питья с собой я не взял. Глаза запорошило пылью, во рту сухо. Пытаюсь отвлечься, но это не просто. Борьба с жаждой гораздо труднее, чем с голодом. Вот сейчас я Мейендорфа понимаю очень хорошо. Представляю, как трудно было участникам бухарской экспедиции.

Итак, мы в южном углу древней дельты Сырдарьи. Вот уж где не приходится ждать милостей от природы. Годовая сумма осадков здесь составляет не более ста двадцати шести миллиметров. Это почти в пять раз меньше того, что выпадает за год на берегах Невы. Да что там Нева! Это даже меньше того, что получают равнины Бетпак-Далы и пески Муюнкум. Разумеется, по сезонам года осадки здесь распределяются не так равномерно, как на Неве. Основная доля указанной суммы приходится на зиму и весну. Летом с неба может сорваться буквально несколько капель. Сухость невероятная. Как говорит наш старший инженер Петухов, сплошная сауна.

Однако почему же все-таки у жантака такой веселый вид? Листья почти как гривенники, хотя они обычно узкие, вытянутые. Значит, здесь много влаги, и они обходятся без ксероморфоза.

Мои размышления прерывает топот кофей. Прямо на меня во весь опор мчатся мустанги.

Пусть читатель не удивляется. Именно мустанги. В южных степях и пустынях Казахстана появились дикие лошади — потомки тех бродяг, которые в свое время отбились от совхозных косяков на вольной пастбе. Обилие корма в пустыне, круглосуточно фонтанирующие тут и там скважины, тепло, почти полное отсутствие врагов — одним словом, им здесь раздолье.

Животноводы не любят этих дикарей, стравливающих на пастбищах корм, уводящих с собой кобылиц, причем нередко вместе с жеребятами. В некоторых районах дикарей даже специально отстреливают. Никифоров, участвовавший в такой охоте на мустангов, рассказывает о них немало любопытного. Кстати, он и теперь не прочь поохотиться на них и просит Яскова дать „на вечерок“ машину. Убеждает шефа, что если он завалит одного „дикаря“, то отряд будет обеспечен отличным

мясом до конца сезона. Но начальник партии запретил об этом даже думать. Ясаков убежден, что в скором времени охоту на мустангов запретят, как запретили ее на сайгаков и джейранов.

Впервые мустангов мы увидели во время изысканий на Ка-радарье. Животные мчались по такырам во весь опор, и длинные гривы их живописно развевались на ветру. И вот теперь я встретился с ними один на один. Наблюдаю из-за куста тамариска, за который зашел из предосторожности, — вдруг мустанги настроены агрессивно? Не бог весть какое укрытие, но все же тут я чувствую себя в большей безопасности.

Остановившись в двадцати шагах от куста, лошади воззрились на меня. А еще через минуту табун по команде вожака развернулся и помчался вверх по Жанадарье. Упитанные бока животных, не знающих седла и неволи, сверкали и лоснились.

Что же было нужно от меня мустангам? Скорее всего, их просто обуревало любопытство. Людей-то здесь они видят не так часто.

Как только дикие лошади пропали за поворотом, меня снова начала томить жажда. Креплюсь, возвращаться пока еще рано. Ведь там, где Ясаков назначил место сбора, сейчас все равно никого нет. Вернуться и ждать до шести-семи вечера — тоже мало хорошего. Уж лучше что-нибудь делать.

Взбираюсь на бархан, на склоне которого цветет тамариск. Его темно-зеленая крона, обрызганная розовой и малиновой пеной соцветий, ярко выделяется на пепельно-сером песке. Тамариск, цветущий в сентябре, среди выгоревшей кызылкумской равнины! Как он пережил июльскую жару? Тут и там виднеются остатки трав-эфемеров. Их высушенные стебли и листья ржавого цвета перекатываются по песку, шелестят. Своим видом они напоминают проволоку и обрезки жести на свалке. Склоны бархана и на самом деле не что вроде свалки растительности; отжившей свой короткий — два месяца! — поистине эфемерный век.

Но придет весна, и эта свалка преобразится. Ветер, муравьи, вешние ручейки развеют, растащат, смуют прах растений. И тогда над чистым песком запылает зеленым шелком дикая пшеница или рожь, заиграют на ветру ковьяли. Распластает обширные морщинистые листья ревень, вспыхнут оранжевыми свечками тюльпаны, зардеют маки. И над всем этим великолепием вознесутся зонты ферулы.

Стебли ферулы даже сейчас привлекают внимание: они чуть ли не метр высотой и едва ли не в руку толщиной. Вершины растений утыканы длинными тонкими отростками: с семенными коробочками на концах, и потому ферула напоминает мне боевую булаву. Я протягиваю руку к „булаве“ и без усилий выдергиваю ее из песка. Она почти невесома. Совсем другим был стебель весной — насыщенный соками, питаемый плотным клубнем, он был массивным, огромным, этаким Гар-

гантюа среди окружающей его флоры. Надо заметить, некоторые виды ферулы считаются съедобными. Например, жау-жумур* содержит до сорока пяти процентов крахмала, десять процентов сахара и пять процентов жира.

Никифоров рассказывал, что во время исследований на Чу он ходил с гидрологического поста за ферулой в барханы. И нередко случалось так, что вместо клубней обнаруживал свежие копани да кучки помета. Его опережали дикие кабаны. Насытившись в зарослях Чу-реки корнями рогоза и камыша, они прибегали на барханы лакомиться ферулой.

Наверное, жау-жумур действительно прекрасное лакомство. Но я бы предпочел кисло-сладкие стебли ревеня. Они так утоляют жажду... И почему я не взял с собой фляжку с чаем? Ничего страшного со мной, конечно, не случится. Вот только работа не клеится. Дальше идти совсем не хочется. А я ведь не прошел и половины того, что назначил мне Ясаков. Во рту совсем пересохло.

Отламываю малиново-зеленую ветвь тамариска и принимаюсь жевать ее в месте слома. И тут же отбрасываю. Противно! А пить еще больше хочется.

Посидел в тени тамариска и повернул в обратный путь. Мне следовало бы пройти вниз по узбою еще километров пять — семь, но я иду назад. Мне так хочется пить, что, кажется, дальше я не способен сделать и шагу.

Но вот что странно! Как только я пошел обратно, по направлению к Сырлытаму, сделалось как будто легче. Жажда, конечно, чувствовалась, но стала как бы меньше. Скорее всего это временное затишье. Чтобы избежать новых приступов жажды, принимаюсь наблюдать, записывать, пытаюсь включить в работу свой размягченный мозг.

...Похоже, что Валерий Сергеевич прав. Местами русло настолько мелко, что кажется, будто никакой Жанадарьи здесь нет и не было. Кое-где вместо русла ложбинки да мелкие канавки, петляющие между песчаными всхолмлениями. Только хорошо натренированный глаз может определить, что когда-то здесь текло очень много воды. Но почему русло деградировало? Наносы? Что ни шаг — то вопрос. И что ни шаг — то напоминание о воде... Жажда все-таки не унимается.

Мне пришло в голову, что я смогу успешнее бороться с жаждой, если буду идти не по руслу, а по террасе, заросшей саксаулом. Но стоило перевалить через прирусловой бархан, как я очутился на дне канала. Опять нестерпимое напоминание о воде!

Голова древнего канала упрятана под бархан. Но сама магистраль, проложенная в суглинках, сохранилась хорошо. Относительно, конечно. Глубина на некоторых участках достигает

* Это местное название растения без каких-либо изменений перекочевало в науку, и теперь его в монографиях и рефератах пишут по-латыни.

более двух метров. А когда-то он был еще глубже; ведь со временем арыки и каналы мелеют, выполаживаются.

На откосах саксаул и множество террикончиков — грунт, который грызуны выдали „на-гора“ во время проходки своих шахт. Кое-где виднеются красные и черные осколки керамики — тоже „добыча“ песчанок.

Канал производит странное впечатление. Впрочем, как все сооружения, воздвигнутые человеком, а затем почему-либо им позабытые. Магистральные каналы с полным основанием можно считать памятниками ушедших цивилизаций. Как храмы и крепостные стены, они свидетельствуют о мудрости и таланте народов.

В отличие от некоторых других человеческих памятников, каналы, если их реконструировать, могут приносить пользу. И не удивительно, что многие специалисты (ирригаторы, археологи) считают, что необходимо изучать опыт древних ирригаторов. Ясаков как раз один из таких приверженцев древнего орошения. Он намерен как-то пришить к отчету накопляющиеся у него сведения о жанадарьинских методах управления водными ресурсами и поэтому всегда готов отшагать и пять, и десять километров лишь затем, чтобы выяснить контур того или иного древнего массива. В окрестностях бывшего Дженда пришлось битый час тащиться с ним сквозь чингиль: он искал коллектор. А когда коллектор был обнаружен, Ясаков мне объяснил:

— Видишь, не жалели средств, чтобы проложить „лишний“ арык. Знали, что делали. Ведь для того, чтобы оросить гектар, скажем, свеклы, нужно примерно 600—700 кубов воды. Но на поле обычно попадает гораздо больше. И эту воду куда-то надо девать, куда-то приходится отводить. Однако — яковы в целях экономии средств — в некоторых хозяйствах не строят коллекторов. И что же в результате? Зальем поле водой, а потом не знаем, что с ней делать. Сбрасываем куда попало. Вот тоже одна из причин вторичного засоления...

Но точку зрения Ясакова о том, что надо изучать предшествующий опыт, у нас в отряде разделяют не все. Между Ясковым и Петуховым случаются такого рода диалоги.

— Посмотри, Валера, как твои мудрецы-мирабы колбасили на ровном месте. Зачем?

— Наверное, они выбирали для арыка участки с одинаковым уровнем.

— Да мирабы и представления не имели об уровнях, трассы прокладывали без расчета, благо, труд дехкан и рабов был дешевым.

— А мне кажется, они действовали не с кондачка. Я где-то читал, что для определения уровней использовались сосуды с водой, тот же принцип наших нивелиров.

— Сосуды! Сказки все это, Валера, беллетристика...

Видимо, самое время сказать хотя бы несколько слов о старинной ирригации, о землях древнего орошения.

Вдоль Амударьи, Сырдарьи, Чу и других рек Средней Азии и Казахстана простираются огромные земельные массивы. Общая площадь их достигает шести миллионов гектаров.

По состоянию на 1969 год три миллиона гектаров, заключенных между сторонами „треугольника“ дельты, были столь же пустынные и первозданные, как и в момент сотворения мира. Площадь современных возделываемых земель составляет небольшую часть всего древнего массива. Однако было бы неверно утверждать, что „мертвые“ оазисы навечно преданы забвению. Напротив, люди всегда стремились к их возрождению.

Около тридцати лет назад был реконструирован канал Искангир, протяженностью около двухсот километров. И теперь эта магистраль, как и во времена древнего мира, исправно подает воду из реки Зеравшан в долину Кашкадарьи. Подсчитано, что использование древнего русла позволило сэкономить несколько миллионов рублей.

При освоении „мертвых“ оазисов так называемой кельтемиранской эпохи бухарцы использовали советы и выводы С. П. Толстова. Археолог передал ирригаторам и хозяйственникам схемы древнего орошения, где были тщательно вычерчены античные и средневековые каналы и коллекторы, обозначены уклоны, нанесена сеть арыков. Результат — экономия средств.

Древние арыки и каналы, как уже было замечено, не входят в программу нашей экспедиции. Но тем не менее они являются как бы вспомогательным материалом: эта паутина арыков и хорошо спланированные поля могут многое рассказать гидрологу.

К сожалению, жанадарьинские „письмена“ среди нас может читать только Ясаков. Тут остается лишь позавидовать ему. Он свободно разбирается в этих штрихах, бороздах и углублениях, покрывающих древние террасы блуждающих русел Сырдарьи — так еще называют протоки дельты. То, что для одного — рытвины и овражки, то для Валерия Сергеевича — интересная информация о прошлом Жанадарьи. Ясаков, подобно ассирологу, расшифровывающему глиняные таблицы, с увлечением читает древнюю „клинопись“ на желтоватых, простирающихся до окоема лессовых равнинах.

Что касается меня, то мне, наверное, никогда не понять, где тут магистральный канал, а где коллектор. И попробуй определи их былую емкость...

Я рыскаю глазами по береговым откосам в надежде, что высмотрю что-нибудь интересное. Пытаюсь хоть немного отвлечься от мыслей о воде.

Во все стороны, до самых дальних барханов, я вновь вижу поваленный саксаул. В первый раз множество поверженных деревьев мы увидели на берегу узбоя, в тридцати или сорока километрах от Чирик-Рабата. В полевом дневнике Ясакова есть такое замечание:

„На берегу Жанадарьи на больших пространствах обнаружен поваленный саксаул. Почерневшие, почти обугленные остатки стволов сориентированы в одном направлении, что наводит на мысль о каких-то паводковых водах, способных повалить эти громадные деревья...“

Пегухову по ряду причин паводок кажется сомнительным. Но что же тогда вызвало лесоповал? Ураган? Какая-нибудь древесная эпидемия?

Забегая наперед, признаюсь, на этот вопрос мы с Ясаковым так и не нашли сколь-нибудь убедительный ответ. Вообще-то в Кызылкумах немало такого, над чем можно призадуматься. Вот и чирикратская рысь осталась неопознанной. Даже Никифоров, отменный знаток среднеазиатской фауны, и тот ничего не смог предположить.

Я иду по твердым, утрамбованным временем неровным отвалам, образующим вали. Со всех сторон слышатся однообразные вопли: пи! пи! пи! Этими криками песчанки встречают и провожают меня. В конце концов перестаю обращать внимание на их галдеж. Не обращаю внимания и на зайцев, которые, отбежав шагов на пятнадцать, приседают за какую-нибудь саксаулинку, полагая, что отлично спрятались. Теперь я верю старинным путешественникам, которые в своих отчетах сообщали о том, как в Туркестане охотятся на зайцев с палками.

...А что там на бархане? Наши машины? И, кажется, все сидят на своих „штатных“ местах. Колонна в полной готовности продолжать путь. Странно. Заканчивать работу раньше семи, а тем более на ночь глядя тащиться неведомо куда — не в правилах Ясакова.

Пока я пью воду, медленно, долго и с наслаждением — для питья нормы, слава богу, еще не введены, — ребята наперебой рассказывают мне, что колонну атаковал... дикий кабан. Кабан в безводной пустыне? Атакующий машину? Это почище мустангов. Расспросив как следует, догадываюсь, что секач, поднятый нивелировщиками с лежбища, просто с перепугу не смог сообразить, что надо делать, и побежал в сторону машин. Но гидрологи расценили это как атаку, и разубеждать их было бесполезно.

После этого эпизода Ясаков решил во что бы то ни стало отыскать скважину. Кабан, конечно, выносливое животное, способное пробегать по пескам довольно большие расстояния. Но он все же не верблюд. Да и густые заросли жантака — тоже кое-что подкашивают.

Не буду распространяться о том, как мы ночью колесили по саксаульнику. О том, как, по выражению Бирна, „врюхались“ по самые оси в какую-то яму. О том, как мучительно было переносить тряску бездорожья. Проходил час, другой, а лучи фар скользили по белому ложу Жанадарьи, где не было и признаков влаги. И Валера уже готов был прекратить поиск скважины. Но тут нам подвернулась тропа, выбитая скотом. Прогромыхав несколько минут, мы наконец увидели темный

глянец воды, контрастно выделяющийся на фоне белых суглинков.

Свежие запахи каких-то трав, шум потока, обрушивающегося в русло узбоя, — все это действует прямо-таки ошеломляюще. Цветков и Никифоров, громко топоча, бегут к трубе, нелепо торчащей из камыша. Но их останавливает возмущенный голос Ясакова:

— Куда вы все разбегаетесь?! Машины дядя чужой будет разгружать?

Но девушек он отпускает к скважине.

Молча принимаемся за работу. Кто-то разгружает машины. Кто-то собирает саксаул. Кто-то тащит к огню продукты. Бивак приобретает обжитой вид буквально за полчаса. Теперь ведь каждый из нас знает, что ему нужно делать. Не то что в первые дни, когда мы засыпали нашего шефа вопросами: „А это куда? А это зачем? А можно ли?“. Теперь даже практикантки Лена Пахалова и Оля Захарова почти не задают Ясакову вопросов.

Костер разгорается, и чуть различимые у скважины фигуры девушек окутывает непроницаемый мрак. Какой все-таки Ясаков предусмотрительный. Машины поставил не слишком далеко от скважины, но и не близко.

Из темноты доносится плеск и восклицания:

— Во-от водичка! Мягкая, ну прямо шелковая!

Достаем полотенца, мыло (а запасливые — тюбики с шампунью) и с нетерпением ждем своей очереди. Никифоров ворчит на Ясакова за то, что тот всякий раз соглашается брать в экспедицию девушек.

Три дня умывались из кружек водой, точно отмеренной командиром. А кажется — месяц не видели воды.

8.

На берегах Майлызек

20-21 сентября

Утро 20 сентября начинается шумно.

— Ух ты нахал! Наглец! Убирайся вон! — звонко выкрикивает Мальцева, не заботясь о том, что таким образом она лишает нас самых сладких минут.

— Женя, помоги же, хватит тебе дрыхнуть!

Из спальника, кряхтя, выползает Никифоров. Ему следовало встать еще полчаса назад — он сегодня дежурит на кухне в паре с Мальцовой.

Никифоров подходит к столу под саксаулиной, где разворачиваются события, и ворчит:

— Шел бы ты домой, Вася...

Но тот, кого назвали Васей, даже не двинулся. Потупив голову, своим желтым немигающим зраком он смотрит куда-то под ноги техника.

Женя с неожиданной ловкостью хватает незваного гостя за

рога, круто разворачивает его, и, быстро отпустив, поддает „Васе“ сзади ногой.

Упрямое животное — никакой это не Вася, а козел Салазар, собственность лесника, — послушно устремляется по направлению к лесному кордону.

Инцидент исчерпан. Но Люба сокрушенно вздыхает, выбирая из теста саксауловые веточки и щепочки. Ее огорчение велико. Накануне у нас кончился хлеб, и Мальцева встала пораньше, чтобы к завтраку испечь пресных лепешек. Замесив и раскатав тесто, она на какую-то минуту отвлеклась, доставая что-то из продуктового ящика. И тут из кустов выскочил Салазар и в одно мгновение оказался на столе. Люба бросилась было спасать лепешки, но Салазар поднялся на дыбы, как обычно делают, придя в воинственное расположение духа, все дикие и домашние представители этого драчливого племени. Мальцовой пришлось отступить и занять оборону у очага.

Никифорову следовало бы проучить наглеца саксаулиной, чтобы впредь было не повадно. Но Салазар — любимец аккырского лесника Николая, с которым мы установили дипломатические отношения.

Вообще-то сначала лесник нас встретил недружелюбно. Он странный человек: в каждом водителе видит потенциального „калымщика“, а в каждом пассажире — лесонарушителя-браконьера. По его мнению, в саксаульник имеет право въезжать лишь тот, у кого есть на руках билет, выданный лесничеством. Очень уж строг этот страж саксауловых чащоб.

Однако мы с лесником поладили. Заметив, что для костра мы собираем валежник, а банки и бумаги складываем в специально выкопанные ямки, Николай смягчился и переменял свое отношение к нам.

После завтрака я отправляюсь к леснику. Узнав о случившемся, его жена Вера Павловна всплескивает руками:

— Что ты будешь с ним делать! Мало ему моих чайников, так он еще и людям шkodит.

— Ему высота — первое дело: Его от этого не отстришь, — возражает Николай.

Потолковав о повадках козла, перевозчу беседу в нужное мне русло. А точнее — в русло Майлыузэка. Николай обстоятельно рассказывает о „большой воде“, о глубинах в ямах-плесах, о разливах, а я записываю. Если же он не уверен в чем-то, то, подумав, заключает:

— Этого я тебе не скажу, не буду врать.

Информация лесника, может, в чем-то и не полная, но все же ценная для нас. Николай ведь живет на берегу протока, ловит здесь рыбу, поит свой скот. Его жена берет из ямы воду для стирки, а весной для питья. Одним словом, жизнь кордона в известной степени регламентируется уровнями Майлыузэка. Лесник внимательно следит за изменениями в русле, и его наблюдения и замечания представляют для нас интерес.

Валерий Сергеевич вообще придает большое значение такой живой информации. В некоторых случаях без этого старинного метода изысканий — опроса местных жителей — просто не обойтись.

Узнав, что я „джамбулский“, Николай в свою очередь расспрашивает про муонкумских лесоводов, о которых он слышан. Его удивляет, как это муонкумцы умудряются собирать так много саксауловых семян, что у них даже остается на продажу в другие области. Между прочим, у Николая есть участок настоящего муонкумского саксаула. Семена ему прислал знакомый лесник из города Чу. Так что аккырские чащобы отнюдь не дикие и растут они не сами по себе.

Интерес взаимный, и беседа наша могла бы продолжаться хоть до вечера. Но после обеда Ясаков запланировал поездку в Аккыр. Конечно же, он берет с собой и меня. Ибо я теперь, по его мнению, в Аккыре свой человек.

Прежде всего в поселке мы должны набрать свежей воды — застоявшаяся солоноватая вода на плесах для питья не годится. Перед очередным броском на Кувандарью нужно запастись и хлебом. У нас большой запас муки. К сожалению, — так уж получилось — в поле мы высухали без повара. У артельной кастрюли дежури́м по очереди, парами: Никифоров — Мальцева, Зубченко — Цветков и т. д. Но дежурные кашевары не могут каждое утро возиться с лепешками. Для нашей небольшой экспедиции, где каждая пара рук на учете, — это непозволительная роскошь. Да и не каждому доступно искусство хлебопека.

Хлеб и вода — главная цель нашей поездки. Да и бензин тоже забывать не приходится. Водители и Ясаков намерены пополнить топливные баки. После ремонта рессоры мой шеф решил, что я все могу. Плохо, когда сам себя переоцениваешь. Но мало хорошего и в том, когда тебя начальство переоценивает.

Скрежешут кулики-ходулочники.

Тяжко кашляет корова.

Гортанят гуси.

Посвистывают фазаны.

Доносится плеск — играет рыба.

И тут же, в тязком оцепенении, стоят барханы. Крутогорбые, покрытые густой жесткой щетиной терескена, они напоминают гигантских пресмыкающихся триасовой эпохи.

Суэта приречных обитателей Майлыузeka на фоне неподвижных барханов производит особенное, трудно передаваемое словами впечатление.

Счастливы люди, наблюдающие восход солнца, слушающие разнообразные голоса пробуждающейся Природы. Увы, для меня нынешнее утро 21 сентября — просто исключение в

череду дней нашей полевой жизни. Ясаков. — тот всегда вскакивает чуть свет. Я же в этот благодатный час, как улитка, втягиваюсь внутрь спальника. Сколько я проспал! И нет этому никакого оправдания.. Хорошо, что хоть сегодня, в последнее утро на Майлыузке, я нашел в себе силу и волю встать раньше обычного, даже раньше Ясакова. Завтра мы покинем живописные берега этого протока и, наверное, уже больше не вернемся сюда.

Майлыузек очень индивидуален. И эта индивидуальность особенно заметна, когда сравниваешь его с дельтовыми протоками Жанадарьи, где мы были неделю назад. Вообще-то Майлыузек находится в тех же географических и климатических условиях, что и жанадарьинская дельта. Но небольшой сток, поступающий периодически в Майлыузек, позволяет здесь пустыне проявить себя, если так можно выразиться, с положительной стороны. Вдоль Майлыузeka тянутся густые саксаульники, камышовые гривы, тамарисковые чащи, чего совершенно нет в низовьях Жанадарьи.

...На бледно-голубом небе, еще не успевшем пожелтеть, белые пушистые облачка, словно два беспечных, отбившихся от стада барашка. Внизу, в русле самого Майлыузeka, раскачиваются камыши. А вдоль песчаных береговых валов тянется саксауловый лес. Густой, зеленый. Если же пересечь саксауловые заросли, выйдешь на такырники. А им конца-краю нет.

...О второй поездке в Аккыр скажу лишь несколько слов. После обстоятельных расспросов об изысканиях в дельте директор выписал тонну горючего — по пятьсот литров на машину. Но при этом заметил:

— Если бы вместо вас с такой же просьбой ко мне пришел мой друг Кожабай Исаев, директор соседнего совхоза, то я бы ему сказал, что руководитель должен думать о внутренних резервах, об экономии топлива. И на этом бы мы, пожалуй, и расстались. Бензин у нас в Кызылкумах — дефицитный материал. Горючее на мягких суглинках расходуете сверх всяких нормативов... Вам же я говорю: „Заправляйтесь на здоровье!“

...Утренний ветерок раскачивает камышовые чащи, разводит на них „волну“. Шум этой зеленой волны приглушает все другие звуки, и я слушаю его.

Есть поэзия в рокоте соснового бора, словами она непередаваема. Но есть особенная прелесть и в этом шуме, который то нарастает, то ослабевает. Шелест и шелот острых широких листьев навевают что-то из далекого детства.

Он всегда шумит, этот камыш. О чем он шумит? Если бы можно было разобрать его речитатив, то мы, вероятно, узнали бы немало удивительного. О битвах, сотрясавших дельту, о жизни ее многочисленных обитателей, наконец, о величии и гибели самого камыша, этого некогда очень сильного, влиятельного представителя флоры.

В былые времена камыши, подобно лесам, занимали зна-

чительные территории. Камыш был надежным прибежищем для зверя и птицы. Нужен он был и людям.

Из камыша строили жилища. Камыш применялся при возведении различных сооружений, оборонительных и гидротехнических в том числе. Камышовые кровли украшали дворцы японских правителей, на Японских островах вообще широко применялось это растение. Из камыша изготовлялись циновки, занавеси, обувь, головные уборы. Китайские, корейские и японские художники любили изображать камыш на своих полотнах. Не обошел камыш и поэтами древнего Востока.

Камыш необходим и в наши дни. Камыш — хороший корм для скота. Но главное достоинство его в том, что он является необходимым элементом в экологической цепи. Что стало бы, скажем, с Астраханским заповедником, если бы не камыши дельты?

Но как ни странно, люди беспощадно истребляют камыш. И не одно столетие подряд. Человек отвоевывал у камыша территорию с тем, чтобы здесь, на плодородных землях, утучненных прахом и пеплом стеблей, расширять посевы и пастбища. Но иногда растение истреблялось и без особого на то повода. Бесконечные крестовые походы против камыша привели к тому, что его территория сократилась до таких вот узких полосок в руслах протоков и речушек.

...Иногда ветерок утихает, и тогда вокруг воцаряется тишина. Но проходит мгновение, и снова слышится печальный шепот. Древние приписывали камышу скверные свойства. Например, античная легенда утверждает, что именно камыш разнес по свету, будто у царя Мидаса ослиные уши. Но прошли века, и язык его стал загадочным и непонятным. Теперь он, скорее, не разгласитель, а хранитель тайн...

Мне надо идти дальше. Но как? Берегом? Тут камышовые заросли, не слишком разгонишься. По приусловым барханам тоже не хочется брести — песок, кустарник. Песчаные барханы неудобны не только для ходьбы, но и для наблюдений. Особенно мешает тамариск. Тамарисковые кущи растянулись по всему гребню. Ветки-побеги торчат прямо из песка. Вся эта тамарисковая роща — один-единственный куст, покоящийся на одном общем основании, находящемся где-то внутри бархана.

Кора на побегах-стволах шершавая, черная. Трудно поверить, что вон та малахитовая с голубоватым отливом мурава — не трава, а тоже тамариск. Возле воды тамарисковые побеги обычно образуют густую, но мягкую поросль. Тамариск — ксерофит, но переувлажнение он переносит хорошо.

Налетевший ветерок раскачивает побеги куста с удивительной синхронностью. Это и есть подтверждение того, что у них один общий ствол, общее основание, покоящееся в недрах бархана. За неимением подходящего наименования я это бревноподобное утолщение не совсем верно называю комлем.

Здесь, в кущах Майлыузека, я снова вспоминаю свое дет-

ство. Вот в таких же зарослях я когда-то искал волшебного зайчика, приносившего мне подарки почему-то непременно ночью. В тамарисковой чаще я однажды затерялся. В тамарисковом „лесочке“, на супесях, собирал цветы и жестяной косой косил для черепах душистые весенние травы. В тамарисках охотился с луком на фазанов или прокладывал „арыки“, по которым стекали в низины на травы вешние воды. Без тамарисков мое детство было бы „скроено“ иначе и, возможно, не было бы таким ярким.

Мне кажется, роль природы в воспитании человека, особенно в то время, когда закладывается фундамент его характера, его мировосприятие, еще не оценена как следует.

По признанию некоторых моих знакомых, они не помнят своего детства или помнят его очень скучным. Это исключительно те люди, которые по тем или иным причинам, в детстве были оторваны от природы. Жаль мне всех, не помнящих детства. Жаль мне всех, кто не играл в индейцев в лопухах, не собирал грибы, не удил рыбу, не нырял на дно глубоких речных ям за разноцветными камешками, не косил траву черепахам, не лазал по деревьям...

Среднюю Азию невозможно представить без саксаула. Но также невозможно ее представить без тамариска. Или, как его тут называют, — гребенщика. Тамариск-гребенщик неотделим от среднеазиатской экзотики, как пальмы — от экваториальной. Он заслуживает всяческого внимания людей. Но именно к тамариску люди относятся с поразительным равнодушием. Трудно понять, но почему-то в путевых записках путешественников тамариску почти не находится места. А между тем тамариск...

А между тем сучья тамариска, сухие, жарко горящие, согревают в лютую зимнюю стужу; там, где не растет саксаул, как правило, есть тамариск.

А между тем пушистые кроны тамариска могут укрыть путника в знойный полдень; в зарослях тамарисков прячутся дикие коты, фазаны, зайцы и даже джейраны.

А между тем пурпурно-малиновые соцветья тамариска радуют пчел и других насекомых в то время, когда в пустыне все выгорает.

...Путевой дневник и полевой журнал я заполняю, забравшись внутрь куста и удобно устроившись на пружинящих ветвях. Наискось, через лист записываю: „Тамариск (гребенщик) обойден вниманием незаслуженно. Восполнить пробел. Рассказать о нем...“

Империя гребенщика-тамариска велика. Она занимает значительную часть аридной, то есть засушливой, зоны. Метрополией этой империи считается Туранская равнина, где произрастает большинство видов. Но тамариск встречается и за пределами метрополии — на Днепре, Волге, на юге Сибири. Встречается тамариск и за „морями синими“, например, в Ира-

Не, Америке, республике Чад. Короче говоря, гребенщик по натуре своей космополит:

На северных рубежах тамарисковой империи стоит гребенщик изящный. Его название и по латыни звучит красиво — тамариск грацилис! Верховным же владыкой, видимо, следует считать гребенщик опущенный — тамариск хиспида. Рожи гребенщика опущенного господствуют почти по всему Турану.

Но с претензиями на трон выступает также и гребенщик ветвистый — тамариск рамосиссима. И не без оснований. Рамосиссима тоже владеет значительной частью Турана, а в настоящее время он проник даже в Бетпак-Далу — самую северную пустыню. Ветви рамосиссимы, отягченные царственными темно-зелеными опалами побегов — у гребенщика листьев нет, — раскачиваемые ветрами, распевают свои заунывные песни по пустынным равнинам, где редко встретишь путника. Благодествующий летом, одетый в пурпурную мантию соцветий, всем своим видом он утверждает превосходство над другими растениями, охваченными ксероморфозом, опаленными зноем пустыни. Рамосиссима не менее величествен, чем хиспида, верховный владыка тамарисковой империи.

Вслушайтесь в названия — ветвистый, опущенный, изящный. И эти свои „официальные“ названия тамариск полностью оправдывает. Я не могу сказать, к какому виду относится тамариск, на пружинящих ветвях которого я так удобно расположился. Скажу лишь, что его побеги действительно необыкновенно ветвистые и пышные. Они образуют густо-зеленую шароподобную крону и всем своим видом напоминают гигантских зеленых ежей.

Тамариск — одно из немногих растений, упоминающихся еще в Ветхом завете. Когда-то империя тамариска граничила с суверенным и могучим царством кедра ливанского. Но вот прошли века и тысячелетия. И что же? Несколько чудом уцелевших ливанских кедров пронумерованы, занесены в особые реестры, охраняются не только правительственными, но и межправительственными международными декретами.

Тамариск же, как и встарь, сохранил большую часть своей территории, лишь кое-где он уступил человеку. Владения тамариска столь же обширны, как и во времена пророков, корпевших над стихами Ветхого завета.

Вообще говоря, тамариску повезло — он никогда не истреблялся так целенаправленно и методично, как, скажем, саксаул, камыш или туранга. Но никто и не стремился к увеличению тамарисковых массивов. И если тамариск и столь распространен, то лишь благодаря своей необыкновенной живучести и выносливости. Самые теплолюбивые виды спокойно выдерживают стужи и морозы до минус пятнадцати градусов. А иные — до минус сорока и даже пятидесяти. Что касается его способности переносить тяготы и лишения, то, как мне кажется, тамариск просто не имеет себе равных среди древесных представителей. Тамариск растет по берегам соленых озер, на щебни-

стых и глинистых почвах. Тамариск — мужественный воин. И прежде всего он сражается против песка, заклЯтого своего врага. Эта война для человеческого глаза порой незаметна, но она не прекращается ни на миг. День и ночь на корни и побеги какого-нибудь растения-пионера, обосновавшегося в центре Кызылкумов, обрушиваются массы песка. Но ростки пробиваются сквозь песчаные завалы, тянутся к свету. Корни же настойчиво буравят песчаные горбы в поисках влаги... Изю дня в день империя тамариска расширяет свои пределы.

Итак, тамариск — прекрасное средство для закрепления песков. Но он же вполне мог бы украсить парки и скверы. Меня поражает энтузиазм иных лесоводов, любой ценой стремящихся утвердить в пустынной зоне европейские виды растительности. Но чем хуже тамариск? Почему тамариск невозможно встретить в парках и на улицах казахстанских городов?

„Засухоустойчивость, способность расти на засоленных почвах, высокая декоративность делают гребенщики вполне перспективными для озеленения пустынных и полупустынных районов. Плотная, с красивым рисунком древесина пригодна для декоративных работ, но практически не используется...“

Это уже мнение специалистов — так сказано в одном энциклопедическом справочнике.

...Пока я тут слагаю оду тамариску, Ясаков бредет по берегу узбой с гидрографическим журналом, только в противоположном направлении. Его теперешние заботы, верно, очень далеки от того, над чем размышляю я. Могу предположить, что он думает о Северном и Южном коллекторах. К слову сказать, эти коллекторы, когда мы пытались проехать на своих вездеходах к их берегам, доставили нам хлопот. Чего тут только нет! „Батпаки“ — заболоченные участки, глубокие, замаскированные тугайной растительностью арыки, дамбы...

Несмотря на трудности, мы все же пробились к „истокам“ Южного и Северного коллекторов. А теперь вот необходимо определить место их слияния. Нам также не вполне ясно, что собой представляет с гидрографической точки зрения Майлызек. Когда-то это была протока, соединявшая Жанадарью и Кувандарью. А теперь?

Мелиораторы поработали на славу: тут — грунт вынут, видно, русло углубляли, там — водозаборы современные с насосами и арыки. Канал — не канал, речка — не речка.

Ясаков и Петухов сначала полагали, что вода в Майлызек попадает из Южного коллектора. Думали, что в бывший узбой сбрасывают излишки воды во время лаводка, чтобы сохранить борта коллектора от разрушения. Но ответвляющиеся арыки указывают на то, что аккырцы рассчитывают на периодическое, регулярное обводнение. На наших картах русло Майлызека, как сухое, обозначено коричневыми пунктирами. Узбой вроде бы. Но какой же это узбой, если сюда, хотя и периодически, поступает вода?

Ребус, одним словом,

Возможно, над этим ребусом Ясаков и мудрует. Есть и другие вопросы. По каким древним руслам проложены коллекторы? И не является ли Кувандарья — очередной этап нашей работы — общим коллектором? Вопросы, на которые нет пока вполне достоверного ответа.

В общем, Ясаков вряд ли праздно сидит в тамарисках, как я. Какие там тамариски! Хорошо, если он их вообще замечает...

Но зачем, спрашивается, ломать голову? Ведь достаточно было начальнику партии побывать в УОС — управлении оросительных систем...

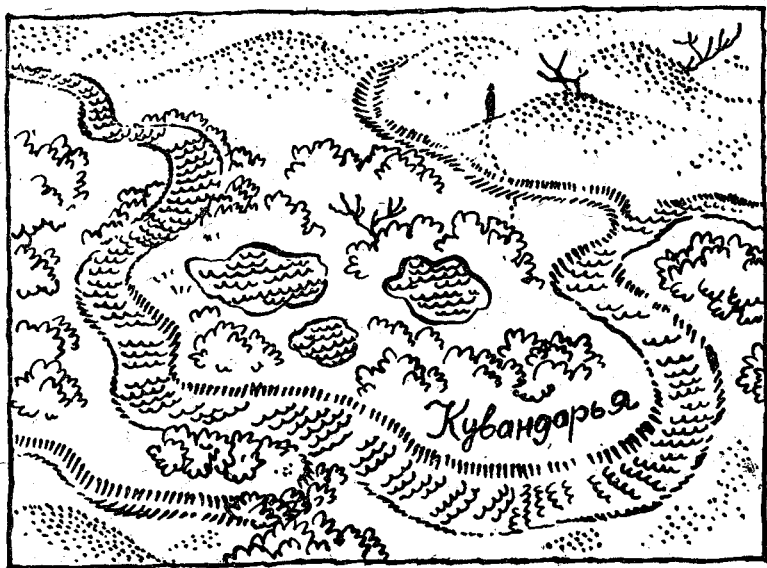
Будучи в Кзыл-Орде, Ясаков и Петухов так и сделали: пошли в названное управление и самым тщательным образом перерисовали с ведомственной схемы прямо на свои карты не только коллекторы, но и другие оросительные магистрали.

Но мы все же исследователи, а не поисковики. А исследователь, кем бы он ни был — геологом ли, топографом ли, почвоведом ли, гидрографом ли, — в отличие от разведчика-поисковика, обязан делать то, что до него не однажды делали другие. Он вновь, возможно, в десятый или сотый раз, определяет высоты, структуру почв, уклоны, расходы... Он должен сомневаться в самом очевидном, обязан все проверить самолично, все прошупать своими руками. Таков уж его удел!

Ясаков тем более должен сомневаться: он хорошо знает, как непостоянны среднеазиатские русла. Да и любые русла вообще. По мнению Игоря Владимировича Попова, доктора географических наук, одного из ведущих специалистов ГГИ, русла каналов подвергаются деформации в неменьшей степени, чем русла рек. Игорь Владимирович имеет в виду естественную деформацию русел. Но надо помнить, что русла каналов, кроме того, меняются еще и в результате самостоятельности хозяйственников, которые, преследуя свои узковедомственные цели, то тут, то там вклиниваются с водозаборами и даже плотинами, перестраивают отдельные участки ирригационного сооружения по своему разумению, внося таким образом в проект существенные поправки.

Короче говоря, Ясаков допустил бы непростительную ошибку, если бы, тщательно обследовав древние протоки, оставил совершенно без внимания искусственные, удовлетворившись только информацией, полученной в областном УОС. Без этого представление о современной гидрографии дельты было бы неполным.

...Небо, которое с утра было таким синим-синим, поблекло, пожелтело. Облачка, похожие на отбившихся барашков, давно исчезли за серыми песчаными грядами. Однако пора выбираться из тамарисков. Я должен обследовать по меньшей мере еще три петли-излучины да с десятков больших и малых „колен“ Майлыузэка.

9.

Теплая рукоятка ножа

23-24 сентября

От края и до края глинистая равнина, ровная и безликая. Натужно гудят моторы, машины мчатся по такыру на полной скорости. По такой дороге мы успели бы за день отмахать не одну сотню километров. Но, к огорчению Бирна и Богачева, Кызылкумы — это не только такыры. Это еще и барханы. А сыпучий песок даже наши вездеходы преодолевают с трудом.

Когда солнце уже пересекло полуденную линию, Ясаков высунул из кабины и показал темную полосу на горизонте. То была река Кувандарья. Там начинается новый этап работы. Кувандарья — трехсотпятдесятикилометровый проток древней дельты, впадающий в Арал. Стекая с рисовых полей, с обводненных лугов и пастбищ Левобережья, воды Сырдарьи лишь окольным путем попадают в Кувандарью и переливаются по ее древнему руслу в Арал. Кувандарья — единственный крупный проток дельты, имеющий право называться рекой. На картах он обозначен в виде синей ленты.

На другой день Ясаков сказал мне:

— Поднимись вверх по Куванке до рыбачьей избушки. Постарайся управиться до заката.

Я взял фотоаппарат, засунул под куртку за широкий ремень охотничий нож и пошел.

Через несколько минут машин уже не было видно, а я забрел в такие заросли, что идти стало невозможно. Чтобы пробиться сквозь эти плотные колючие заслоны, созданные природой, надо иметь доспехи из кожи носорога. А у гидрологов, как уже говорилось, на счет спецодежды туго. Лишь по личной просьбе Ясакова в штабе экспедиции, в Джамбуле, написали авизентовую робу. Но от нее все отказались. И только я надеваю эту робу, когда приходится отправляться в тугай. Куртка узкая, тесная, все время потрескивает, а штаны — как шаровары запорожца. Авизентовые доспехи тоже плохая защита от колючек. Я прошел не более километра, а уже весь исцарапан, исколот. Стараюсь идти по урезу Кувандарьи, по узкому топкому пространству между рекой и стеной тугая.

Продвижение тормозят не только заросли, но и записи. Валерий Сергеевич любит обстоятельность и точность. Он требует, чтобы в полевом журнале, кроме сугубо гидрографической информации, были также сведения о господствующей растительности речной долины.

— Растения в аридной зоне, — поучает нас командир, — являются надежными индикаторами увлажненности, показателями водности и засоленности. Умейте отыскивать воду хотя бы на полтора метра под собой. В трудную минуту это, по крайней мере, спасет вам жизнь...

Саша Цветков занимался накануне описанием растительности. Через каждые сто — двести метров он отмечал: „густой колючий кустарник“ или: „редкий колючий кустарник“.

Ясаков просмотрел цветковские записи и тихим безразличным голосом сказал:

— Саша, вот два куста — этот, что рядом, и тот, на котором рубашка сохнет. Оба куста колючие, бесспорно, почти без листьев, но разница между ними большая, чем между елью и сосной...

Но что с нас может требовать Валерий Сергеевич? Мы же не ботаники. Научились приблизительно, на глазок, прикидывать высоту берегов, да с нивелиром обращаться, да рейку точно ставить — и на том спасибо. Попробуй-ка разберись в этом симбиозе ксерофитов, галофитов и всяких-разных псаммофитов. Да некоторые из нас впервые видят жантак и песчаную акацию.

Мне кажется, о пустынях мы знаем не очень много. Оно и не удивительно. В рассказах и книгах путешественников, которые приходится читать, то и дело встречаешь такие ремарки: „Пустыня — это песчаные барханы, изнуряющий зной, редкие колодцы, колючий ветер с песком, миражи, змеи и скорпионы...“, „Органическая жизнь здесь подавляется, растительный

и животный мир скудны". Эти слова не выдуманы автором „Записок“.

Телевидение порой действует в том же духе. Однажды я смотрел научно-популярный фильм о бедлендах * пустыни Гоби. В объективе телекамеры случайно оказалась кустарниковая поросль туранги. Однако комментатор ни словом не обмолвился об этом редчайшем представителе породы листовных, произрастающем в пустынях, и твердил, что пустыня Гоби совершенно лишена растительности.

Нет ничего удивительного, что в представлении многих пустыня — нечто вроде лунного ландшафта. Впрочем, я и сам порой отдаю дань традиции: „глинистая равнина, ровная и безликая“ и тому подобное.

Конечно, пустыня есть пустыня. Порой действительно ничего не увидишь, кроме саксаула или солянок, песчанок или ящериц. (Хотя, вообще-то говоря, и это не так уж мало. Хорошо бы на Луне или на Марсе встретить ящерку!) И путешественники, пораженные эпическим размахом, цельностью таких пейзажей, или, напротив, удрученные их монотонностью, многого не замечают.

Нет, конечно же, замечают! Но за письменным столом они, очевидно, невольно отдают дань традиционным представлениям о пустыне. Да и поверит ли читатель в пустыню с рощами, травами и разнообразными животными?!

Когда находишься в таких вот зарослях, и самому мало верится, что это и есть Кызылкумы. Барханы маячат где-то вдалеке, а тут прямо-таки царство флоры. Но разве флора возможна без фауны?.. Вот и ответ! Прямо из-под ног взлетает фазан, клевавший розовую манну — соцветья и плоды тамариска, которые действительно не более крупинки манны. Ощетинившись темно-красными перьями, петух трескучим фейерверком взмывает вверх. Немного пролетев, он снижается на упруго выгнутых крыльях, похожих на яркие раскрашенные раковины.

Вид у зелени почти весенний. Деревья и кустарник, потерявшие листья и побегов в летние месяцы, вновь покрываются свежей зеленью. А на некоторых кустах жантака, который обычно цветет где-то в начале июня, даже алеют бутончики цветов. Над рекой склонился зеленокудрый кустарник. Но не прочно все это. Месяца через полтора свирепые бураны обглодают ветки, и тугай будет представлять собой жалкое зрелище.

Вокруг только тамариск. Но продравшись наконец сквозь его жесткую поросль, попадаю в чащобу чингиля. Отшагав же с километр по чингилю, оказываюсь в саксауловой рощице.

* Бедленд (англ.) — буквально „дурные земли“, Рельеф, состоящий из ветвящихся оврагов и разграничивающих их узких водоразделов. Бедленды характерны для горно-пустынных и полупустынных районов мира. Встречаются в Средней Азии и Казахстане.

Вот и разберись, что здесь господствует — жантак ли, чингиль ли, тамариск ли...

Вдалеке слышится сердитый посвист обеспокоенного петуха. Саксауловые деревья неподвижны. Словно они созданы не живой природой, а рукой художника-декоратора.

По саксаульнику тоже не особенно разгонишься, хотя деревья стоят и не часто. Жантак, акбаш-карелинция, терескен, образующие нижний ярус тугая, срослись и переплелись между собой, и ноги запутываются в них и как бы увязают. Идти дальше невозможно, приходится возвращаться к заболоченному урезу.

Я прошел не меньше десяти километров, когда наконец увидел рыбачью избушку. Постройка возвышается на самом гребне синеющего вдали бархана. Синими барханы кажутся только на очень большом удалении. Да и избушка как-то уж очень странно торчит на самом гребне, словно наклеена. Насколько мне известно, в казахстанских пустынях, где зимой свирепствуют ветры, жилища прячут в межбарханные понижения. Нет ли здесь подвоха? Уж не оптический ли обман — эта избушка на синем бархане? Не лучше ли вернуться? Солнце вон как низко, до захода осталось часа два, не больше.

Но контур белого строения на бархане столь реален и отчетлив, что я все-таки решаю идти дальше. Если там живут рыбаки, то они могут сообщить о Кувандарье немало интересного. Я должен добраться до рыбаков.

На некоторых участках естественный береговой вал реки изрезан арыками, изуродован какими-то искусственными земляными наростами. Все это как следует упрятано в тугайную чашобу.

Сажусь и обстоятельно зарисовываю схему орошаемого участка. Разумеется, все это делается во исполнение инструкции шефа.

Спохватившись, обнаруживаю, что багряный диск солнца вошел в сцепление с лиловой линией барханных гряд. Дальний бархан стал густо-синим. Порозовевший же кубик жилища теперь стоит не на бархане, а как-то странно висит в воздухе. Все-таки мираж? Или рефракция — оптическое искажение, когда предметы кажутся смещенными относительно своего истинного местонахождения? А хотя бы и не мираж! Почему это вдруг я решил, что вижу именно рыбачью избушку? Ведь не исключено, что это одно из тех пустынных чабанских зимовий, какие нам уже встречались в Кызылкумах. Не рановато ли я собрался хлебать уху?

На участке, где русло расширяется, я обнаружил сохранившиеся части плотины из саксаула.

Местами древесина рассыпалась в прах, а местами как бы окаменела от времени. Давно ли забыто это дело рук человеческих?..

Выше плотины Кувандарья разошлась обширным разливом.

Значит, плотина действует, создает подпор? Любопытно. Надо пройти, обследовать разлив.

Когда уже всюю завечерело, я решил выбраться на барханы правого берега, которые казались мне выше других. С их высоты я, может, хотя бы приблизительно оценю характер русла, которое вдруг утратило свою определенность, распалось по всей долине, превратилось в разлив. Мне все же хочется добраться до избушки. Жаль, что кончается день. Приходится обрывать обследование на самом интересном месте. А завтра, по плану, мы должны спуститься вниз по Кувандарье. Наш неутомимый командир считает nepозволительной роскошью задерживаться на одном месте хотя бы на один день больше того, что предусмотрено программой. График движения он выполняет прямо-таки с диспетчерским рвением. Я удивляюсь, как эта канцелярская педантичность уживается в нем с неподдельным интересом к растениям, к древним крепостям, мазарам, старинным оросительным системам, к местным обычаям — словом, ко всему, что не имеет отношения к выполнению плана работ, перед коим он благоговеет...

На юге, как известно, сумерки непродолжительны. И поэтому, чтобы не терять времени, я не стал раздеваться и вошел в воду как был — в одежде, с ножом за поясом. А фотоаппарат, блокнот и компас сложил в полиэтиленовый мешочек.

Ничто не вызывает во мне беспокойства, пока я бреду к барханам по пояс или по грудь в воде. Не смущает меня и то обстоятельство, что кое-где приходится пускаться вплавь. Одной рукой гребу, а другая, с фотоаппаратом, поднята над водой. Вот так же бывало и в далеком отрочестве. Прежде чем добраться до заповедных сазаньих ям, приходилось переплывать чуйские проточки. Одной рукой гребешь, в другой — банка с червями, соль, хлеб. А рубашка и брючки повязаны на голове тюрбаном...

Проплыл совсем немного, каких-то пятнадцать — двадцать метров. Глубина на разливах небольшая, и поэтому в основном я не плыву, а бреду по пояс в воде.

Странно все это, и мне не хочется верить очевидному — тому, что можно в конце сентября, на ночь глядя, бродить по воде. Наверное, потому, что я уже много лет живу в Ленинграде. Впрочем, и здесь, в Кызылкумах, год на год не приходится. Просто в нынешнем году очень жаркое и слишком длинное лето.

Лучше бы и не взбирался на бархан. Ничего не удалось выяснить. Края разлива уже размыты сумерками. Правда, дальний бархан по-прежнему хорошо виден. Но странное дело, где же избушка? Ее нет! Прошел по гребню песчаной гряды, поднялся на другой бархан, казавшийся мне более высоким, но и отсюда не увидел избушки...

Всюду была вода. Разливы Кувандарьи, словно лезвия кривых мечей, глубоко вонзались в тугие туши барханов. Я решил пройти еще немного вверх по течению и начал пере-

бираться на другую гряду барханов. „Мечи“ только издаleка казались узкими. На самом деле водой залиты большие пространства.

Я плыл-брел по воде, а надо мной со свистом носились утки. Они шлепались в воду и снова взлетали. Я взошел на гребень очередной гряды, но и тут обнаружил перекрещивающиеся „мечи“. Вода блестела со всех сторон. Барханы, по существу, оказались аралами, то есть островами. Впервые за много дней я видел такое количество воды. Все же как мало это похоже на Кызылкумы.

Идти вперед теперь, в потемках, нет смысла. Да и куда идти? Призрачная избушка больше не маячит на бархане... Я почувствовал усталость и даже безразличие, обыкновенное в таких случаях, и присел на какой-то холмик. Небо вовсю светилось и сверкало звездами, яркими, крупными, сгученными в светящиеся пятна. Луна еще не взошла. Зловеще чернели редкие узловатые деревца саксаула.

Вдруг во мне шевельнулось чувство беспокойства и тревоги. Сначала это было только смутное ощущение. Но оглядевшись, я обнаружил, что сижу у волчьей норы. Песок подо мной шелестел, осыпаясь в черный провал логова. Казалось, его только что вынули из норы. И тут раздался протяжный жалобный стон. Звук был сильным, неожиданным. Меня словно подбросило. Я прыгнул в сторону, в руке сверкнул нож. Отскочив, я замер, прислушиваясь. Но стояла такая тишина, что в ушах звенело. Деревца, причудливо обрисованные сумеречным светом, были похожи на каких-то человечков-уродцев. Протяжный стон повторился. Но на этот раз он сопровождался плеском. Я сунул нож на место, подошел к норе, поднял фотоаппарат и спокойно отправился дальше. Стон и плеск доносились с разливов — гомонилась какая-то птица. Вокруг же стояла тишина, в небе насмешливо мигали звезды. Тускло мерцали воды разливов.

Я снова вошел в воду и побрел, раздвигая камыши. Я перебирался на правый берег, чтобы вернуться к лагерю. Края разлива были неразличимы в темноте. Вода была теплая, как парное молоко, а под ногами ощущалось твердое песчаное дно. На смену тревоге пришло ощущение безмятежности.

Примерно на середине разлива, где было глубоко, я лег на бок и поплыл. Лево́й рукой греб, а правую, с мешочком, поднял над водой. Я шумно дышал, за мной тянулся черный хвост взмученной воды, в вытянутой руке тускло блестел полиэтиленовый мешочек. Какому-нибудь страннику, блуждающему подобно мне по тугаю, с берега могло показаться, что разлив пересекает какая-то водяная рептилия. В этот раз плыть пришлось довольно долго. А может, мне так показалось из-за усталости.

Почувствовав снова под ногами дно, я обрадовался. Мне казалось, что самое неприятное позади — я пересек не только

разлив, но также русло самой Кувандарьи. И сейчас вот выйду на „родной“ берег — тот, на котором разместился наш лагерь. При мысли, что я возвращаюсь к товарищам, к саксауловому костру, к теплому спальнику, мне стало как-то особенно легко.

Когда до берега оставалось метров пятьдесят и вода уже не доходила до пояса, я остановился, прислушался. Может, рыбацья избушка все-таки рядом, и я услышу человеческие голоса или собачий лай? Как-то не верилось, что домик, маячивший на синем бархане, — всего-навсего оптический обман. Но передо мной стояла черная стена тугая. Тянуло холодом. С берега ползли жидкие космы тумана. Доносились жуткие вопли и завывания шакалов. Теперь берег казался мне чуждым и мрачным.

В тугае я обнаружил неторную, заросшую тропу и пошел по ней. Мохнатые кусты жантака бьют по ногам, впиваются своими бесчисленными колючками в тело. Чтобы защитить лицо от шипов чингиля и пружинящих веток тамариска, выставлю перед собой локти.

Примерно через час я вышел на заброшенную и тоже сильно заросшую дорогу. Наверное, эту дорогу с большим трудом пробили сквозь тугай, и теперь ее душит кустарник. Впрочем, местами тугай далеко отступает от дороги, и тогда становятся видны барханы с белеющими в ночи склонами и темными пятнами растительности. Они напоминают прилегших отдохнуть пестрых гигантских быков.

Иногда останавливаюсь, чтобы осмотреться, проверить направление. Это удивительные минуты. Я слышу стрекот цикад, какую-то возню в зарослях, сопровождающуюся шорохом, треском сучьев; ощущаю густые тугайные запахи...

Отдельные кусты саксаула и тамариска, опутанные и повилкой, затянутые густой листвою ползучих растений, матово светятся в лунном свете. Они напоминают шатры массагетов — среднеазиатских скифов, древнейших обитателей дельты. Откуда-то доносятся протяжные крики неизвестной мне птицы, какой-то скрежет, и снова слышится шуршание опавших листьев и веток. Уголок дельты живет своей заповедной жизнью. Я прислушиваюсь к суете сущего мира. В грудь, в спину, в затылок мне направлены сотни пар фосфоресцирующих или самых обыкновенных глаз. Малые и большие существа, наливаясь яростью, обоняют враждебные запахи человека, замирают, прежде чем шмыгнуть в сторону, подальше от опасности. Пытаюсь представить весь этот окружающий чуждый мне мир, ибо прежде всего я сам ему чужд, и рука отскикивает теплую рукоять ножа.

Но будто в тугае можно кого-то бояться! Хищники тут, конечно, есть. Один чабан рассказывал мне, как на него зимой напали волки. Звери уже хватали коня за задние ноги. Выручил помощник чабана — его жена. Она сунула в очаг, где варился ужин, телогрейку и, размахивая ею, как горящим

факелом, верхом на лошади разогнала стаю по такырам. Не очень-то к месту все это вспоминать сейчас.

— Мне бояться нечего, — говорю вслух.

Услышав человеческий — хотя бы и собственный — голос, я марширую более уверенно.

Но в самом деле, кого человеку бояться в тугае? Волков? Шакалов? Кабанов? Да мы их сами пораспугали тут криками, шумом моторов, чадом выхлопных газов... Да и Никифоров, наверное, по своему обыкновению, молчком отправился в заросли. Сидит где-нибудь в засаде на кабана с казенным расшатанным „чоxpалом“, с которым, по словам Бирна, еще на Мамаю ходили. И хотя все кончится тем, что, насытившись покоем тугаев, вдоволь наслушавшись шорохов и звуков, наш охотник в конце концов заснет, однако уже одним своим присутствием он спугнет зверя.

Что и говорить, человек теперь вездесущ. Выражения „непроходимые дебри“, „дикая глушь“, „нехоженные звериные тропы“ теперь, увы, имеют чисто метафорическое значение. Техника позволяет человеку проникать всюду. И он, пользуясь этим обстоятельством, безжалостно и повсеместно, пусть порой и невольно, преследует зверя.

Уснул Никифоров или бодрствует? Внезапно мне приходит в голову мысль, от которой я даже останавливаюсь. Вот кого мне надо бояться — Никифорова! Услышит, как я продираюсь через тамариск, пальнет-спросонья на шорох. Поговаривают, так он однажды завалил совхозного быка, за которого потом Протасову, начальнику Джамбулской экспедиции, как следует нагорело.

Подумав, я пошел вперед, однако для смелости-бодрости мурлычу песенку. Авось Женя в своем секрете раньше услышит мой голос...

Время от времени пробираюсь к барханам, обрамляющим речную долину, чтобы с их высоты высмотреть бивачный костер. Но с барханов видны лишь матово-серебристые недвижимые волны зарослей. Тугай скрывает не только стоянку, но даже излучины самой Кувандарьи. Возвращаюсь к руслу и снова бреду по урезу.

И так проходит ночь.

На рассвете, когда звезды побледнели, а тугайные шатры почернели, я услышал выстрелы с интервалом в полминуты. Скорректировав путь по сигналам товарищей, через полчаса я уже был в лагере.

10.

Уха на ухвостье бархана

30 сентября

Колонна на полном ходу ворвалась в крохотный, совершенно безлюдный поселок, приютившийся на ухвостье бархана.

Из печной трубы мазанки, возле которой мы остановились, торчит тростинка камыша, увенчанная роскошной метелкой. Слабый ветерок раскачивает ее, и она полощет, словно вымпел, радуя своим шелковисто-зеленым блеском.

Из лачуги, над которой развевается зеленый вымпел, вышел дюжий мужчина с ассирийской бородой.

— Эх, из Ленинграда! — воскликнул он, прочитав надпись на бампере вездехода.

— Рыбак я, Платонов Николай Дмитриевич, — степенно представляется он и приглашает всех к себе.

Но в глинобитной рыбацкой хижине без окон, без дверей — мы вошли в проем в стене — кроме самого Платонова, едва ли

могло поместиться еще человека два-три. Свет в жилье падает из узкого, похожего на бойницу отверстия.

— Первым делом,— объявляет Платонов,— я вас ухой угощу.

— Нас вон сколько, на всех не хватит,— шутливо отзывается Валерий Сергеевич, который на самом деле просто не собирается здесь долго задерживаться.

— Но-о! Много... А это разве мало? — Рыбак приподнимает деревянную, лоснящуюся от копоти и жира крышку. В трехведерном казане лежат головы и прочие лакомые части сазана.

Платонов, задумчиво глядя в котел, добавляет:

— Пожалуй, на целую артель хватит. Ко мне должен рефрижератор за рыбой прийти. Вот я и наготовил. Для водителей. А они, шайтан их задери, застряли где-то, наверное, бешбармачат у чабанов... Ну так что? Будем хлебать?

Но Валерий Сергеевич решительно отказывается. До заката надо выполнить запланированную нивелировку, развернуть лагерь, выкупаться, постирать. Дел много. К рыбаку же он завернул лишь для того, чтобы уточнить кое-какие ориентиры и оставить здесь меня, своего „агента“ по сбору информации.

Когда Ясаков развернул карту, а Платонов надел очки, все стало ясно. Вот она, та самая избушка, мы в ней как раз находимся. Я же два дня назад тащился неведомо куда, совсем в другую сторону. Развалины, в которых обосновался Платонов, когда-то были собственностью гидростанции. О них нам и толковали в Кызыл-Орде. Теперь же станция переведена в поселок Жанакалинский. А в глинобитных строениях, кроме Платонова, „прописались“ воробьи, сычи да одичавшие коты.

Через несколько минут избушка опустела. Можно приступать к работе. Но стоки и расходы воды у моего собеседника скорее всего могут вызвать зевоту. Чтобы установить контакт, специальные вопросы оставляю на потом. Времени в моем распоряжении много, в лагерь я должен явиться только утром.

Для начала поинтересовался промыслом. И, кажется, не ошибся.

— Идем покажу, а то еще не поверишь...

Мы вышли во двор, где среди мохнатых кустов терескена и жантака валялся рыбацкий инвентарь: шесты, весла, вентери, огнетушители, точнее, их корпуса, приспособленные для хранения керосина,— все небрежно брошенное, но все непременно нужное Платонову.

Кувандарья лизала подошву бархана.

Рыбак спустился к урезу воды, где стояли две лодки, поднял край брезента, которым было что-то накрыто. Ого, сазаны, да какие большие! Видно, немало времени они тут лежат: бронзовые доспехи успели потемнеть на воздухе. Неужели этот замечательный улов пропадет?

— Ну как добыча? — спрашивает Платонов, довольный эффектом.

Вернувшись в хату — так рыбак называет свою лачугу, — приступаем к делу. Николай Дмитриевич отвечает на мои вопросы, рассказывает о повадках реки, а я записываю. Конечно же, рыбак рассказывает по-своему, цифр здесь почти нет, а „лирические отступления“ в его информации занимают, по существу, главное место. По опыту знаю: перебивать нельзя. Хуже всего, если рассказчик-информатор потеряет интерес к беседе.

Забегая наперед, признаюсь, что теперь, перечитывая свои путевые записи, сведения о повадках и уровнях я как раз пропущаю. Особый интерес сейчас представляют для меня именно „лирические отступления“.

Беседа наша разворачивается неспешно. Платонов, чувствуется, во всем любит обстоятельность.

— В последние годы норы Кувани изменился. Раньше как было? То Кувань выходит из берегов, то песок в ямах все лето сухой. А теперь вода в узбое круглый год. Весной воду в Кувань отводят. Из Сырдарьи. Чтобы плотину Тасбогетскую не порвало. В Жанадарью еще отводят, если по Сырдарье воды много. Летом Кувань тоже с водой. Потому как с полей лишку в Кувань сбрасывают. Выгодное у Кувани место. Она ведь по низкому месту течет. Не то что другие узбои... Насчет глубины, чтобы не сбрехать, ничего не скажу. Поедем вентеря проверять — сам шестом померяешь. Я тебе зарубок на шесте наделаю — меряй на здоровье!

— Вот говорят — орошение, орошение. Но вода тоже умение требует большое. Ведь как бывает? Зальют поле сверх меры, а сливать воду и некуда. Тогда сбрасывают лишек куда ни попало. Только бы урожай не загубить. Смотришь, рядом с чеком рисовым или полем кукурузным, на лугу, куда воду отвели, — соль выступила. Земля без воды не родит. Но избыток влаги — ей тоже вред. Вода стоячая из почвы соль наверх тянет. Так-то.

— Ты посмотри, что творится на правом берегу Сырдарьи, возле Чиилей. Голимые солончаки! У нас же, на левом берегу, еще больше орошаемых земель, а солончаков нет. Почему?

— Почему? — спрашиваю я.

Рыбак охотно разъясняет:

— А потому как два канала собирательных тут да Кувани! Вот если бы и в других местах было устроено так, как на Кувани...

— А как на Кувани?

— Сейчас растолкую. Водой сырдарьинской в первую очередь пользуются рисоводы. Лишку же они сбрасывают в каналы собирательные. Я тебе говорил: их два у нас — верхний да нижний. Верхний в аккурат по старому руслу Сазузья прокопан. А нижний — по старому руслу Кувани. А сама Кувань

теперь считается с того места, где каналы собирательные сходятся. (Да это же схема коллекторов, над которой мудруют Ясаков и Петухов! Не пропустить бы ни одного слова...)

— Воду же из каналов собирательных, — косясь в мой блокнот, продолжает рыбак, — в свой черед чабаны качают на пастбища и сенокосы. А как вода с лугов обернется, тут мы, рыбацкишки, своими вентерями ее процеживаем... Видишь, Кувань с умом пользуется. Рисоводам — польза, чабанам да пастухам — польза, рыбакам — тоже корысть немалая. Я ведь не один ловлю на Кувандарье, тут стоит несколько рыбацких артелей.

Николай Дмитриевич замолчал, а я подумал, как хорошо его бесхитростный рассказ согласуется с ясаковскими рассуждениями о коллекторах. Пауза длилась недолго. Рыбак, видно, рад возможности поговорить и не хочет ее упускать.

— Ты говорил давеча — пустыня. Действительно, куда ни глянь — барханы, а Платонов среди них — что тебе бирюк... А по-моему, одна только видимость, что пустыня. Если смотреть в корень, то и нет никакой пустыни.

— Видел я в молодости степь акмолинскую. Вот пустыня! Там совсем нет никакого разнообразия. И солнце летом жарит не меньше нашего. Однако ведь никто не говорит, что Акмолинск — Целиноград по-новому — в пустыне поставлен. Потому что земля акмолинская хлеб родит. Наша ж земля тоже добрая. Только труд к ней надо прилагать с разумением да с пониманием. Погоди ты с водой! Про воду я тебе толковал... Конечно, без воды житья у нас нет. На севере человеку прежде всего обогреть нужен. А у нас — вода всему голова. Хоть мутная, хоть даже соленая. Иное растение и соленой водой не брезгует. Кендырь да тамариск, замечал я, и к горькой воде приспособляются. Казахи правильно говорят: где вода, там и жизнь... Еще что насчет пустыни скажу. Пустыня — это где пусто. Сгорел лес — вот и пустыня. Вытоптала степь овца — пустыня. Прошел пожар по тугаю — пустыня. Почву ветер унес — опять пустыня. А у нас на барханах вон разнообразие какое. Тут всякое плодится и произрастает... Ты на Сырдарье видел пасеки?

— Пасеки?!

— Не видел, значит. Иные ловкачи кзылординские на бросовых землях мед собирают. Да-а-а... Видишь ли, поля незасеянные у нас незамедлительно чингилом зарастают. Чингиль — это колючка такая, кустарник, обильно он у нас плодится. Его чабаны не любят и жгут. В чингиле шерсть овечья качество теряет... Цветет он в мае. С виду невзрачная такая чапыга, а как зацветет — краше яблони. Вот пчела и летит на эту чапыгу, на чингиль, значит.

— Да как же мне про пчел не знать, когда Михаил Захарыч — он мне сосед, наши дома в Кзыл-Орде на одной улице — уж сколько лет пасеку держит. После войны он был таким же рыбаком, как и я, вместе одной артелью из ям сыр-

дарьинских сомов таскали... Вот была рыбалка, скажу тебе! — Бывало, наловим, а машина из города не идет и не идет. Тогда рефрижераторов не было, на полоторках возили. Да и тех было — раз-два и обчелся. Чтобы рыба не пропала, мы ее в садок отправляли — такая большая плетеная корзина всегда стояла в воде. У нас с Захарычем садок был как вот с эту избу. Но, скажи, сома, у которого голова, что котел, разве в садок поместишь? Такие чертяки попадались, что держись. Мы их на аркан сажали. Продевали сквозь жабры тонкий волосаной аркан и, как быков, привязывали к столбу. Столб на берегу вкопан, а сомы, конечно, в яме плавают. Только на аркане... Да что я тебе все про сомов! Теперь таких в Сырдарье все равно нет...

— Так вот, был Захарыч таким же рыбаком, как и я, а как вышел на пенсию, мед наловчился качать. Чуть зацветет чингиль, он со своими уликами уж на Массабает торчит. Есть такой узбой мертвый близ Сырдарьи. В русле того Массабает как раз чингиля много.

— Раньше мы пользы особенной в чингиле не видели. Чапыга и чапыга. Хлебопеки наши кзылординские его только и любили. Хлебозавод чингиль тоннами заготовлял. Чингиль тоже ведь жар дает...

— Разошлись с Захарычем вроде бы наши стежки-дорожки. Но иной раз мы бок о бок о промышляем. Только я в воду лезу, а Захарыч — в тугай. Все одно он больше возле воды держится. Нынешним летом он, как и я, на Кувани стоял. По выше Жанакалы, в аккурат, где ты зря мою избушку искал.

— Так ведь там чингиля почти нет!

— А жантак? А тамариск, гребенщик по-нашему? Особенно богатый взяток пчела с жантака берет. Хороший мед жантаковый, целительный. Тут, замечал я, пчела не только с цветка берет. Она, оказывается, пудрой сладкой не брезгует, что на листьях и стеблях образуется.

— Но самый лучший, скажу тебе, мед кендырный. У спелюлянтов на базаре он по высокой цене идет... Захарыч долго не ведал, что у него за мед. А узнали мы с ним про кендырь вот как. Заехал я однажды к нему по пути попить чайку мятного. Захарыч всегда чай мятой заваривает. Иногда и череду еще примешивает. Мята дух дает, череда — цвет вишневый. А фабричной заварки у него никогда не бывает. Говорит, фабричный чай горло дерет и сердце от него в жару заходится. А мятный чай бодрит.

— Вот гоняем мы с ним чай с медом, вспоминаем прошлое наше рыбацкое житье-бытье. А я возьми да и скажи, что мед кендырем разит. Нет, отвечает Захарыч, пасека в чингиле стоит... Пасека, успоряю я, может, и в чингиле, да мед кендырем разит. Попили чайку, пошли на место спор решать.

— Спустились в лощину, где маленькая полоска кендыря к чингилю притудилась. Мать честная! Метелки цветочные от

тяжести к земле погнулись. Черным-черно, пчелы одни, а цветов и не видать. Выходит, пчела чингилю-кендырь прѣдпочла. Откуда, скажи, у такого ничтожного насекомого понимание?

— Уж подивились мы тогда с Захарычем. Ведь кендырь этот самый после войны на луб заготовляли. Мы из него нитку сучили. Износу кендырному вентеру не было... Нет, что ты! Не мочалим теперь кендырь. Зачем? Теперь капрон, слава богу, есть.

— Видишь, луб капроном заменили. Хорошо. Горя теперь рыбаки не знают. Но скажи, найдется ли такой ученый, который мед искусственный изобретет, да еще лучше кендырного?

Разумеется, ответа на свой вопрос рыбак не ждет. Он-то знает, что мед в Кызыл-Орде будут продавать до тех пор, пока на берегах Сырдарьи, в руслах узбоев сохранятся тугайные чащи и тугайные травы.

Возаряется молчание. Но это не то тягостное молчание, когда собеседникам не о чем говорить. Старик как бы растягивает удовольствие общения. Рыбак рад встрече с незнакомым человеком. В этом нет никакого сомнения. Одиночество люди переносят так же плохо, как и сутолоку, невозможность побыть наедине с самим собой. Лично я многолюдье, суету не люблю, но в отшельническое счастье отцов церкви и Робинзона Крузо не верю.

Помолчав, Платонов продолжает:

— А нынче у Захарыча не в пример слабо с добычей. Только двадцать фляг накачал...

— Двадцать фляг?!

Николай Дмитриевич это восклицание истолковывает по-своему.

— А и я говорю, что слабо. В прошлом году он полторы тонны сдал в магазин. А нынче — только двадцать фляг... Чингиль зацвел было дружно, да ветры каждодневные цвет обтрепали, взятюк весь выдули. У пчеловода, что у рыбака: год на год не приходится. Все от удачи зависит. Поэтому я не поддаюся на агитацию Захарыча, не бросаю свой вентер. Тут я все же кое-что кумекаю, а в пчелином деле года два-три в подмастерьях надо ходить...

— Видишь, какие места славные у нас. Если трава, то в колено, если рыба, то во! — старик выбросил свою могучую длань, показывая, какая рыба водится в „узьях“. — А в тугае чапыга полезная да зверь редкий. На вид наша земля так себе — суглинок да супесь. Чернозема и в помине нет. А что только не растет! И арбузы, и рис, и лук. На бросовых же землях — чингиль да жантак, тоже видишь, на потребу человеку. Какая ж тут пустыня...

— Слушай, — поинтересовался Платонов, усаживаясь поудобнее на трещавшем топчане, занимавшем пол-избы. — Если сибирская вода по вашему каналу пойдет — Жанадарье что-нибудь достанется?

Я сообщил, что Жанадарья на некоторых участках, возможно, станет частью канала.

— Вот и хорошо, коль Жанадарья с водой будет. Там по берегам как раз земли плодородные. Они пользовались давно, а теперь как следует отдохнули. А главное — на Жанадарье рыбы-зверя в достатке будет. Поболе, чем на Кувани. Жанадарья против Кувани, что Волга против Урала. Ничего не скажешь, просторный узбой. Как вода в Жанадарью хлынет — тугай в рост пойдет, а в тугае зверь в несметном количестве расплодится.

На бархане вдруг отчаянно залаял пес. Платонов, замолчав, прислушивается.

— Опять на барашка брешет. Бродит тут один. Видать, от стада отбился на перегоне. Попробуй отару в тысячу голов сквозь саксаульник или чингиль провести. Тут искусство немалое требуется. А чабаны кто? Кой-где вчерашние школьники. Вот они и теряют овец своих. А мой барашек, беспризорник, нонешней ночью, видать, натерпелся страху... Проснулся, слышу — концерт. Шакалы, значит, поют. Да так дружно, ну, прямо хор Пятницкого. Да все ближе, ближе. Это, значит, барашек жметя к хате, а те к барашку подгребают. А Пиратка мой под кровать забился. Бесплезная дворняга. Да я к нему привык. Пристыжу — виноватым прикинется. Не то что кошачья порода. Коту мои слова — нуль. Да и не живет он почти в избе, бродяга какой-то. А Пиратка все около меня отирается, к голосу все же прислушивается... Да, прижался, значит, барашек к мазанке, а шакалы вокруг зубами щелкают. Я все это наблюдаю в окно — через вон ту амбразуру в стене, под потолком. При луне-то хорошо видно... По правде, мне их концерт не шибко понравился. Грустные у них мелодии. Что у сычей. У тех такие же ноты. Вышел я, жажнул вверх из „чохпала“ два раза. Тут и Пиратка ободрился, с порога лаять стал. Поутихло. До утра шума не было слышно. На рассвете вышел — смотрю, мой барашек терескен на бархане ошпыивает...

Однако пес лаял не на барашка, а на всадника.

— Эй, есть хозяин в доме? — окликнул по-казахски подъехавший, не слезая с коня.

— Есть, входи, гостем будешь, — тоже по-казахски и тоже не слезая с топчана, ответил Платонов.

Всадник, немного помедлив, спросил, не видели ли мы трех чокчоров черных. Платонов ответил, что не видели.

Гость спешился, осмотрелся и, не обнаружив столба или кола, привязал коня за оголенное ветром одревесневшее корневище терескена. Управившись с конем, он вошел в избу.

— Ассалаягалейкум! Алейкумассалом! — гость и хозяин, вставший с топчана, церемонно приветствуют друг друга.

Присмотревшись к Николаю Дмитриевичу, чабан вдруг вскрикивает:

— Ай, урус!

Гостя удивило, конечно, не славянское обличье рыбака, а то, что он, будучи русским, так превосходно владеет казахским языком.

Платонов немедленно предлагает гостю уху, и тот без лишних слов усаживается за толстую плаху, заменяющую рыбаку стол.

Нургали — так зовут гостя — уже третий день ищет отбившихся баранов.

Платонов рассказывает ему про ягненка.

— Что же ты меня ухой угощаешь? Бешбармак, наверное, лучше! — шуточно отзывается чабан.

— А вдруг хозяин, вот как ты, будет искать?

— Ай, не будет. Что — нечего делать? Кто тысячу голов бросит, чтобы одного ягненка искать? Я — совсем другое дело. У меня три кочора племенных пропало, каждый будет с теленка. Да и то не хотел искать. Вот уехал, а там с отарой сынишка-школьник остался да жена. Разве им управиться? Можешь барашка считать своим, пока его шакалы не отоварили.

— Своего нет, чужим сыт не будешь, — примерно так, но уже по-казахски отвечает Платонов.

Беседующие изъясняются одновременно на двух языках. Очевидно, и тому, и другому доставляет удовольствие показать знание чужого языка.

Проговорив с Платоновым почти час, Нургали вспоминает, что он спешит, что ему надо до заката добраться хотя бы до Жанакалы. Но и после этого разговор продолжается, по меньшей мере, еще полчаса.

Нургали по-детски восхищается, что Платонов живет в развалинах совершенно один.

— Я и за тысячу рублей не согласился бы жить в таком диком месте! — восклицает чабан.

Странно, конечно, от кызылкумского овцевода слышать эти слова. Но вообще-то Нургали понять можно. Скотоводы испокон веков кочуют и работают семьями. Чабан только в течение дня остается один на один с собою. А на закате он, как правило, возвращается к юрте, к родному очагу, где его встречают жена, дети — семья, одним словом. Жизнь отшельника, которую ведет во время промысла Платонов, кажется Нургали удивительной и необыкновенной.

Наконец мы поднимаемся со своих мест и выходим наружу. Прощаемся. Нургали должен поспеть до заката в Жанакалу, а нам предстоит проверить снасти. Да про паводки не забыть, про уровни — что-то маловато пока информации по существу...

— А барашка ты все-таки заведи, все равно пропадет! — отъехав на некоторое расстояние, кричит Нургали.

— Не иначе пропадет, — соглашается рыбак. — Да ведь сроду чужого не брал...

Вечереет. Тепло, тихо. Самый обыкновенный сентябрьский вечер в Кызылкумах. Высоко в небе, время от времени вскри-

квивая, кружит птица, похожая на цаплю, — „кваша“. Рыбак, подражая ей, тоже квакает. Птица снижается. Платонов квакает еще раза два — и птица садится на бархан, почти рядом. Было чему удивляться. Я бы никогда не поверил, что осторожная квакша может быть так простодушна.

Платонов доволен. Сталкивая лодку на воду, он поясняет:

— Мы тут, в барханах, по-всякому можем толмачить. Даже по-птичьему. Человек — он же никак не может без общества.

К вентерям едем на двух дощаниках — лодках-плоскодонках. Впереди — Платонов, я — следом.

Николай Дмитриевич важно восседает на корме плоскодонки, не спеша гребет коротким веслом то с одной, то с другой стороны. А то и вовсе не гребет, прислушивается к всплескам, шорохам и другим звукам, скользящим над лилово-сиреневой гладью. Корма под тяжестью его могучего тела осела, и свисающие полы пиджака чертят на воде след.

А я свою лодку толкаю шестом. Мои движения и действия точны и последовательны. Я опускаю шест вертикально у борта, запоминаю зарубку, затем, сильно оттолкнувшись, записываю отсчет. Измеренные глубины отмечаю на плане, набросанном от руки.

Таким образом, я ловлю сразу двух зайцев — двигаюсь вперед и произвожу промеры глубин.

Но вот мы добрались до ставок. Платонов принимается за дело. Он извлекает из вентеря трепещущих сазанов и самых резвых глушит веслом, чтобы не выпрыгивали из лодки. А между делом дает мне указания, руководя промерами.

— Пойдешь вот так, наискосок от бархана к вон той чингилине — глубина одинаковая, везде четыре метра. А под той кручей с жантаком на взлобке можешь не мерять. У тебя шест около семи метров, а там — восемь с лишком. Точно тебе говорю, я самолично шнур с грузилом опускал. Так что можешь записать с моих слов...

Закончив промеры на „платоновской“ яме, спускаюсь ниже: я решил произвести промеры всего колена.

Оттуда, где со своими вентерями остался рыбак, доносится плеск и время от времени — глухие удары.

Начало темнеть. Я вернулся к рыбаку, который еще возился с вентерями. В лодке, широко разева, круглые желтоусые рты, лежали отборные сазаны.

— А у вас в Неве такая водится? — спрашивает рыбак.

Отвечаю, что в Неве колхозники промышленляют миногу и лосося.

— Ну уж и лосось. План по пуду в месяц на весь колхоз... Да знаю твоего лосося. Во время войны, когда я был красноармейцем, ловил его для солдатской кухни. В самый шторм ловил, чтобы немец не засек. Бывало, выйдем, а вокруг горы водяные. Помотало меня на невской волне. Дорого доставалась нам та рыбка. Знаю и Неву, и Финский. Воды там, ко-

нечно, поболее нашего, а насчет рыбки все-таки не густо... Во! Что-то тарахтит. Слышишь? Кажись, машина... Нет, не машина. Это самолет московский на Алма-Ату. Он всегда в это время надо мной пролетает, через вон ту гору Карак путь держит...

— Эх, шайтан их задери! — Платонов безо всякого восхищения смотрит на свой богатый улов. Потом молча достает из нагрудного кармана пиджака какую-то замасленную бумажку и подает мне. А сам закуривает. С трудом разбираю в сумеречном свете слова: „Почему слабая добыча? По-видимому, слабо работаем и не интересуемся выполнением плана. Надо поднажать. Инженер И. Синьков“.

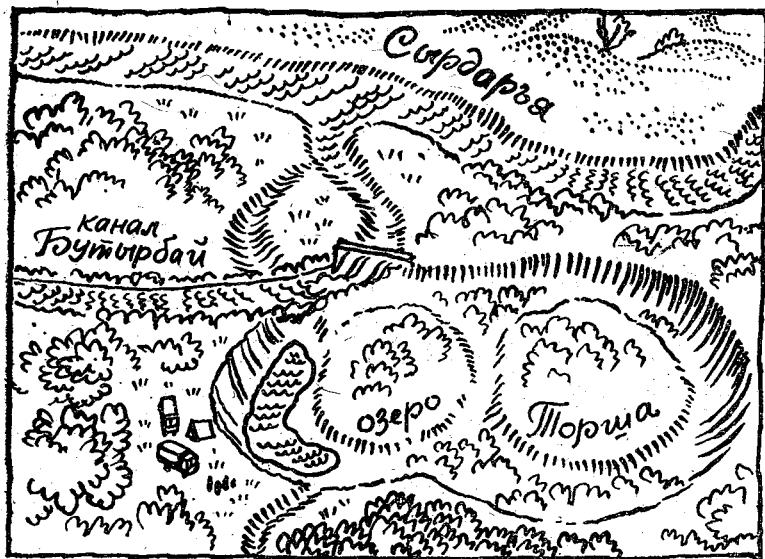
— „Слабая добыча“! А я здесь тушу рыбу!!!

— А если засолить их? — кивнул я на крутобокие, увесистые, словно саксауловые поленья, туши сазанов.

— Но-о-о! Чтобы меня потом контроль оштрафовал — мол, для себя заготовил или для продажи?.. Ну, ладно, что мы тут грустные песни, как сычи, затянули! Давай-ка лучше возвращаться. Ночь уже. Этих-то сазанов я не протушу. Укрою водорослью, до обеда с ними ничего не случится. А там, глядишь, и рефрижератор придет.

В небе дружно высыпали звезды. В тишине гремят наши весла и шесты, булькает, шумит рассекаемая лодками вода. Прижимаясь к берегу, под покровом ночи возвращаемся на стан.

В темноте белеет хата рыбака. Еще несколько толчков шестом — и дошаник выползает на пологий берег, мягко шуршит сырой песок,

11.

Сырдарья

Воспоминания

Утром Ясаков отменил свое вчерашнее распоряжение. Вместо того, чтобы сняться с бивака и распрощаться с Сырдарьей, отправляемся на обследование озера Торшакуль, соименного левобережному урочищу.

Здесь, в этом восточном углу дельты, где красуется кружочек с цифрой „1“, мы работали два месяца назад. Но какие-то сомнения одолевают начальника партии, и он, прежде чем отправиться на ту сторону, назначил еще два-три профиля.

Итак, мы снова на Сырдарье. Где-то здесь мы встречались с курганцами. Партия Воробьева, по нашим сведениям, полученным в поселке Жанадарьинский, закончила нивелировку семидесятикилометрового поперечника и уехала в Курган.

На автотрассе Кызыл-Орда — Чимкент мы полагали быть первого октября, а сегодня уже шестое. Планировали уложиться в восемь недель, а вот уже разменяли девятую. Раздаются голоса протеста. И тут уж комиссару приходится вступать в свои права. Объясняю недовольным, почему мы за-

держиваемся. Хотя, честно говоря, мне и самому немного непонятно решение начальника партии.

Сегодня Ясаков послал меня на помощь Никифорову. Предупредил, что участок нивелировки трудный.

И вот мы с Женей бредем по тугайным неторным тропам. На ветвях чингиля и тала теперь уже совсем немного листьев. Ветры, дувшие в последние дни, сделали свое дело. Даже тamarисковые кусты выглядят общипанными. Правда, часть листвы вместе с побегами опала еще летом. Тугайные „леса“ считаются листопадными. Но, скорее, это веткопад, чем листопад. Тугай стал редким, сквозистым.

А как прекрасна туранга, переменившая, но еще не сбросившая свой наряд! Как ярки ее желто-оранжевые и охристые кроны-шары, выделяющиеся среди бурых и серых зарослей чингиля! Радует глаз и джида, тоже сохранившая еще свою листву.

Сегодня вообще замечательный день. Небо необычно темносинее. Солнце, хотя и всю сияет, но не печет. Солнечные лучи скорее ласкают, чем греют. Отовсюду доносятся запахи тугайной палой листвы, терпкие или же горьковато-пряные, как в лесу или саду осенью.

Продираемся сквозь чингиль. Женя, плотный, квадратный, обычно прет сквозь кусты напролом, только сучья трещат. Ломится, как танк. За его спиной можно идти хоть целый день. Но участок, который выделил нам шеф для нивелировки, нелегко осилить даже Никифорову. Непростое дело — пробиваться сквозь колючие заслоны, простеганные побегами чингиля и джиды, тонкими, крепкими, гибкими, покрепче сыромятных ремней. Никифоров вырывает треногу из цепких объятий кустарника и разными словами поминает Ясакова.

Усаживаемся передохнуть под сень джиды. Ее ветви, унащенные густой серебристо-зеленой листвой, повисают до самой земли. Под деревом тихо и прохладно, как в юрте. Наконец-то минута блаженства...

— Во, слышишь? Фазаны, — шелчет Никифоров, прислушиваясь к однообразному посвистыванию, похожему на звуки испорченной флейты.

Но почему фазаны? Разве их тут много? У меня такое впечатление, будто какой-то непутевый петушок заблудился в тугае, никак не может выбрать среди бесчисленных тропинок нужную ему и зовет своих собратьев на помощь. Никифоров же пытается определить по голосам, сколько молодых задир кружит друг за другом вокруг нашей „юрты“.

Никифоров заядлый, но какой-то странный охотник. Мне рассказывали в Джамбуле о его странностях.

Года два назад Никифоров жил на посту, оборудованном на берегу одного из озер чуйской поймы. Здесь, среди камышовых зарослей, размещалось хозяйство экспедиции — испарители, снегомерные площадки и что-то там еще. Зима в тот год была необыкновенно суровая. И фазаны, забыв осторож-

ность, приходили к человеческому жилью. Навещали Никифорова и люди, блуждающие по своим надобностям по пустыне. И надо ли говорить, что, увидев красноперых красавцев рядом с постом, гости просили у хозяина ружье. Но Никифоров совершенно по-джеклендоновски предупредил:

— Фазаны мои...

И на ехидный вопрос, не собирается ли он вокруг своего поста устроить заповедник, решительно и спокойно отвечал:

— Фазаны мои. Вытянут до весны, видно будет...

Но птиц он не трогал ни весной („птица теперь худющая“), ни летом („какой же дурак летом охотится“). А осенью своему напарнику, прибывшему на смену, наказал:

— Ты их не беспокой. Они что тебе куры. Совсем людей не стерегутся...

Этих своих прирученных фазанов Никифоров вспоминает неохотно. Он считает, что они наверняка стали добычей браконьеров.

— Уснул, что ли? — растолкал меня Женя. — Это тебя напасть тугайная сморила. В тугаях всегда душновато. Поэтому и клонит ко сну. Даже осенью. А летом — так спасу нет. Хуже, чем в барханах. Два месяца назад я тут с нивелиром ходил как вареный. А Цветков, тот стоя спал, за рейку держался только, чтобы не свалиться.

Передохнув, снова приступаем к нивелировке. Женя в нескольких шагах от меня и объективом целится почти в упор: рейку не видно уже в десяти — пятнадцати шагах. Прежде чем установить треногу с нивелиром, проламываем узкие щели-просеки. Широкие нам делать недосуг.

Никифоров ворчит:

— Скажи, пожалуйста, что здесь интересного нашел Валера. Яма, а в ней — лужа воды... Пора уж и на зимние квариры. Вон как по ночам октябрят. Чего доброго, до белых мух дотянем... А он возле каждого „батпака“ останавливается. Курганцев уж и след простыл, а мы все еще одежду в тугаях треплем...

Если учесть, что Никифоров вообще склонен поворчать на „столичное начальство“, то на его слова можно было бы не обращать внимания. Но эти замечания все же не лишены оснований. В самом деле, с чего мы вдруг начали полосовать переносками и продольниками это подковообразное, примерно на три четверти обсохшее озеро?

Нивелировка самого дна, ровного, уже успевшего покрыться растрескавшейся такыровидной коркой, занимает считанные минуты. Я перехожу с рейкой на противоположную сторону, а Женя, посмотрев в окуляр, записывает результат — вот и вся нивелировка. Эти же самые триста метров по тугаю мы бы тащились битый час.

Закончив нивелировку Торшакуля, вернее, его южного, обсохшего хвостья, снова врезаемся в тугай. Правда, здесь заросли не составляют сплошного массива. Тут и там обширные,

покрытые пеплом поляны. Весной здесь, когда бывает настолько сухо, что кустарник вспыхивает, как порох, бушевал пожар. Идем мимо обгорелых деревьев, похожих на черные кресты, а наши ноги путаются среди молодых побегов. И можно не сомневаться, уже на следующий год эта гарь покроется густой зеленью. Тугай встанет как феникс из пепла. Впрочем, слабое утешение: деревья вырастут не скоро. Если они вообще вырастут.

По гарям мы продвигаемся очень успешно. Поперечник вот-вот будет закончен.

— Давай-ка прицелимся в последний раз да пойдем на бархан,— предлагает Никифоров.— Там, кажется, машина стоит.

Я думал, на бархане куст, а это, выходит, грузовик. И как Женя сквозь свои толстые стекла разобрал, что там, на бархане?

Ясаков ждал нас в кабине вездехода, заполняя гидрографический дневник. Рядом с ним, положив голову на баранку, дремал Сережа.

— Так что все правильно,— сообщает нам шеф, едва мы приблизились.— Торшакуль — совсем не „куль“*, а самый настоящий ильмень, остаток прежнего русла. Вот полюбуйтесь-ка...

Валерий Сергеевич показывает нам схемку, которую он быстро набросал от руки. Рисунок прост — несколько подковок, возле одной из них аккуратные букочки: „Торшакуль“. Соединенные линиями подковки превращаются в излучины какого-то русла.

Ну и глаз у тебя, Валера! — восхищается Никифоров.— Мы тебя в тугаях проклинали, косточки перемывали, а ты вот, оказывается, целую реку обнаружил..

— За то нам и деньги платят,— отвечает Ясаков, очень довольный тем, что его старания оценил такой опытный гидролог, как Никифоров.

Мы с Ясаковым только что в последний раз искупались в Сырдарье. То есть побарахтались с минуту в ледяной обжигающей воде и растерлись полотенцами. Перед сном не следовало этого делать, вода теперь холодная. Но мы привыкли купаться каждый вечер. Разумеется, если было где купаться.

— Черти, до утра не утомонятся,— бормочет Ясаков, затыгивая капюшон спальника.

Это в адрес тех, кто бодрствует у костра. Валерий Сергеевич за ужином предупредил, что всех поднимет чуть свет. Но все равно никто не спит. Грянул октябрь, и ночи стали холодные, но по-прежнему раньше десяти никто не ложится. Си-

* Куль — по-казахски „озеро“.

дят до тех пор, пока не осушат все чайники. А то принимаются за чаепитие и по второму кругу.

Как всегда, на нашей плите стоят три чайника. В одном из них заварка. Ядовитая, как отвар итсегета. А плита все та же, над которой в свое время, еще в Джамбуле, мне пришлось попотеть. Лавки и стол, за которыми сидят „черти“, конечно, те же. Достоинства плиты теперь ни у кого не оставляют сомнений. Петухов засекал время: с момента первого взмаха кетменем, когда я начинаю копать лунку для очага, и до закипания воды в чайниках проходит не более сорока минут. Преимущество нашей плиты еще и в том, что чай на ней никогда не остывает. Если, конечно, изредка в ямку, под лист железа, подбрасывать саксауловые или тамарисковые веточки. А это немаловажно для нашего отряда — ведь мы с Петуховым не единственные воздухолебы.

По подсчетам того же Александра Васильевича, любящего во всем точность, кпд нашей печки в летнее время приближается где-то к восьмидесяти процентам. Таким образом, в атмосферу и на нагревание грунта и стального листа уходит не так уж много калорий. Автором плиты является Ясаков. И вообще, лист был изготовлен лишь благодаря настойчивости начальника партии. Однако приятно все же сознавать, что вещь, сработанная твоими руками (пусть и против твоего желания), оказалась полезной, нужной людям.

Теперь мне смешно, что когда-то я обвинял Ясакова в занудстве, в излишнем внимании, прямо-таки пристрастии к мелочам. Множество мелочей, о которых начальник партии предусмотрительно позаботился в Джамбуле, облегчили нашу бивачную жизнь.

...Вечера, видимо, на самом деле будет продолжительной. Вон какую кучу саксаула и полуобгоревшего чингиля ната-скали с гарей. Чаевники натянули на себя телогрейки, долгое время пылившиеся в мешках без надобности, и ведут неторопливый разговор, прихлебывая чай из кружек.

Слышится мелодичный голос Зубченко:

— У меня в ту зиму вы бы снега не выпросили. Я на посту каждую пушинку ловила. — Марина сложила ладони и подняла их перед собой, показывая, как ловила она на своем гидрологическом посту снежинки-пушинки.

Через некоторое время в разговор вступает Никифоров. Но его слов не разобрать. Бубнит что-то себе под нос.

— Я видел старые карты, — начинает вдруг говорить Ясаков, — на них урочище Торшакуль тоже значится. Оно там буквально осыпано голубыми пятнышками — сплошные озера, что тебе Карельский перешеек. А теперь разве скажешь, что эти ложбины и понижения, заросшие чингилем и джидой, когда-то были озерами и протоками.

Даже в прошлом веке левобережье местами считалось недоступным для путешественников из-за обилия озер и протоков, из-за камышовых и тугайных зарослей... Археологи окре-

стили древнюю дельту Сырдарьи среднеазиатской Венецией древнего мира. Ведь дельта в прошлом была не только обводнена, но и плотно заселена, в чем мы могли сами убедиться. Куда ни поедешь — крепость или мазар. Куда ни шагнешь — арык или канал...

— Помнишь старика с длинной бородой в Жанакале? Это он нам говорил, что из Отрара в Ургенч можно было пройти по крышам аулов? Преувеличение, конечно. Но доля истины тут есть.

— Страбон * считает дельту местом расселения так называемых „массагетов болот и островов“. Кстати, советую тебе почитать труды Страбона. Не хуже твоего Геродота. Я ему верю...

— История Сырдарьи и ее дельты свидетельствует, как динамично изменяется облик Земли. Причем, порой даже без вмешательства человека.

— Вначале у Сырдарьи было непреодолимое стремление во что бы то ни стало пересечь Центральные Кызылкумы. Река хотела пробиться сквозь отроги, ограждающие Зеравшанскую долину. Я имею в виду так называемый западный ее вариант, именуемый еще иногда Пра-Сырдарьей. Текла себе река в широтном направлении и вдруг поворачивает на север. Разве не любопытно? Вот еще одна загадка... В районе нынешнего Чардарьинского водохранилища есть Арнассайская впадина — место, где Пра-Сырдарья поворачивала и устремлялась к Амударье, уничтожая останцы, горюшки третичного периода, и вместо этого нагромождая по сторонам песчаные гряды. Сведения об этом западном варианте очень скудны. Тут больше предположений и гипотез, чем конкретной информации. Гораздо ближе к нам и гораздо богаче сведениями эпоха древней дельты. То было время, когда Сырдарья, потерпев поражение на западном направлении, начала блуждать по Турану...

Ясаков, очевидно, воодушевленный складным началом и вниманием собеседника, расстегнул спальник и, высвободив руки, чертит в воздухе странствующие русла Сырдарьи.

— Сначала шла сюда... Потом двинулась туда... Теперь я довольно отчетливо представляю схему не только сегодняшней дельты, но и ее, если можно так выразиться, исторический профиль. Вернемся в Ленинград, нарисую схему Нижней Сырдарьи, причем со всеми ее блуждающими, или, как говорят ученые, мигрирующими руслами...

— Так вот. Если изобразить узбой, то можно убедиться, сколь упорно было стремление Сырдарьи объединиться с Амударьей, чтобы прорваться к Морю. Морем я называю то, что в очень отдаленные эпохи в совокупности представляли собой Каспий и Арал. Но что-то мешает Сырдарье течь западными руслами. И она с каждой новой эпохой все более отклоняется

* Страбон — крупнейший древнегреческий историк и географ.

к северу. Правда, при этом Сырдарья никогда не теряет возможности часть своих вод направить в староречья. Что она и делает при каждом удобном случае. Вода, прорвавшись в узбой, совершает колоссальную работу. Я бы сравнил в этом случае Сырдарью с могучим, трудолюбивым декханином, который то здесь, то там расчищает и углубляет русла, убирает образовавшиеся переемычки из ила и песка, а по берегам воздвигает внушительные валы.

— Итак, иногда Сырдарья возвращается на „круги своя“. Отдельные прорывы в дельту, как мы убеждались, совершаются до настоящего времени. Яркий тому пример — мощный паводок в шестьдесят девятом, когда барханы превратились в аралы, а узбой — в узбеки. Наши заказчики полагают, что Сырдарья полностью зарегулирована. Но все же река иногда выходит из подчинения человеку. Правда, теперь уже редко.

Ясаков умолк на некоторое время и рассматривает светящуюся точку, блуждающую в хаосе звезд, — вероятно, спутник. А затем продолжает свою научно-популярную импровизацию.

— В сторону Амударьи Сырдарья в эпоху древней дельты прорывалась сразу двумя руслами — Карадарьей и Инкардарьей. Но только соединившись, русла смогли пробиться к Амударье. Днем я покажу тебе, где произошел этот прорыв в Кызылкумах. Он является как бы продолжением Жанадарьи и смыкается с древними руслами Амударьи. Вообще-то Карадарья — как раз неудавшаяся попытка Сырдарьи одолеть Кызылкумы. Карадарья не углублялась в Кызылкумы, она текла вдоль мощных песчаных гряд, не предпринимая решительных действий. Видимо, тогда водность Сырдарьи была недостаточной. А может, она тащила с собой много илу и песку. О характере твердого стока Карадарьи можно судить по тому, насколько русло бывшей реки возвышается над окружающим рельефом. Со временем низовья Карадарьи оказались под толщей аллювия, песка и лесса.

Ясаков вдруг закашлялся.

— Пойду-ка чаем горло прополошу, — сказал он, приподнявшись на локте и посмотрев в сторону костра.

Девушек у костра не было. Они только что с полотенцами ушли на берег реки.

— Ну и чай вы пьете, ребята. Ведь отравы, заварка сплошная. Я бы после такого зелья ног не таскал.

— Наоборот, Валера, бегал бы, как сайгак.

— Да он и так не хуже сайгака бегает. Уйдет на север — жди с юга...

... — Но Сырдарья предпринимает новые и новые попытки, она рвется к морю, — продолжает Валерий Сергеевич свою лекцию, забравшись в спальник, словно он никуда и не уходил.

— И тогда появляется Инкардарья. Теперь я все больше склоняюсь к мысли, что Инкара старше Жаны.

Ясаков иногда употребляет сокращенные названия: Куван-

ка, Жана, Инкара — мы привыкли так делать в разговорах между собой.

— Русло Инкары впоследствии, как и низовья Карадарьи, было также погребено на больших участках под собственными наносами, а отчасти кызылкумскими песками. Но довершила гибель Инкары все-таки наша любимица Жанадарья. Это она своими мощными меандрами-излучинами и высокими береговыми валами перемолола, рассекла, перекроила не только самое русло Инкары, но также ее долину. Но все произошло гораздо позже. А задолго до этого воды Инкардарьи и Карадарьи, объединившись, мчались между барханами на юг, к Амударье, к Морю. А Жанадарьи тогда и в помине не было.

— Сливались же Инкардарья с Карадарьей неподалеку от развалин крепости Кумкалы. Помнишь, где вы с Мариной и Любой производили съемку? Ты еще спросил, почему вы занялись нивелировкой такого ровного места. Если бы мы могли часто и методично буровать эту кумкалинскую „плоскоту“ или, что еще лучше, снимать пласт за пластом, как это делают археологи во время раскопок, то, вероятно, обнаружили бы несколько слоев ила. Место слияния представляет собой нечто вроде „наполеона“ — слоеного пирожного. В конце концов мы смогли бы добраться до самого широкого древнего ложа, которое впоследствии было засыпано, забито наносами. Руслица, обследованные нами на кумкадинских такырах, таким образом, как бы покоятся на древней илесто-лессовой подстилке. Как они образовались — понятно. Талые воды, стекающие со склонов древнеречной долины, собираются на тальвеге, а затем движутся по сохранившимся уклонам. Эти малые воды и выгравировали небольшие руслица.

— В целом Инкара не сохранилась. Она скорее существует в историко-географическом понимании. Впрочем, тут нельзя быть категоричным. В нашем деле вообще нельзя быть категоричным... Во время известного паводка в шестьдесят девятом году в русле Инкары, в ее верховьях, расходы составляли до пятидесяти кубов в секунду. Многие перемычки в русле были размыты и, таким образом, русло в верховьях расчистилось...

— Однако вернемся к нашей Пра-Жанадарье. Так я называю затакыренный „коридор“ в Кызылкумах, являющийся, как мы уже говорили, результатом коллективных усилий Инкары и Карадарьи. В литературе он известен под названием Бактыбулакской ложбины. Кстати, по этому „коридору“ вода шла и в эпоху Жанадарьи, когда та уже впадала в образовавшийся Арал. В конце концов Пра-Жанадарью постигла участь питающих ее водотоков: она оказалась забита илом, зацементирована песками Кызылкумов. В настоящем виде Бактыбулакская ложбина — широкая, от пяти до десяти километров, затакыренная долина. Она хорошо просматривается с борта самолета. Ослепительно белая, ложбина напоминает „молоч-

ную реку“ из русских народных сказок. Только нет жизни на ее берегах.

— Но почему ложбина не включена в наши изыскания?

— Тогда ты можешь спросить еще, почему мы побережье Арала не обследовали? Тоже ведь дельта. И там тоже, скажу тебе, немало интересного. Дело в том, что проектировщиков из Союзводпроекта интересуют только те водотоки, которые находятся на пересечении с трассой канала. Прежде всего они хотят знать, по каким именно водотокам массы воды обрушатся на борт канала во время катастрофического — самого мощного предполагаемого — паводка.

— Значит, проектировщики, несмотря на утверждения своих коллег по институту о полной зарегулированности Сырдарьи, все же предполагают, что она однажды может выйти из подчинения и натворить дел?

— Выходит так. Именно поэтому мы тщательно нивелировали все водотоки и ложбины, пересекающие трассу канала.

— А что такое Жанадарья с точки зрения орошения Кызылкумов?

— О-о-о... Тут я вижу большие возможности. Начну с примера. Во время мощного паводка в шестьдесят девятом расходу Жанадарьи в створе Кумкалы достигали ста восьмидесяти кубов в секунду. Это в два раза меньше расходов, скажем, Волхова, и с позиции специалиста, оперирующего расходами европейских рек, мизер. Но для Южного Казахстана, где дорога каждая капля воды, сто восемьдесят кубов — это уже богатство. Разумеется, Жанадарья способна пропустить гораздо большие объемы воды. Например, если ее русло как следует обтесать ножом бульдозера или углубить ковшем экскаватора. Ложе любого узбоя — если оно вообще сохранилось, да еще хорошо кольматировано* — вполне пригодно для обводнения безводных районов дельты. Жанадарья в этом смысле не является исключением.

— Еще несколько слов о паводке. В тот год в Арнассайскую солончаковую впадину было сброшено не меньше двадцати одного кубического километра воды. Для сравнения напомним: емкость Чардаринского водохранилища — семь кубических километров. Таким образом, рядом с водохранилищем образовалось целое море.

Израсходовав очередную порцию красноречия, Ясаков замолкает, собираясь с мыслями. И я теперь отчетливо слышу все, о чем говорят у костра.

— А Борька, наверное, уже в неволе, — вспомнил почему-то про кызылкумского грифа Бирн. — Наверное, его увезли в зоопарк, и Чижу настоящее приволье. Теперь его никто по лбу

* Кольматация — заполнение пор грунтов мелкими илистыми или глинистыми частицами, которые вносит фильтрующаяся через грунт вода. Явление кольматации используется для борьбы с фильтрацией воды из каналов.

не шелкает. Мослы небось обглаживает, что после грифа остались.

— ...Представляешь, как обрадовались бы кзылординцы, если бы вода была сброшена не в Арнассай, а направлена по протокам дельты? Но этого не случилось. Паводок выдался грозный, и нужно было любой ценой спасти Чардаринское водохранилище и его дамбы...

Правда, тогда и Жанадарье кое-что перепало. И кзылординцы немедленно воспользовались большой водой. В тот год на приречных и внутрирусловых террасах узбоя посеяли кукурузу и люцерну. А на плесах зашумели тростники, или — по-товоему — камыши. Вода тогда затопила даже окрестные русла Чирик-Рабата. Там до сих пор сохранились лужи в глубоких ямах...

— Ну а как ты думаешь, Валера, дадут ли добро на строительство канала?

— А что гадать? Труды наши в любом случае не пропадут даром. Думаешь, отчет наш только проектантам нужен? Да покажи мы его алмаатинцам или кзылординцам — с руками оторвут... Давай все же не отвлекаться. На чем мы остановились? Ага... Значит, когда водность увеличилась, появилось два новых водотока — Жанадарья да Кувандарья.

— Увеличилась водность?

— Тут удивляться нечему. Доказано, что Туранская низменность подвергалась атакам со стороны Моря не один раз. Была эпоха трансгрессии, когда Море господствовало на значительной части Турана. А теперь мы свидетели регрессии — уменьшения водности. Явление трансгрессии и регрессии — следствие каких-то сдвигов в природе. Вообще не исключено, что за нынешней регрессией опять стоит трансгрессия. И тогда Туран испытает очередной натиск воды: Разумеется, это лишь умозрительное, дедуктивное предположение. Когда кончится регрессия — никто тебе не скажет. А хорошо бы знать. Но это все равно, что гадать о конце света. Можно с уверенностью говорить лишь одно: внезапно чередования не происходят. На наш век, увы, досталась регрессия... Что касается водности среднеазиатских рек, то тут, несмотря на огромный комплекс исследований, далеко не все ясно. Общеизвестно: Арал и Каспий мелеют. Но как? Были составлены графики обмеления, прогнозы. И что же? Фактические графики усыхания всегда отличались от тех, что были составлены учеными и специалистами. Процесс обмеления идет то быстрее, то медленнее. В настоящее время наши моря-озера мелеют слишком быстро, они уже побили все нормативы, разработанные в институтах и других научных учреждениях...

— Паустовский был прав: мы живем в огромном, пока еще плохо изученном мире...

Однако не пора ли нам на боковую? Чаевники вон, кажется, расходятся.

— Нет, это Женя с Цветковым пошли за саксаулом... За-
втра в дороге выспимся.

— Шоферов бы не беспокоить...

— Твой монотонный голос, Валера, их только убаюкивает.
Вот когда мы с тобой дискутируем — тогда, действительно,
хоть святых выноси...

Я не убираю в изголовье карандаш и блокнот: надеюсь, Ва-
лерий Сергеевич на этом не остановится.

У него удивительная способность: если его хорошенько раз-
говорить, то он будет держать речь часа два подряд. В любой
обстановке: днем ли, ночью ли, сидя в тени саксаулины или
шагая по барханам. Развивая мысль, Валерий Сергеевич, сам
того не замечая, иногда переходит даже на периоды.

Если тут же записывать все, о чем он рассказывает, то
выйдет почти готовый очерк на тему гидрологии или экологии.
Или даже археологии.

Но вот что удивительно. На собраниях и совещаниях Яса-
ков — особенно когда ему приходится выступать с отчетами и
докладами — говорит сбивчиво и путано. Складно он расска-
зывает лишь в том случае, если импровизирует. Повторять же
сказанное не любит. Да это у него и не выходит.

Сколько раз бывало — подойду с блокнотом: „Валера, ты
вчера так интересно рассказывал. Кое-что надо бы записать
для памяти...“ Ан нет, не тут-то было! Если и уговоришь, блок-
нот все равно остается пуст. Вроде то же самое скажет, а за-
писывать нечего. Ни сравнений ярких, ни энергии — все вяло,
блекло.

Одним словом, коль Ясаков разговорился, то его надо слу-
шать, не перебивая, и надо строчить, не жалея бумаги. Что
еще удивительно — блокнот его в этом случае не смущает.
Даже наоборот: перестанешь писать — он тут же замолкает,
выжидательно смотрит на тебя. Мол, давай, чего остановился.
Сам он этого не замечает.

Ясаков на какое-то время замолчал. Я подумал, что это и
есть конец лекции. Но через некоторое время я вновь услышал
ровный негромкий голос своего шефа. Импровизация продол-
жалась.

— Эпоха Кувандарьи и Жанадарьи, несомненно, связана с
увеличением водности. Паводки становились все мощнее и
мощнее, а Пра-Жанадарья, или Бактыбулакский „коридор“, —
называй как хочешь — уже не обладала былой пропускной
способностью. Тут и там наносы образовали острова и пере-
мычки. Кстати, Кызылкумы, частично порожденные Сырдарьей,
теперь стремились остановить ее нашествие. На лессовые осе-
редки и острова обрушивались сотни и тысячи тонн мелкого
песка. Тут и там создавался естественный подпор. И тогда Сыр-
дарья оказывалась вынужденной бороздить новые русла. На-
чала река прорывалась к Аралу — видимо, к тому времени уже
обособившемуся — по долинам ручейками. Но в конце концов

возникло три внушительных протока — Жанадарья, Кувандарья и собственно Сырдарья.

На этом месте Ясаков вынужден был остановиться. У костра разгорался ожесточенный спор.

— Где это ты видел растения без листьев? Чем же тогда саксаул дышит, скажи?! — возбужденно кричал на весь бивак Бирн, наседая на Никифорова. — Чем, скажи, если, по-твоему, у саксаула это не листья?!

— То, что ты мне, Сережа, тычешь под нос, — все-таки не листья, а вегетативные или регенеративные побеги. У саксаула листьев не бывает.

— Тебе бы комиссару нашему вместо Ясакова лекцию читать! Пр-р-рофессор!! — пуше прежнего взвизывает Бирн.

— Сережа, оставьте на завтра! Раскричались, слышно аж до Кызыл-Орды, — раздается возмущенный голос из темноты.

Кроме этих двух спорщиков, у костра больше никого нет. Все уже давно разбрелись со спальниками вокруг машины. Но и вдвоем закадычные друзья спорят за семерых.

Дождавшись относительной тишины, Ясаков, как ни в чем не бывало, продолжает:

— Итак, образовалась дельта, огромное, хорошо обводненное пространство, простирающееся в широтном направлении на 350 километров и в меридиональном — если мерить по изрезанному побережью Арала — на 450—500 километров. Цифры, конечно, приблизительные. Ничего себе „треугольник“, не правда ли?

— Мне кажется, странствующие русла Сырдарьи, расходящиеся по северо-западу Кызылкумов, петляющие по лессовым пространствам, словно самой природой предназначенные для земледелия или для устройства заповедников и национальных парков. Возможности протоков еще не использованы, часть их вполне пригодна в качестве транспортных путей. Как показывает практика, старые русла целесообразно использовать для прокладки каналов. Но мы об этом уже немало с тобой говорили.

— Давай-ка подытожим. Если за меру взять сохранность русла, транспортные его возможности, то, кроме Жанадарьи, я бы выделил только Кувандарью. Все другие, в прошлом могучие протоки Сырдарьи ей теперь и в подметки не годятся. Одна Кувандарья ныне является рекой. Правда, зарегулированной. Ныне она имеет почти девятьсот миллионов кубических метров чистого годового стока. И Кувандарья — единственный из всех протоков древней дельты, по которому вода поступает вплоть до лиманов Арала.

— Теперь несколько слов о загадке Жанадарьи. С позиций современной гидрографии нет ничего удивительного в том, что Жанадарья исчезла. Разумеется, кызылкумские пески не могли засыпать такую реку. Тут надо принять во внимание лишь общий вес твердого стока дельты, который исчисляется астрономическими цифрами. За сотни и тысячи лет труженица Сыр-

даря на берегах Жанадарьи и других своих бродячих русел отложила громадное количество наносов. Вот эти наносы, приподняв бродячие русла, уничтожили уклоны, свели их к минимуму, закупорили устьевые участки.

— Таким образом, вновь поступающие наносы уже не транспортировались к устью, не выбрасывались на террасы и валы, как раньше. Лесс и аллювий откладывались прямо в руслах, нередко у самих истоков. В конце концов все протоки, питавшие Жанадарью, были окончательно закупорены. Примерно то же происходило и с другими главными руслами дельты. Сток в Междуречье прекратился. Отдельные прорывы, имевшие место до настоящего времени, как ты понимаешь, я во внимание не принимаю. Сейчас я пытаюсь дать лишь общую картину изменений в Междуречье... Во времена Мейендорфа, понятно, всей этой механики скорее всего не знали. Поэтому, наверное, в его „Путешествии“ и появились строчки об „исчезновении“ Жанадарьи...

— Вообще-то в отношении Амударьи, Сырдарьи, Или, Чу и других транзитных рек Турана теория...

Надо же! Как раз на этом месте меня начинает одолевать дрема. Я трясую головой, стараюсь прогнать сон. На Валеру нашел стих — надо его слушать. Другого такого случая не будет — повторять свои мысли он не любит.

— ...Зона питания — зона потенциальной энергии... Сумасшедшие уклоны в горах — зона кинетической энергии... Преобразование потенциальной энергии в кинетическую происходит до тех пор, пока река не приблизится к профилю равновесия...

Пытаюсь постичь смысл профиля равновесия, о котором так вдохновенно рассказывает мой неутомимый шеф в эту замечательную ночь, но сон одолевает меня окончательно.

Вместо эпилога

В полночь проснулись от лязга и тряски. Отстегнув угол брезентовой стенки, выглядываю наружу. Светло, хотя луны и нет. Над нами висит огромный светящийся купол. Часть звездного мерцающего небосклона затянута крепом — там хребет Каратау, мекка биологов и ботаников, обиталище растений-реликтов и растений-эндемиков. Хребет можно узнать и ночью — его вершины или сглажены, или срезаны. Он похож на пилу с обломанными зубьями.

Мы едем по бездорожью, а не по асфальту. Очевидно, Ясаков решил сделать остановку, чтобы дать возможность водителям отдохнуть. И теперь он подыскивает для бивака подходящее место.

Прогромыхав по степи примерно с полчаса, колонна остановилась. Мне не надо стоять у колеса, как другим, и ждать, когда там Женя достанет спальники и чайники. Терпение лопнет, пока он что-нибудь найдет. Я костровой, и поэтому, как только машина остановилась, немедленно отправляюсь куда глаза глядят — искать дрова.

Побродив по степи, я понял, что дров мне не найти и днем с огнем, а не то что ночью. Здесь не было ни саксаула, ни тамариска, ни чингиля — ничего такого, что сгодилось бы для топки. Только польнь да жесткие, сухие пучки трав, обглоданные скотом.

Как разительно эта каратавская степь отличается от равнин дельты, богатых растительностью! К биваку возвращаюсь ни с чем. Придется раскопегаривать паяльную лампу, смрадную, гудящую, как целая эскадрилья самолетов.

— Ты что там впотьмах ищешь? Дрова? Зачем? Саксаул под боком, а он по степи бродит. Раздувай-ка побыстрее огонь, я тебе уже лунку выкопал.

Сережа Бирн, конечно, меня разыгрывает. Но возле колеса я действительно вижу кучу настоящего саксаула. Оказывается, его припасли еще на Сырдарье. Пока мы все бродили по тугаям, Бирн с Ясаковым потихоньку от нас набили саксауловыми поленьями продуктовый ящик. Это было проделано в полной секретности, чтобы не привлекать внимания зубоскалов. Ведь странно брать в дорогу дрова, не правда ли? Тем более, когда возвращаешься домой.

Мы занимаемся устройством бивака, а Женя Никифоров, верный своей привычке, исчезает. До нас доносится треск проламываемого тростника. Что он там увидит во тьме?

Разумеется, его интересует не гидрология и не гидрогра-

фия. У него одно на уме: наведываются ли на плес дикие кабаны, колготятся ли там утки, плещется ли в бочагах и омутах рыба. Он не может спокойно заниматься делом до тех пор, пока не выяснит наличие живности на водоеме.

Примерно через двадцать минут Никифоров вышел из тростника, тяжело дыша и волоча за собой целое бревно — телеграфный столб, неведомо как здесь оказавшийся. Таким образом, топливом мы обеспечены на всю ночь. Жить можно!

Петухов, как обычно, засыпает в чайник лошадиную дозу заварки. Значит, спать никто не собирается. Оно и не удивительно. Все, за исключением водителей да, может, Ясакова, выспались днем, в дороге. Когда машина идет по асфальту, так сладко дремать на тюках с имуществом партии! И теперь у всех глаза по плоске. Да и грешно заползать в пропыленный спальник в такую славную ночь — тихую, звездную, пропахшую полынью. Ведь эта ночь последняя, и она никогда не повторится. Как не повторятся и те ночи — бархатные ночи остывающей пустыни, ночи с тугайными шорохами и сторожкой тишиной.

Водители благоразумно уносят свои спальники подальше от костра. Остальные, как обычно, принимают что-нибудь вспоминать. Через год, в какой-нибудь очередной экспедиции, вот так же они будут рассказывать про Сырдарью и Кызылкумы. Вчерашний день становится воспоминанием, уходит в прошлое...

Однако, несмотря на „лошадиную дозу“, беседа почему-то угасла быстрее обычного. Ребята как сидели у костра, так и уснули. Даже Никифорова, уверявшего, что он будет дежурить до рассвета, сморил сон.

Прокаленное саксауловое полено играет, переливается различными оттенками — от темно-рубинового до чисто алого, от золотисто-соломенного до мадинового. Валерий Сергеевич думает о своем. Скорее всего о семье, о дочурке. Я ни о чем не думаю. Сижу просто так и наблюдаю, как медленно и жарко горит саксаул.

— Почему-то о пустыне редко пишут поэты. Стихов настоящих почти нет, — Ясаков говорит как бы про себя, размышляя. Не получив ответа, он вдруг начинает негромко читать:

Но только мертвый зной спадет
И брызнет кровь лучей заката —
Пустыня вспыхнет, оживет,
Струями пламени объята.
Вся степь горит — и здесь, и там
Полна огня, полна движений,
И фиолетовые тени
Текут по огненным полям..

— Надо же, забыл, как дальше. А ведь когда-то „Пустыню“ Волощина знал от начала до конца. Не заучивал, а как-то само собой запомнилось... Ну, ладно, слушай, вспомнил:

Да одиноко городища
Чернеют жутко средь степей:
Забывших дел, умолкших дней
Ненарушимое кладбище.
И тлеет медленно закат,
Усталый конь бодрее скачет,
Копыта мерно говорят,
Степной джюсан звенит и плачет.
Пустыня спит, а мысль растет...

Я слушал и смотрел на хребет Каратау и думал о том, что два месяца назад мы видели эти горы с другой стороны. Теперь, перед рассветом, они хорошо выделялись на посветлевшем небосклоне и казались вырезанными из темно-синего картона. До Каратау было еще очень далеко.

Содержание

От редактора	3
От автора	4
Пролог	6
1. В штабе экспедиции	10
2. У сырдарьинского моста	19
3. Маяки дельты	29
4. Приречные леса Жанадарьи	40
5. Поездка в Аккыр	51
6. Под стенами Чирик-Рабата	63
7. Там, где теряется Жанадарья	73
8. На берегах Майлыузека	84
9. Теплая рукоять ножа	93
10. Уха на ухвостье бархана	101
11. Сырдарья	111
Вместо эпилога	124

**АНАТОЛИЙ ЕГОРОВИЧ СТЕРЛИКОВ
В ДЕЛЬТЕ СЫРДАРЬИ**

Редактор А. А. Луцкий. Художник А. В. Сергеев. Художественный редактор
Б. А. Денисовский. Технический редактор Л. М. Шишкова. Корректор
И. В. Жмакина

Сдано в набор 14.08.79. Подписано в печать 13.03.80. М-23296. Формат
84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2 и офсетная. Лит. гарн. Печать высокая. Усл.
печ. л. 7,56 с вкладкой. Уч.-изд. л. 9,31. Тираж 100 000 экз. Индекс ПЛ-89,
Заказ № 2509. Цена 40 коп.

Гидрометеиздат, 199053, Ленинград, 2-я линия, д. 23.

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа Госкомиздата БССР, 220827, Минск,
Красная, 23.